

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Жан Франсуа Бретон

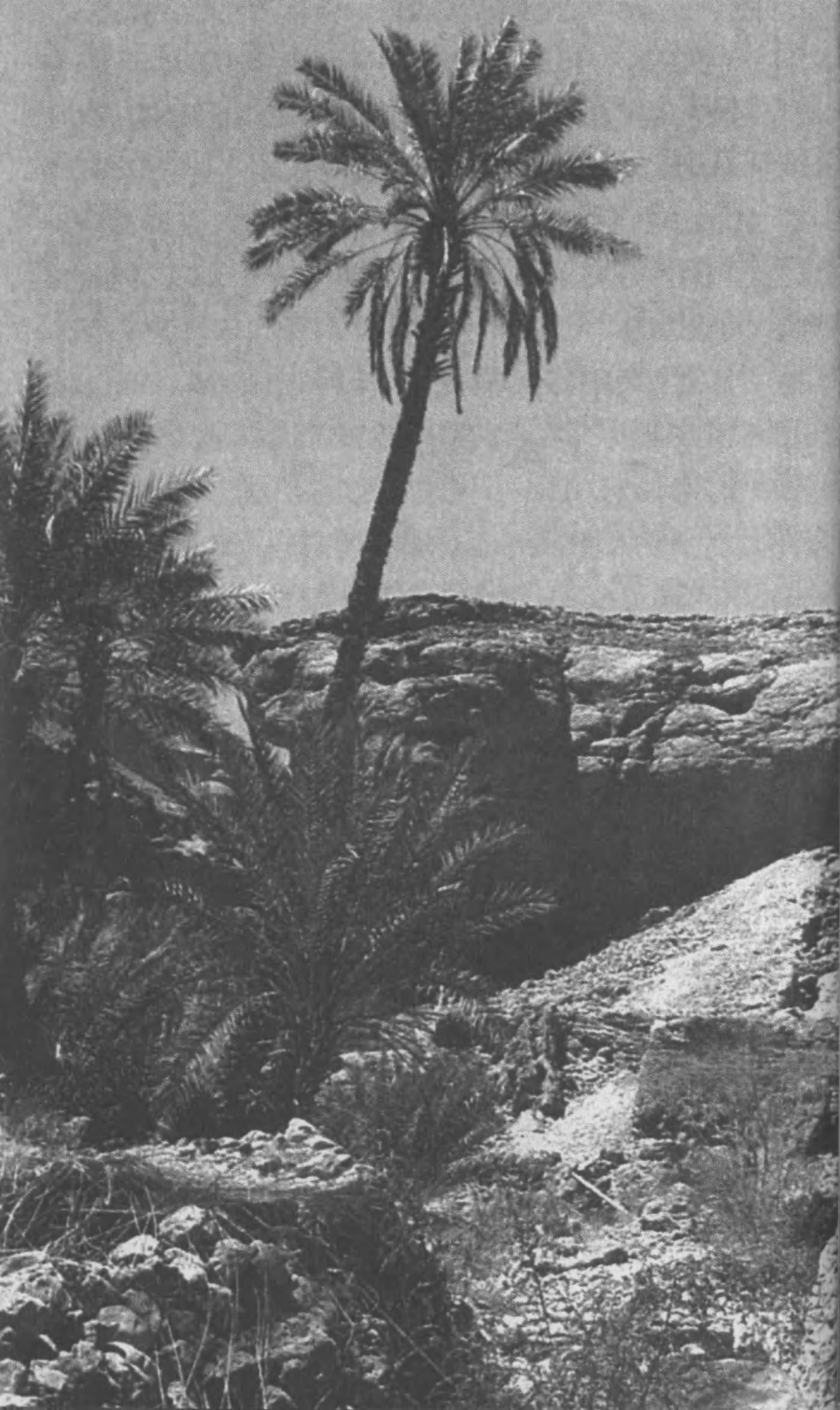
# ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

АРАВИИ СЧАСТЛИВОЙ ВРЕМЕН ЦАРИЦЫ САВСКОЙ









ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА



# ПОВСЕДНЕВНАЯ

---

Жан Франсуа Бретон

---

Jean-François Breton  
L'ARABIE HEUREUSE  
AU TEMPS  
DE LA REINE DE SABA  
VIII<sup>e</sup> — I<sup>er</sup> siècles avant J.-C.



# ЖИЗНЬ

АРАВИИ СЧАСТЛИВОЙ  
ВРЕМЕН  
ЦАРИЦЫ САВСКОЙ  
VIII век до н.э. — I век н.э.

---



УДК 931  
ББК 63.3(0)31  
Б 87

*Художественное оформление серии*  
**С. ЛЮБАЕВА**

*Перевод*  
**Ф. Ф. НЕСТЕРОВА**

*Перевод осуществлен по изданию:*  
*Jean-François Breton*  
*L'Arabie heureuse au temps*  
*de la reine de Saba*  
*VIII<sup>e</sup> — I<sup>er</sup> siècles avant J.-C.*  
*Hachette Littératures, 1998*

**ISBN 5-235-02571-7**

© Hachette Littératures, 1998  
© Нестеров Ф. Ф., перевод  
и вступительная статья, 2003  
© Издательство АО «Молодая гвардия»,  
художественное оформление, 2003  
© «Палимпсест», 2003





Парижское издательство «Ашетт», выпуская в свет эту книгу, рекомендовало ее автора французским читателям так: «Жан-Франсуа Бретон: историк, доктор филологических наук, сотрудник Национального Центра Научных Исследований. Жан-Франсуа Бретон руководил важными археологическими раскопками в Йемене и является автором многих работ в области археологии».

Итак, автор «Повседневной жизни Аравии Счастливой» одновременно и историк, и филолог, и археолог. Случайно ли такое совпадение в одном лице? Отнюдь! Если принять к сведению, что он к тому же — *сабеист*. И последняя профессия, пожалуй, перевесит все три, как в отдельности, так и в совокупности.

В конце концов, историки, филологи и археологи, только ныне живущие, исчисляются в мировом масштабе десятками тысяч. По *сабеистике* за два с половиной столетия ее существования написана целая литература на многих языках, но вот число ее авторов, как показывают библиографические справочники, с XVIII по XXI век вряд ли намного превысило *сотню*! Иными словами, в настоящее время на всем земном шаре «обитает» менее сотни сабеистов: эта редчайшая ученая «порода» безусловно заслуживает почетного места в «Красной книге». Тем более что каждый ее представитель по необходимости и историк, и филолог, и археолог, в той или иной степени.

И что же такое *сабеистика*? Это наука о «Сабе» или о «Шебе» (речь идет об одной и той же стране с двойным названием — арабским и древнееврейским).

Самые эрудированные из наших читателей успели, наверное, соотнести «Сабу-Шебу» с «царицей Савской» (буквально царицей «Сабы») из Третьей библейской Книги Царств: «...Царица Савская, услышавши о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками. И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями...»

О том, произошла ли в исторической реальности эта яркая сцена, читатель узнает из текста книги Бретона. Здесь же в предисловии важно подчеркнуть одно важное обстоятельство: библейский рассказ о баснословном богатстве Сабы (слышанное ли дело — перевозить золото и драгоценные камни тюками?!) полностью совпадает с совершенно отдельно от него, никак с ним не связанной нарративной традицией греко-римских географов и историков. Александр Македонский Библию не читал, но прослышавши от своего наставника о сокровищах Сабы еще в детстве, вспомнил о нем по возвращении из похода в Индию и принялся готовиться к вторжению в сабейские земли. Смерть прервала его начинания. Не читал Библии и Август Октавиан, а тем не менее послал на овладение Сабой свои воинственные легионы... Так значит, Саба *была*, была в *действительности*, а не только в воображении автора Третьей Книги Царств?

Сабеистика и родилась на пересечении этих двух линий повествований о Сабе — еврейской и греко-римской. Название настоящей книги, к слову сказать, отдает дань обеим, из чего выявляется любопытное противоречие: «Аравия Счастливая во времена царицы Савской»? Но царица Савская, гостившая у царя Соломона (965—928 годы до н.э.), и вообразить не могла, что правит «Аравией Счастливой». Этот топонимический термин, покрывающий собой территорию нынешнего Йемена, был пущен в оборот лишь римскими географами на рубеже нашей

эры, то есть в I веке до Р. Х. — в I веке после Р. Х. Иначе говоря, тысячелетие спустя после ее приснопамятного посещения Иерусалима. Обладала ли подруга Соломона секретом вечной молодости, чтобы царствовать в Сабе в течение девяти веков ( VIII век до н.э. — I век н.э.)?..

Накопление знаний о Сабе и смежных с нею государствах, входивших в сферу ее политического, экономического и культурного влияния, протекало отнюдь не гладко и не плавно. Один из крупнейших наших сабеистов писал в связи с этим так:

«Пожалуй, ни одна из древних цивилизаций Востока не открыла своих тайн столь сложными путями, как южноаравийская. Более двухсот лет десятки путешественников и ученых ценою тяжких испытаний, а нередко — жизни собирали сведения о географии и истории Южной Аравии, о ее древних и средневековых памятниках. Современная сабеистика имеет свой пантеон мучеников от науки. Плеяда замечательных исследователей стоит за плечами тех, кто сегодня подводит итоги изучения южноаравийской цивилизации. Тем не менее и ныне даже лучшие знатоки ее вынуждены еще говорить о ней как о неразгаданной...»

Как известно, археология Аравии находится в зачаточном состоянии. Несколько кратковременных попыток осуществить планомерные раскопки не лишили Южную Аравию славы уникальной археологической целины... Главным образом поэтому современная сабеистика, как и прежде, остается по преимуществу филологической, сейчас, может быть, точнее, историко-филологической дисциплиной... большинство работ (исследовательских. — Ф. Н.)... возникли прежде всего в процессе чтения, перевода и комментирования эпиграфических памятников»<sup>1</sup>. Вышеприведенные строки принадлежат одному из ведущих советских сабеистов — Петру Афанасьевичу Грязневичу, а написаны они были в 1971 году. Но

---

<sup>1</sup> Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. Вып. I. М., 1978. С. 7—8.

спустя всего лишь года два началось массивное наступление на южноаравийскую «археологическую целину» силами экспедиций сразу нескольких стран. Самыми крупными из них были советско-йеменская, которой руководил Грязневич (к сожалению, его не станет через несколько лет), и французская под руководством автора этой книги Ж.-Ф. Бретона.

Объем работ (как полевых исследований, так и археологических раскопок), проведенных за последнюю четверть XX века, был так велик, что в пору говорить об «информационном взрыве» в сабеистике.

Буквально из-под земли, подобно воскрешенному Лазарю, вышла на свет божий две тысячи лет спавшая мертвым сном южноаравийская цивилизация. Теперь говорить о ней как о «неразгаданной» больше не приходится: она разгадана.

Разгадана прежде всего ее «инфраструктура» — сложная и разветвленная сеть гидротехнических и ирригационных сооружений. В чертежах с помощью аэроснимков реконструированы знаменитая Ма'рибская плотина (Ма'риб — столица Сабы) и система орошения в нижней части вадии Зана. В коранической суре «Саба» говорится о «двух садах» на месте Ма'рибского прорыва плотины — фотоснимок с борта самолета служит наглядным пособием к тому, как этот оборот следует понимать. Просто и ясно: это первый комментарий к Корану, сделанный без единого слова.

Разгадана структура социальных отношений, предопределенная этой материальной «инфраструктурой». Догадки опираются на эпиграфические источники и подтверждаются ими. Южноаравийская эпиграфика, стоит заметить, двух родов. Первый из них — надписи официальные, торжественные, выполненные «монументальным» шрифтом на камне и на бронзе. Под камнем в данном контексте разумеются прежде всего каменные стены — городские, крепостные, дворцовые, храмовые с внешней и внутренней стороны, а также жилых домов. Делались они и на скалах на лоне природы и на надгробиях...

Второй род — частная переписка, коммерческие договоры, долговые расписки и пр. — находил себе

место на черенках пальмовых листьев: исписывались нервюры листьев микроскопическим шрифтом посредством какого-то остря. Ныне открыто, прочитано и переведено около 15 тысяч (!) южноаравийских письменных памятников.

Модель внутриобщинных отношений по поводу работ, связанных с поддержанием и расширением ирригационной системы, оказывается вполне пригодной и для установления межобщинного сотрудничества по тому же жизненно важному для всех вопросу. О том, к какому именно соглашению могли бы прийти племена (они же земледельческие общины), гадать не приходится, так как опять-таки из монументальных надписей на стенах достоверно известно, к какому соглашению они пришли еще в VIII веке до н.э.: они учредили Сабу. Саба, как явствует из всех эпиграфических источников, — это племена-учредители (позднее появились и «ассоциированные члены»), территория этих племен, централизованные учреждения, составленные из представителей этих племен, наконец, община верующих — верующих в бога Альмакаха, который если и не вытеснил вовсе, то оттеснил с первого плана племенные божеества. Короче, возникает *государство*, причем рождается не на крови, что встречается крайне редко. В течение всего тысячелетнего, без малого, существования Сабы ежегодно будет праздноваться «День единения».

Политическая и социальная история Сабы известна, положим, лишь в самых общих чертах, но если соединить эти общие черты между собой, получается удивительно благостная картина: общество, несомненно характеризовавшееся весьма значительной имущественной дифференциацией, так и не испытало ни одного народного восстания! Бедные наверняка там были — не было, видимо, голодных. Государство, судя по ряду сохранившихся надписей, взяло на себя функцию регулятора социально-экономических отношений и выполняло эту роль эффективно.

Даже само царство на диво незыблемо: ни междоусобиц среди наследников престола, ни военных пе-

реворотов в столице, ни мятежей по окраинам. От начала до конца правит одна и та же династия.

Достаточно прозрачны и внешнеполитические цели Сабейского царства. Саба не только высокоразвитая сельскохозяйственная страна. Она еще и «караванное царство», процветающее за счет своей караванной торговли.

Торгует же она со всеми странами Ближнего Востока от Ассирии до Египта, посылая верблюжьими процессиями (до тысячи и более животных в каждой) сквозь пески аравийских пустынь. Торгует она как своими товарами — ладаном и миррой, так и привозимыми из-за моря индийскими товарами. Так вот, основная задача Сабы в области внешних сношений состояла в том, чтобы обеспечить для себя роль монополиста в торговле с Двуречьем и Средиземноморьем. Решая ее, Сабейское царство, во-первых, блокирует перед индийскими купцами Баб-эль-Мандебский пролив и устанавливает свой контроль над Красным морем, во-вторых, ведет упорные войны со смежными с ним другими южноаравийскими государствами, производителями того же ладана или той же мирры и тоже большими охотниками поторговать с Севером, чтобы добиться признания сабейской гегемонии в области внешней торговли, то есть признания за сабейскими купцами исключительного права формировать трансаравийские караваны.

Успешное решение этой двуединой задачи превратило Сабу в поистине богатейшую страну всего Ближнего Востока и ... в предмет всеобщей зависти. Римские негоцианты недоумевали: они скупают оптом весь товар, прибывающий из Аравии Счастливой (чтобы потом мелкими партиями распродать его втридорога по всему Средиземноморью), рассчитываясь полновесной золотой монетой, но их аравийские партнеры никуда ее не тратят, они ничего не покупают ни у римлян, ни у кого-либо другого, а, завладев золотом, спокойно возвращаются с ним восвояси. Золото Римской империи ежегодно широким потоком льется в эту «черную дыру». А что же с ним происходит дальше? Какова его судьба?

Увы, этот же вопрос мучает и современных ученых. В ходе раскопок было обнаружено относительно большое количество бронзовых и серебряных монет, включая и афинской чеканки. Поражает отсутствие римской золотой монеты, за одним-единственным исключением: всего *один* золотой с отчеканенным на нем ликом императора Аврелия все же нашелся. А куда же сгнуло все остальное богатство, копившееся веками? Историческая загадка!

Вопросами, недоумениями, проблемами, как говорится, «хоть пруд пруди». Совершенно бесспорно, однако, то, что ныне перед нашими глазами предстанет величественная панорама южноаравийской цивилизации — с ее могучими гидротехническими сооружениями, с пышными дворцовыми и храмовыми комплексами, с городами, окруженными неприступными крепостными стенами, и с «высотными» многоэтажными жилыми домами-башнями внутри этих стен, с деревьями, построенными в плане круговой обороны, с отдельными от них фермами. И цивилизация эта — современница, например, ассирийской, нововавилонской, древнегреческой и римской, безусловно заслуживает обстоятельного изучения и, конечно, описания — научно-академического и научно-популярного.

С последней задачей Жан-Франсуа Бретон справился, на мой взгляд, прямо-таки блистательно. Он предложил читателям не только серию увлекательных очерков, посвященных различным сторонам этой многогранной цивилизации. Он сделал нечто гораздо большее: им прослежена внутренняя сущностная связь между разнообразными проявлениями единого целого. Иначе говоря, он знакомит нас не только с совокупностью последних археологических и историко-филологических открытий в области сабеистики — он дает возможность своим читателям постичь эту совокупность в ее *целостности*.

Спасибо большое Жану-Франсуа Бретону!

Ф. Нестеров



Это ее древние греки почитали безмерно «процветающей». Это для нее римляне отчеканили блестящий и звонкий, подобный золотой монете эпитет: «счастливая». Выпавший ей жребий воистину дивен: жребий быть родиной благовоний. О какой же стране речь? Отгадка, право, не составит труда: об Аравии, об «Аравии счастливой», об Аравии, закутанной в кокон тайны...

Самая южная из всех обитаемых земель, она словно таяла в густых туманах, словно нарочно пряталась от остального мира за стеной муссонных ливней. Привозимая из ее пределов смола, мирра, доставляет вдыхающему ее аромат райское блаженство, но горе тому, кто к этому наслаждению пристрастится: курение арабийских фимиамов пронизывает человеческое тело до мозга костей, лишая его устойчивости, а в итоге гармоничная ткань жизни разрывается и внутреннее равновесие утрачивается. Поля Аравии пышно цветут, ее пальмы благоухают, ее золотые копи неисчерпаемы, ее стада неисчислимы; ее высокие горы дают приют племенам, которые позволяют себе жить в наглой роскоши: вместо того чтобы строить скромные хижины, горцы возводят для себя настоящие дворцы под кровлей из драгоценных камней; очаги свои они топят, ради удовлетворения обыденных нужд, корицей! Постоянная праздность изнеживает их до того, что они, пренебрегая

столь желанными для нас радостями жизни, прямо припадают к источникам бессмертия. Сабейцы, самый богатый из населяющих Аравию народов, мало того что владеют всем тем, что порождено их землей, они еще присваивают сокровища, свозимые к ним как из Европы, так и из Азии. Фортуна, распределяя блага Земли между населяющими ее народами, улыбнулась сабейцам и показала себя по отношению к ним бессовестно пристрастной: аравитяне получили не только все то, что выпало на долю остальных; они получили все это еще и в безумном изобилии!<sup>1</sup>

Те же, кому удавалось заглянуть за занавес миражей, обозначали ее, не скрывая разочарования, как «Аравию, *прозываемую* счастливой». К тому же, по замечанию Плиния, прозвище это столь же ложно, сколь и неблагоприятно: ведь счастье — дар неба, а Аравия своим благосостоянием обязана прежде всего *подземным* богам; это ее, так сказать, «счастье» истекает из человеческого тщеславия, из стремления к роскоши *и после смерти, даже в самой смерти*: чувства эти побуждают людей воскуривать фимиам перед своими покойниками, хотя он куда более уместен перед изображением богов. Это «счастье» Аравии порождает у других народов вожделения, которые превышают величину связанных с их уголением опасностей. Сколько моряков, соблазненных благоуханным бризом, дующим с аравийских берегов, погибли во внезапных бурях, которыми так щедро Красное море! Сколько из них потерпели кораблекрушение в «Воротах слез»!<sup>2</sup> Сколько римских солдат заблудилось в аравийских лесах, настолько дремучих, что в них под сомкнутыми кронами деревьев даже в полдень царит мрак! Впрочем, самоуверенные и высокомерные легионеры так и не отказались от надежды все же проучить как следует этих сабейцев, во все не искушенных в искусстве войны. Между тем жадные римские негоцианты продолжали измерять пресловутое «счастье» Аравии теми миллионами сестерциев, что Империя вынуждена уплачивать ей ежегодно: «Это самые богатые на земле народы, так как к ним приливают деньги как парфян, так и римлян.

Аравитяне не продают того, что получают от своих лесов и от своего моря, и не покупают у прочих народов ровно ничего». Что до географов — сначала греческих, а потом и римских, то они куда более прозаично подразделяли Аравию на три составляющие ее части — на «Аравию счастливую», «Аравию каменистую» и «Аравию пустынную». Таким образом, «страна благовоний» со временем превращается из мифа в пространственно ограниченное, а следовательно, и более точное географическое понятие. Эта часть Аравии так и осталась вне досягаемости римских армий, хотя однажды одна из них все же проникла в самое сердце южноаравийских царств.

Потребность в благовониях, поиски ароматических растений становятся побудительной причиной к знакомству с Южной Аравией. Ее собственное относительное благополучие в значительной степени основано на торговле благовониями с Ассирией и восточным Средиземноморьем. IX век до н.э. примечателен тем, что тогда впервые в качестве средства транспорта начинают использоваться верблюды. В том столетии верблюжьи караваны пересекали пустыню лишь изредка, время от времени, но уже в следующем, VIII веке постепенно налаживаются их регулярные рейсы. Со своей стороны, ассирийцы, евреи, финикийцы притягивают как магнит южноаравийский ладан баснословными ценами. Ладан добывается в Йемене, а точнее — в Хадрамауте, прежде других областей. Там же составляются и караваны. Однако организация караванной торговли долгое время остается монополией купцов Сабы.

Вот таким-то образом *Саба* — или *Шеба* — постепенно, первоначально в очень размытых очертаниях вырисовывается в глубине сцены Востока. Термин «Шеба» появляется в Библии. В генеалогиях Книги Бытия, в Книгах Царств и в Книгах пророков этим именем обозначается страна, поставляющая на рынок благовония, драгоценные камни и золото и ведущая при этом именно караванную торговлю. В Книге Иова (6, 19) отмечается некая, не очень ясная связь между караванами североаравийского племе-

ни таймитов и караванами, прибывающими из Шебы. Местоположение последней не указывается, однако при сопоставлении всех текстов, где так или иначе упоминается ладан, наиболее правдоподобной ее локализацией оказывается Южная Аравия.

### *Царица Савская (царица Сабь): мифы и легенды*

О посещении царицей Савской Иерусалима кратко говорится в Третьей книге Царств. Рассказ о нем — всего лишь эпизод весьма пространного и апологетического повествования об очень идеализированной мудрости Соломона:

1. Царица Савская, услышавши о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками.

2. И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены *были* благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями; и пришла к Соломону и беседовала с ним обо всем, что было у нее на сердце (Третья книга Царств, 10, 1—2)<sup>3</sup>.

Царь испытания выдержал, разумеется, с честью. Царица же была настолько поражена его мудростью и настолько ослеплена его могуществом, что чувства едва не оставили ее:

9. Да будет благословен Господь Бог твой, Который благоволил посадить тебя на престол Израилев Господь, по вечной любви Своей к Израилю, поставил тебя царем — творить суд и правду! (Там же, 10, 9.)

Есть ли у рассказа какое-либо историческое основание? Можно ли принимать его на веру, хотя бы только частично? Его довольно поздняя запись (не позднее, однако, VIII века) хранит на себе отпечаток какого-то более древнего народного предания — о караванах с экзотической поклажей, прибывающих из некоей загадочной страны.

Частично приведенный выше текст послужит отправной точкой для целого букета сказаний, причем

иные из них — тоже весьма почтенного возраста. Так, в Евангелиях царица Савская обозначается, в полном соответствии с иудаистской традицией, как *царица Юга*: «Царица Южная восстанет на суд с людьми рода сего и осудит их, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой...» (Лука, II, 31).

Однако образ царицы, сохраненный еврейской памятью, скорее отрицательного свойства: она появляется как колдунья. В книге Эсфирь, составленной к концу VII века, автор, почерпнув известия о царице Савской из более ранних восточных источников, дает далее волю своему воображению. Соломон, царь над птицами, дикими зверями и демонами, вызывает к себе удода, только что вернувшегося из дальних странствований. «Посетил я, — повествует удода, — некую страну, чья столица по названию Китор находится на Востоке, в недрах которой сокрыто великое множество слитков из чистого золота. А что до серебра, то оно, подобно пыли, рассыпано по улицам... И видел я женщину, которая страной этой правит. Зовется она царица Савская». Удода вновь пускается в путешествие, чтобы передать царице приглашение Соломона. Царица должна предстать и преклониться перед царем Израиля — иначе Саба будет разрушена. Царица отправляется тогда в путь и, наконец, прибывает в Иерусалим — вместе с кораблями из ценных пород дерева, украшенными жемчугами. Соломон уже ожидает ее в своем хрустальном дворце. Царица, думая, что перед ней вода, приподнимает подол своего платья — и открывает ноги, заросшие волосами. «Твоя красота — женская, но волосатые ноги приличествуют скорее мужу!» — восклицает Соломон, устрешенный этой женщиной, которая, смешивая половые признаки, нарушает порядок, установленный природой.

Встреча двух царственных персон позднее пленяет собой и средневековое воображение<sup>4</sup>: она как бы предвещает пришествие волхвов к колыбели Спасителя, посещение Соломона царицей Савской служит прообразом церкви язычников, смиренно склоняю-

щей свое чело перед Церковью Христа. Эта тема становится сюжетом иллюстраций в «Саду наслаждений» Хохенбурга, энциклопедично охватывающих собой все богатство образов и представлений, типичных для XII века. Там признание царицей Савской Соломона как своего сюзерена прямо соотносится с прибытием волхвов. Обремененные золотом, драгоценными камнями и благовониями, они входят в Иерусалим — точно так же, как много столетий тому назад в него входила царица. В сцене венчания Пресвятой Девы царица Савская занимает место рядом с Соломоном — как раз симметрично фигурам Марии и Христа.

Мусульманская традиция всего лишь вторит библейской. Дивно мудрый царь Соломон свои войска набирал среди людей, джиннов и птиц. Удод, который всегда был тут как тут, докладывает государю на ухо самые достоверные сведения из Сабы: «Как стало мне доподлинно известно, Сабой правит женщина, женщина эта — царица страны, она, царица, несказанно богата, у нее — великолепный трон, который и описать-то невозможно. До меня также дошло, что царица и народ ее поклоняется Солнцу, а вовсе не Аллаху! Демон сбил их с пути истинного и толкнул на этот!» Соломон через удода вызывает ее к себе, и она прибывает. «Сделайте этот трон ее (нужно думать, перенесенный по воздуху) для нее неузнаваемым», — приказывает он джиннам накануне аудиенции. — и Мы увидим, на верном ли она пути или среди тех, кто с него сошел». Как только царица входит, он ее спрашивает: «Таков ли твой трон?» «Мне кажется, — отвечает она, — что это он и есть. Нас просветили, и теперь мы Богу покорны». Ранее она была совращена, поклонялась не Аллаху и была среди неверных. Вступая в зал, глядя на его подобный водной глади пол, царица подумала, что перед ней водоем, и, невольно приподняв полы платья, обнажила свои икры. На этот жест Соломон заметил: «Наш дворец — из хрусталя, и пол его гладок». «Господи, — воскликнула она, — ранее я была виновна, но ныне, вместе с Сулейманом (Соломоном), я по-

корна Аллаху, Господу Миров!» (Коран, сура 27 «Муравьи», 45). Коран, таким образом, подчеркивает первоначальное нечестие царицы и последовавшее обращение ее в единобожие.

Йеменские историки усматривают в Билкис (таково арабское имя собственное царицы Савской) одну из трех химьяритских цариц, известных по их родословной, а также по имени их супругов — Билкис, дочь одного из царей Химьяра. Когда подошла пора замужества, она столкнулась с серьезной проблемой: ни один из равных ей рангов претендентов на ее руку не соответствовал ее моральным требованиям — несомненно, очень высоким. Тогда она, собрав вокруг себя пышную свиту из своих благородных слуг, направляется к Соломону. Убедившись, что слава о его мудрости и доброте не пустые слова, она открывает перед ним свое сердце. Соломон посоветовал ей выйти замуж за одного ее благородного слугу из рода Бата, и она совету царя последовала. Царствуя над Йеменом через своего протеже, Соломон послал туда легион джиннов, дабы они для него, царя Израиля, возвели дворец. Они старались как могли, но едва до слуха этих скромных тружеников донеслась весть о кончине их господина, они, так и не закончив порученную им работу, разлетелись кто куда. История добавляет, что у Билкис и зу-Бата не было наследника.

За сабейскими легендами следуют греко-римские.

### *Миф об Аравии Счастливой*

Начиная с VII века до н.э. в городах восточного Средиземноморья и Двуречья египтяне, сирийцы и персы принимают грузы благовоний, доставляемые караванами из Южной Аравии. Ассирийцы, а вслед за ними и евреи, употребляют ладан и мирру в религиозных обрядах, и появление в их странах маленьких алтарей кубической формы для воскуривания фимиама — явное последствие моды на эти благовония. В Элладе поэтесса Сапфо впервые по-гречески называет мирру, шафран и восточную корицу. Греции архаического периода уже известен целый сло-

варь терминов, относящихся к области обоняния: ее парфюмерия все больше обогащается новыми экзотическими товарами<sup>5</sup>.

Геродот, прибывший в Вавилон (около 450 года до Р. Х.), был изумлен распространенностью ладана и записывает связанные с ним истории, подчас вполне сказочные. В Аравии даже от самой земли исходит, по его словам, пленительный, исполненный восхитительной нежности запах. Столь же баснословный, добавим уже мы, как и тот костер из ароматичных кустарников, в котором сгорал, чтобы затем возродиться из собственного пепла, феникс. По Геродоту, Йемен — некое мистическое пространство, на котором нет иной растительности, кроме ладана, киннамома да еще носителя особой смолы, называемой *леданон*. Античные авторы становятся для европейцев главным источником знаний о Южной Аравии. Теофраст, выдающийся географ III века до н.э., из вторых рук передает известие о том, что деревья, несущие смолу ладана, произрастают в Сабее, в Хадрамауте, в Катабане и в Ма'ине: политическая география совпадает с ареалом благовонных растений. Отсюда — источник самых нелепых слухов о населяющих эти страны народах, которых природа наделила богатствами с безумной щедростью.

Слухи эти порождают, помимо прочего, зависть и вожделения. Завоевание этих стран было пределом мечтаний Александра. Проект остался, правда, всего лишь проектом. Но — только из-за смерти его автора, последовавшей в 323 году. Август, в свою очередь, пытается наложить свою тяжелую руку на родину благовоний, разрушить ее монополию на торговлю ароматическими смолами и добраться, в конце концов, до тех мест, где они добываются. Экспедиция, снаряженная им в 26—25 годах до н.э., была вынуждена, однако, всего через шесть месяцев вернуться ни с чем, если не считать некоторого ознакомления с регионом. Римляне, впрочем, прокладывают туда и иные пути — морские. Они стремятся освоить порты Хадрамаута, превратив их в базы снабжения, и, опираясь на них, поставить под свой контроль торговые



пути по Красному морю и по западной части Индийского океана. Однако старые хозяева посреднической караванной торговли и не думают от нее отказываться: в бесплодной стране, лишенной каких-либо источников богатства, постепенно сосредоточиваются арабские бедуйские племена, и, наконец, обширная территория на плоскогорье (в Высоких Землях) Йемена объединяется независимым княжеством по имени Химьяр.

### *Поиски истоков?*

Откуда царица Савская явилась, где и каково ее царство? Каким это образом легенда об «Аравии Счастливой» смогла соотноситься со страной жаркой, засушливой и со столь ограниченными природными ресурсами?

Первые достоверные сведения об этой стране были собраны лишь в Новое время. Ряд научных экспедиций (первая из них была снаряжена датчанами в 1762 году) первоначально преследует одну цель — срисовать некоторые настенные и наскальные надписи, принимаемые тогда за химьярские. В XIX веке французы Поль-Эмиль Ботта и Теодор Арно добиваются заметных успехов. Первый — в коллекционировании представителей растительного мира, второй — в попытке добраться до Ма'риба и Сирваха<sup>6</sup>. В 1869 году Академия надписей и гуманитарных наук направляет в Йемен Жозефа Галеви. Те 686 надписей, что он сумел скопировать, нередко в очень тяжелых условиях, знаменуют собой решающий шаг к накоплению страноведческой информации. По следам Галеви, спустя несколько лет, пойдет Эдуард Глазер, который обогатит коллекцию Лувра несколькими камнями с предположительно химьяритскими письменами. Альфред Бардей в 1880 году учреждает торговое агентство в Адене и привлекает к работе в фактории Хараре (Сомали) своего брата Пьера и поэта Артюра Рембо. После смерти последнего в 1891 году Пьер увлекается изучением древнего Йемена и довольно регулярно, в течение длительного периода,

одаривает музей Лувра своими южноаравийскими находками.

Что касается собственно археологических изысканий, то их пора для Йемена наступила лишь после Первой мировой войны. В 1928 году немецкие ученые Карл Ратъенс и Германн фон Вассманн откопали в аль-Хакке (что северо-западнее Саны) небольшое святилище. Англосаксы, используя господствующее положение Великобритании в Адене, развертывают деятельность в том же направлении на юге страны. Исключительно женская по своему составу группа археологов под руководством Гертруды Кэтон-Томсон (Caton-Thomson) в аль-Хурейдже высвобождает из-под земли храм, датируемый VI—V веками до н.э., некрополь при нем, а также примыкающие к нему строения. В 1950 году экспедиция, финансируемая «Американским Фондом по Изучению Человека», проводит раскопки в Хаджар ибн Хумейде, в Тамне, в некрополе Хайд ибн'Акиль (все они расположены на территории древнего царства Катабан). В следующем году экспедиция перемещается в Ма'риб, где остается, впрочем, недолго<sup>7</sup>. Затем, археологические изыскания прерываются более чем на два десятилетия. Лишь в 1974 году бывшая Демократическая Республика Йемен доверяет французской экспедиции проведение раскопок в Шабве, древней столице Хадрамаута<sup>8</sup>. Экспедиция расширяет мало-помалу поле своих поисков и охватывает им ряд вадии в Хадрамауте — вадии Дура, вадии Байхан, а также долину Джауф. В течение последнего двадцатилетия свой весомый вклад в «археологический ренессанс» вносят и другие отряды изыскателей — немецкий, итальянский, русский, йеменский.

Какой предстает Аравия, так сказать «счастливая», на фоне всех этих археологических работ? Страной очень своеобразной — хотя бы только в силу ее географических условий. Горы Йемена, возвышающиеся над уровнем моря более чем на 3700 метров, с их крутыми скатами на запад, к Красному морю, и на восток, к пустыне, — являют собой нечто вроде водонапорной башни, запасы воды в которой никогда не

скудеют. Приносимые муссонами обильные дожди порождают бурные потоки, несущиеся с гор по прорезанным в каменной тверди руслам — вади. Этот природный феномен сделал возможным еще в глубокой древности искусственное орошение, а оно, в свою очередь, стало плацдармом для появления в пограничной с пустыней зоне обширных оазисов. В основании культурного единства Южной Аравии лежит прежде всего единство общепринятой по всей стране технической модели орошения, а также — соответствующая ей и предопределенная ею общая социальноэкономическая модель. Обе здесь присутствуют начиная с конца второго тысячелетия до н.э. В интересующий нас период — с VIII века по I век до Р. Х. — это культурное единство находит выражение в разработке новой системы письменности, известной в науке под именем «южноаравийская», в общеаравийском пантеоне и общей иконографии, а также — в общих элементах материальной культуры, при всех локальных различиях в последней.

Мир этой культуры, хотя постоянно и соприкасающийся, при посредстве караванной торговли, практически со всеми странами «Благодатного полумесяца» (ныне это — *пригодные для земледелия* территории Ирака, Сирии, Ливана, Иордании и Палестины. — *Прим. перев.*), тем не менее остается малодоступным для иноземных влияний: географическая обособленность Южной Аравии способствует своеобразию ее культуры.

Такой образ Аравии, однако, неполон. Те несколько тысяч надписей, что к настоящему времени открыты и пущены в научный оборот, отвечают далеко не на все вопросы, которые поставлены ее историей. Тексты общелитературные и религиозные, включая те, что сопровождали погребальные обряды, все же не представляют собой достаточно солидной основы ни для реконструкции духовной жизни обитателей Южной Аравии, ни для освещения их хозяйственной деятельности. Заслуживает внимания то обстоятельство, что нашим единственным источником информации об ароматичных расте-

ниях и о торговле благовониями остаются лишь греко-латинские авторы. Несмотря на проведенные в различных районах Йемена раскопки, наше знание повседневной жизни в Южной Аравии продвигается вперед крайне медленно. Лишь в областях сельского хозяйства, жилищного строительства, практики погребений и чеканки монеты нам удастся выявить и уточнить основные черты материальной жизни общества. Нынешнее состояние исследований предопределяет, конечно, и лакуны в настоящей работе, и ее границы.

---

## САДЫ САБЫ

Агатархид Книдский, знаменитый александрийский грамматист, так описывал сабейцев и их землю:

Сабейский народ, в Аравии среди прочих самый значительный, живет в полном довольстве, даже в роскоши, во всех смыслах этого слова. Их земля для жизни производит все то, что и наша. Сами они — люди видные. У них несметные стада скота. Благоухание, разлитое по всему их побережью, доставляет прибывающему к ним блаженство дивное, несказанное. Проистекает же это благоухание оттого, что на морском побережье — великое множество бальзамических тополей, коричных деревьев и иных ароматичных растений, которые представляют собой, на корню, радостное зрелище<sup>1</sup>.

Сказочное описание, приведенное выше, вполне типично для того, как Сабу видели греческие географы — смотрели ли они на нее из долины Нила или из какой иной страны Средиземноморья. Очевидно, им оставались малознакомы «Аравия каменистая» и «Аравия пустынная» (это уже римские географические термины) с их морями песка и огромными про-

странствами, покрытыми мелким, как бы дробленным камнем. Однако в рассказах тех, кто торговал с «Аравией Счастливой», довольно верно отобразено своеобразие йеменских гор, самых высоких на всем Ближнем Востоке.

### *Крыша Аравии*

Южноаравийский ландшафт поражает своей мощью. Горная гряда, которая тянется с севера на юг тысячу километров параллельно впадине Красного моря, являет собой один из самых больших рифтов Аравийско-Африканской плиты. Она состоит из кажущегося нескончаемым ряда вершин, многие из которых превышают 3000 метров над уровнем моря. Самая же высокая из них — это пик Джебеля Наби Шу'айб, что недалеко от Саны, — достигает 3760 метров. Горы эти глубоко иссечены эрозией: долины, простирающиеся в головокружительных пропастях (если смотреть на них сверху), отделяют один от другого горные массивы со сглаженными вершинами. Некоторые из этих массивов, как, например, Харазз, — настоящие крепости. Расположенные за этим хребтом высокогорные плато — местности, в природном отношении, более чем оригинальные. Впадины на высоте в 2000 метров, испещренные плодородными отложениями, чередуются с совершенно голыми каменными гребнями: первые соответствуют вулканическим выбросам лавы, вторые — границам обрушения. Так, если смотреть с севера на юг, одна за другой следуют равнины Йарима (высотой от 2300 до 2500 метров), Замара, Саны (2300 метров), Амрана, Харфа Суфьяна и, наконец, Саады (примерно 1800 метров).

Горы с остроконечными вершинами со всех сторон сторожат огромную равнину. На каждой горе расположена превращенная в настоящую крепость деревня. Вот сколько часовых у города Имама (Саны)! Со стороны ли моря или со стороны суши, с севера ли или с юга, с востока ли или с запада —

со всех направлений непрерывно и неуклонно повторяется все та же картина: словно чья-то таинственная и всемогущая рука пустила вверх струю громадных камней, и струя где-то там, за облаками, навеки застыла, образовав нерушимые крепостные стены, башни, бастионы, редуты... В формах, данных сначала природой, затем — людьми.

Здесь ничто не меняется. Равнина покрыта серыми камнями, горные склоны — угрюмыми скалами. И это — раз и навсегда. Это — навечно. Точно так же наличие воды предопределило раз и навсегда местоположение деревень, отдельных домов, садов, огородов и, наконец, самóй древней столицы. Караванные маршруты проторили крутые горные тропы раз и навсегда. И веками, тысячелетиями черные, горной породы, верблюды медленно и величаво вышагивают по ним, образуя на склонах красивую движущуюся кайму черного цвета<sup>2</sup>.

На западе могучий массив возвышается над низменностью Тихамы, самой обездоленной частью Йемена. Эта приморская пустыня — у воды, но без воды — практически лишена и растительности: лишь изредка попадаются отдельные пальмы да акации, единственные здесь представительницы царства Флоры. Верхняя Тихама (северный отрезок ленты), правда, менее засушлива: она худо-бедно орошается несколькими нисходящими на нее с гор вади. Восточные горы Йемена постепенно снижаются к пустыне Рамлат ас-Саб'атайун, которая, в свою очередь, является продолжением знаменитой и ужасной Руб' аль-Хали. Пустыня эта, с характерными, как кажется, только для нее строго ориентированными рядами дюн (они «выстроены» с северо-востока на юго-запад), простирается вплоть до приграничной с Хадрамаутом зоны. Ее пересекает один-единственный водный бассейн, образуемый двумя вади — вади Джауф и вади Хадрамаут. Последний, вместе со своим продолжением — вади Василах, впадает в Индийский океан.

Горы Йемена — наиболее орошаемая часть Аравийского полуострова. Западный фасад горного бастиона, исхлестанный юго-западными муссонами, а также (и даже в особенности) южная грань последнего — получают такое количество осадков, что иной раз их годовая норма превышает 500 миллиметров; а местами, ближе к Иббу, она может достичь и 900 кубических миллиметров. Вот это и есть «зеленый Йемен», самое сердце «счастливой Аравии». Год там делится примерно на два дождемерных сезона: с марта по август — влажный сезон, с характерными для него ливнями во второй половине дня; зимой — сухой сезон. В иные годы бывают два сезона дождей, разделенные двухмесячным их перерывом или ослаблением: первый длится с марта по апрель, второй, более обильный, — с июля по август. Древние, хорошо постигшие сезонный ритм, называли именно июльско-августовские дожди осенью (ханаф), а апрельско-майские — весной (дасса). На высокогорье, где сезонный ритм выражен более четко, желтоватые земли, по которым в конце зимы гуляют пыльные вихри, сразу же после апрельских дождей оживают и сплошь покрываются зеленью.

Этот резервуар, роль которого исполняют йеменские горы, распределяет свои водные богатства по обе стороны от легко различимой черты водораздела. На востоке, на высоте примерно в 2000 метров, образуются большие гидрографические бассейны, которые питают собой вади, сбегаящие по склонам к восточной пустыне. Самый крупный из них, бассейн вади Зана, занимает площадь около 8000 квадратных километров. На его восточном берегу — Ма'риб, столица древней Сабы.

### *Вдоль по вади Зана*

На высоких плато, что к юго-западу от Саны, горные гребни разделяют плодородные впадины, а вулканы — окружены застывшими потоками лавы. На



равнинах земляные насыпи соседствуют с полями, огороженными каменными стенками, которые удерживают на них как дождевую воду, так и почву — от вымывания. На горных склонах, ограничивающих долину, располагаются террасы под сельскохозяйственными культурами — террасы, возведенные и поддерживаемые с замечательным умением. Коричневые или цвета охры зимой, покрытые зеленью во влажной сезон, они служат полями, на которых выращиваются сорго и твердые сорта пшеницы, причем иногда, в зависимости от количества осадков, с них собирается и по два урожая в год. В целом же долина являет собой, с марта по август, картину буйно разросшегося сада. Для поддержания столь привлекательного «садового пейзажа», близкого к райскому, требуются постоянные усилия всего многочисленного населения долины.

Здесь занятие земледелием — древняя традиция. Уже в эпоху неолита долина Зана, благодаря благоприятным климатическим условиям, была заселена густо: в ней археологи распознали стены террас, а также обнаружили следы животноводства. В эпоху бронзы поселения множатся, особенно — вдоль дорог, связывающих пустыню с Красным морем. Наиболее крупные из них, площадью более чем в 10 тысяч квадратных метров, занимают, по всей видимости, господствующее положение относительно мелких, рассыпанных по всей местности. Последние заселены крестьянскими общинами, которые живут прежде всего хлебопашеством (первые места среди возделываемых зерновых принадлежат сорго и ячменю), но также — и животноводством, разведением овец и коз.

Деревни на плоскогорьях являют собой конгломерат домов, которые, теснясь, иногда даже прижимаясь вплотную один к другому, обступают со всех сторон некое незастроенное срединное пространство. Крупные же поселения складываются из нескольких модулей такого типа.

В обычном доме — две овальные комнаты, которые, сообщаясь между собой, имеют вместе с тем, каждая в отдельности, выход во двор<sup>4</sup>. Есть и дома не

совсем обычные — со множеством комнат и внутренних помещений, с монументальным входом. Социальный статус их обитателей был, очевидно, выше, нежели у их соседей.

Все эти модули, брать ли их в отдельности или в совокупности, представляют собой, при взгляде на них с птичьего полета, кольцо. Оборонительное кольцо, препятствующее вторжению извне.

Таким образом, любое поселение, большое или малое, оказывается автономной единицей, замкнутой в себе. Члены его для проведения совместных действий собираются на центральной площади. Большой недостаток такого рода круговой планировки состоит, однако, в том, что она сжимает поселение, мешает ему разрастаться в соответствии с естественным приростом населения. Здесь кроется источник той проблемы, с которой поселение такого типа сталкивается рано или поздно. Корни южно-аравийского градостроительства уходят сюда же, в эпоху бронзы.

Овраги, подобно долоту вырубаящие на горных склонах террасы, со временем еще более углубляются и образуют густую сеть долин. Лощины следуют направлениям сбросов пород и принимают часто форму штыка. На плоскогорьях лощины пробивают себе путь сквозь известняк, сквозь скалы вулканического происхождения, а на высоте примерно в 1500 метров натываются на гранитный цоколь. На ней вади Зана, образованный слиянием множества притоков, является собой широкую выемку, способную пропустить через себя широкий поток их внезапных паводков.

В сорока километрах от Ма'риба — устье вади Кавках, отсюда Зана вытекала в эпоху плейстоцена. Несколькими километрами ниже Зана входит в вулканической комплекс Сирваха, потоки застывшей лавы которого достигают ворот Ма'риба. Над частично обрабатываемой котловиной Сирваха и в наши дни высится одноименный с ней древний город. Важный оплот сабейцев, и поныне внушающий к себе почтение своими мощными крепостными стенами, Сирвах включает в себя, кстати, и руины храма

овальной конфигурации, посвященного богу Альмакаму. На внутренней каменной стене храма высечен один из самых значительных сабейских исторических текстов.

В его предместье на скальном выступе некогда располагалось сабейское поселение Карн (ныне этот выступ отрезан от суши волнами водохранилища, образовавшегося перед недавно построенной плотиной). Небольшой по размерам населенный пункт состоит из прилепившихся друг к другу, похожих один на другой домов и образует опять-таки овал, внутри которого, возможно, возвышалось святилище. Селение относится к VIII—VII векам до н.э.<sup>5</sup> На другом выступе — храм Вадда зу Масмаим, скромное здание которого включает в себя три внутренних святилища; к нему примыкает еще одно строение, обозначенное как «Самсара» (караван-сарай). Последнее также состоит из трех помещений, сходящихся к маленькому алтарю. В них, помимо алтаря, предназначенного для возжигания ладана, археологи обнаружили разнообразную керамику и, главное, корзины, наполненные ладаном<sup>6</sup>.

Примерно в десяти километрах выше Ма'риба вади Зана входит в ущелье Джебеля Балак. Крутые, почти отвесные и лишенные какой-либо растительности склоны ущелья как бы нависают над вади, ширина которого не превышает здесь 600 метров. Вырвавшись из теснины, Зана, уже не встречая сопротивления, расширяет свое ложе на огромной равнине Ма'риба, проходящее по окраине пустыни Саб'атейн на высоте 1 200 метров.

### *Обуздание полководий*

Достигнув Ма'риба, вади попадает в географическую среду очень отличную от той, где он зародился — и это, несмотря на то, что общая его протяженность едва достигает 150 километров. Его новая природная среда характеризуется в первую очередь засушливостью: дождей здесь за год выпадает не более 100 миллиметров. Случаются и годы (например, 1985-й),

когда осадки не превышают 20 миллиметров. Лето очень жаркое, с обычной температурой в 31—32° (по Цельсию), причем ее абсолютный максимум равен 43°. Очень интенсивное испарение — как следствие. Редкие дожди могут выпасть (а могут и не выпасть) лишь в июле-августе, а потому водоснабжение в основном зависит от объема воды, поступающей из глубинных районов страны, с йеменского высокогорья. Оттуда воды вади низвергаются сквозь обнаженные известковые горизонты, унося с собой землю и каменные глыбы, а затем с этим «грузом» обрушиваются в гигантские ущелья. Одно из них, пересекающее Джебель Балак, служит своеобразной воронкой, сквозь которую дважды или трижды в год на равнину изливается внезапный, вызванный ливневыми дождями в горах паводок — flash-flood по-английски или «сейль» по-арабски.

Предвестия половодья постепенно появляются и внизу, на окраине пустыни: еще задолго до него небо заволакивается обложными, скрывающими горизонт тучами, затем принимаются дуть неистовые ветры, часто сопровождаемые ливнями; самому наводнению предшествует какой-то слышный за десятки километров странный храп или хрип. И вот в вади показывается вода, она медленно продвигается вперед, вспениваясь на прокаленной солнцем гальке. Это еще не волна, а всего лишь предвестница первой волны. За ней, наконец, идет и сама волна — желтоватая от грязи, несущая в себе вырванные там и здесь растения.

Положим, паводок начинается в 15 часов — тогда к 16 часам уровень воды поднимается до отметки в 1,4 метра. Он может даже несколько снизиться к 17 часам, но потом река вздувается очень быстро и достигает пика высоты — в 2,4 метра. Полчаса спустя ее уровень резко падает, к 21 часу он на отметке в 1,3 метра, к 24 часам снижается до 0,5 метра, а к 6 часам утра наводнение заканчивается<sup>7</sup>.

Но пока оно продолжается, волны вырывают деревья с корнями, подмывают берега, захватывая с собой и землю, и камни, и валуны, даже скалы. Они сно-

сят земляные дамбы, затопляют прибрежные поля, уничтожают запасы кормов. Горе постройкам, расположенным слишком близко от берега: не выстоять им перед напором воды! Горе разбредшимся по лугам стадам, горе крестьянам, застигнутым паводком на полях: они будут унесены потоком! Горе этим полям, не защищенным достаточно высокими и прочными насыпями: плодородная почва с них будет смыта! В ходе обычного паводка по вади проходит вода объемом в 400 кубических метров в секунду, в ходе исключительно сильного — до 1500 кубических метров в секунду. После него даже окрестная пустыня являет собой картину разорения, хотя разорять там вроде бы нечего.

Гениальность крестьян древней Аравии в том, что они сумели поставить себе на благо мощь стихийного бедствия. В течение тысячелетий они учились — и научились — ломать волну, а затем удерживать воду простыми запрудами. Первоначально свои опыты производили они там, где на простор из теснин выходили сравнительно небольшие вади, поступление воды из которых не превышало нескольких кубометров в секунду. Им были известны те места ската, где вода задерживается, возможности местности относительно устройства полей и садов; им были хорошо известны и извилины реки, где они могли бы сравнительно легко соорудить водохранилища. Они научились пускать потоки в заданном направлении на заранее подготовленную площадь и управлять ими посредством щитов из дерева и камня. Таким образом, они обеспечили отвод большей части воды в зоны орошения, где оседали мельчайшие — и наиболее плодородные — частицы ила.

Этот долгий период ученичества охватывал собой по меньшей мере IV(?) и III тысячелетия до н.э. Затем крестьяне принимаются за обуздание потоков все более могучих и, соответственно, за орошение площадей все более обширных. В III тысячелетии они берутся за освоение вади Зана и вади Марха, за укрощение их неистовых паводков.

Решение непростой задачи предполагает органи-

зацию направляемой на орошаемые земли водной массы (для тонкого контроля над ней и в состоянии движения, и в состоянии покоя), то есть управление паводком<sup>8</sup>. Сноровистость сабейцев позволяет им ежегодно, а иногда и не раз в году, возобновлять орошение полей без значительной деструкции ирригационной системы. Проблема состоит в том, как направить могучие потоки, внезапно устремляющиеся по широкому руслу вади, на площади, предназначенные заранее. Противостоять паводкам способны лишь каменные сооружения. И вот в руслах, остающихся сухими большую часть года, возводятся мощные щербом волноломы, которые укротят бешеный напор низвергающейся с заоблачных высот водной массы. За ними встают длинные, отчасти каменные, отчасти глинобитные, стенки, между которыми разделенные струи устремятся к намеченным пунктам.

Недавно в Ма'рибе посреди ложа Заны были обнаружены монументальные гидротехнические сооружения. Самое древнее, наверное, из них — это шлюз в паре километров ниже выхода вади на равнину, датируемый второй половиной III тысячелетия. В начале же II тысячелетия, то есть спустя несколько веков, выше по течению возводится еще один шлюз. Оба следуют одной и той же модели: это, прежде всего, длинные каменные молы (в первом случае их три, во втором — четыре), расположенные параллельно и на расстоянии один от другого в 3—4 метра. Их головы, ориентированные навстречу волне, тщательно закруглены, а их хвостовая часть продолжена массивами каменной кладки. Молы соединены каменными гребнями водослива, снабженными пазами, которые достаточно широки, чтобы по ним «ходили» подъемные щиты из дерева<sup>9</sup>. Примыкавшие к молам земляные насыпи давно уже исчезли, размытые паводками.

Не устаешь удивляться качеству каменной кладки — тому, насколько старательно каменные блоки обтесаны, насколько плотно пригнаны они один к другому, как искусно соединены они между собой посредством штырей и гнезд. Если предположительные да-

ты возведения этих конструкций подтвердятся, даты очень отдаленные, — они станут точками отсчета для истории строительства в Южной Аравии.

Позади этих сооружений — водораспределительные каналы, проложенные в грунте. Сначала тянутся главные каналы шириной от 7 до 8 метров. Они заканчиваются большими каменными затворами, снабженными вертикальными желобами, по которым поднимался и опускался заградительный щит. Вслед за главными — каналы более узкие, ведущие к распределителям. Распределители представляют собой довольно простые конструкции со множеством отверстий, которые могут одновременно или одновременно открываться и закрываться. Вода должна достигать полей со скоростью не слишком большой (чтобы не размывать насыпей), но и не слишком малой (чтобы успеть равномерно разнести по всему полю плодородные частицы ила). Через равные временные промежутки посредством дренажа из каналов отводится вода на начало, то есть на относительно приподнятый участок, орошаемого поля. Ограниченное множеством оросительных желобов поле принимает четырехугольную, иногда даже квадратную форму. Размеры его находятся, очевидно, в зависимости от объема доставляемой на него воды<sup>10</sup>.

Системы подобного же рода действуют и в большинстве вад, спускающихся с горных высот на плоскость с довольно правильными промежутками. Города Тамна' в вад Байхан, Хаджар Йахир в вад Марха, Шабва в вад 'Ирма и Райбун в вад Дав'ан — каждый из них, в ходе истории, создавал в «своем» вад собственную ирригационную сеть, что и становилось основой для их развития. Повсеместно действовал один и тот же принцип, принцип, требующий отведения большой, если не большей, части неистовых паводковых вод на поля. Повсеместно и сооружения однотипны: это — стены-отражатели, направляющие паводок посредством заградительных щитов в каналы.

Ил, источник богатства, одновременно оказывается и источником серьезных технических проблем.

Поля вместе с водой получают изрядное количество песка и грязи, вследствие чего их уровень, естественно, поднимается — со средней скоростью 0,7 сантиметра в год или, по меньшей мере, 0,7 метра в столетие. Разумеется, это всего лишь теоретический расчет, поскольку паводки, по силе и по количеству приносимого ила, значительно между собой разнятся, да и поля обводняются не в одно и то же время. Как бы то ни было, орошаемые земли неумолимо поднимаются до 30 метров, если считать от базового уровня, в Ма'рибе<sup>11</sup>, до 50 метров в других местах.

Чистить каналы — это самое очевидное решение проблемы возможно лишь на первых сотнях метров их пролегания, к тому же выбрасывание осадков на их берега в значительной мере сокращает площадь полей. Чистить же сами поля — это уже задача совсем иного размаха: она нашла свое решение в Шабве во времена более поздние и, несомненно, более благоприятные.

В Ма'рибе вышеупомянутые гидротехнические сооружения тогда были заброшены ради других, введенных выше по течению, на склонах Джебеля Балак аль-Авсат — как, например, тот шлюз, чье основание закреплено в глубокой выемке, вырубленной в скальной породе. Выше него — еще один комплекс такого же рода, в частности канал, прорубленный сквозь скалы<sup>12</sup>. Впрочем, ныне далеко не очевидно, что канал тогда был составной частью комплекса, включавшего в себя плотину. Если она когда-либо перекрывала всю долину, то это была последняя попытка подвести воду к полям на такой высоте.

Последствия подъема грунта многочисленны. Город Ма'риб вынужден был бороться с ними постоянно. Западный вал, что напротив плотины, несмотря на наличие крепостной стены, насыпался все выше и выше несколько раз. Относящийся примерно к IX веку до н.э. храм Бар'ана мало-помалу оказался в окружении наносов со всех сторон, но в наиболее угрожаемом состоянии находился все же передний двор. Ворота надстраивались, но, несмотря на все усилия, были завалены наносами сверху. Очевидно, для того,



чтобы противостоять им, с северной и с западной сторон храма в III веке до н.э. была воздвигнута кирпичная стена толщиной в три метра; на втором этапе строительства она была укреплена тремя четырехугольными башнями. Святилище Махрам Билкис подвергалось подобной же опасности: его овальные стены время от времени надстраивались. В оазисе ил постепенно погребал под собой целые хутора и фермы: в ходе недавних раскопок кирпичные стены выходили на белый свет то здесь, то там. Целая деревня точно так же исчезла и в вади Байхан. Там эрозия почвы постепенно высвобождает из-под слоев последней совершенно неповрежденные дома IV века до н.э., с их керамикой, с их комнатами и служебными помещениями.

### *«Гидротехническое общество»?*

Оазис, подобный Ма'рибскому, был заселен, наверное, тысячами крестьян, живших хлебопашеством и садоводством. Однако чего стоило все плодородие почвы, если бы отсутствовала их коллективная организация? Невозможно не допустить наличия договоренности между ними по вопросу о распределении воды: ведь самый отдаленный от канала участок должен получать ровно столько же воды, сколько прилегающий к шлюзу. Итак, прежде всего следует предположить существование стройной системы землепользования, опирающейся на согласие между племенами. Такое согласие было на протяжении истории, вероятнее всего, неустойчивым. Сильные и влиятельные племена могли увеличивать свой надел или завладевать участками наиболее близкими к голове канала, то есть те, что получают воду в первую очередь и «пьют» ее вдоволь. Ожесточенность соперничества за обладание землей в нынешнем Ма'рибе дает представление, пусть и неточное, о конфликтах, которые на этой почве («на почве» в двойном смысле) разворачивались в древности.

Налаженный ход работ в оазисе предполагает хорошую организацию коллектива, а она, в свою оче-

редь, служит верным признаком присутствия общины, общественного союза и согласия, чьи очертания остаются, впрочем, весьма туманными. Социум наверняка избирал некоего «владыку вод», который обязан был руководить распределением паводков, следить за перераспределением воды по объему и во времени, а также выступать посредником в столкновениях, коих, нужно думать, хватало. Надписи, положим, обходят эти сюжеты молчанием, но и они упоминают *мандаффа*, должностное лицо, обязанности которого как-то связаны с ирригацией.

### *Два сада*

Остановимся ненадолго в Ма'рибском оазисе, самом обширном в древней Южной Аравии (тогдашняя его площадь оценивается приблизительно в 9500 га). В наши дни трудно воссоздать его первоначальный вид. Строительство в 1986 году плотины, перекрывшей теснину Джебеля Балак, имело своим следствием, среди прочих, то, что большая часть каналов и других гидротехнических сооружений древности оказалась уничтоженной. Нынешние крестьяне освоили древние поля — за исключением тех, что примыкали к главным сооружениям с запада.

Чтобы окинуть взором общую панораму древнего оазиса, обратимся к аэрофотосъемке 1973 года. На снимках ясно просматривается долина Зана сразу же после ее выхода из теснины — шириной примерно в 700 метров. На обоих ее склонах хорошо видны следы боковых отводных каналов. На юге отчетливо выступает глубокая выемка в скальной породе, имеющая форму буквы «У»; она датируется примерно VI веком до н.э. Ее продолжением служит канал, орошающий оазис, по меньшей мере, до деревни аль-Арка, то есть на протяжении около 15 километров. С другой стороны Заны расположен южный мол, сооружение впечатляющее, но явно относящееся к гораздо более позднему времени: беспорядочные и прерывающиеся надписи на камнях, которыми он мощен, недвусмысленно указывают на то, что камни

эти взяты из каких-то более древних сооружений. За его шлюзом следует канал, слегка искривленный и в берегах, одетых камнем. Канал завершается водораспределителем с его расположенными полукругом тринадцатью затворами (заградительными щитами)<sup>13</sup>. Идущие оттуда шесть главных каналов и их ответвления покрывают густой сетью северный оазис. Три главных канала доводят воду до самого Ма'риба и даже выводят ее за его пределы, достигая деревни Хусн аль-Джадида. Сверху прекрасно видна шахматная доска древних полей с их прямоугольной трассировкой, раскинувшаяся на площади в десятки квадратных километров. Северный оазис (5700 га) питался водой не только Заны, но и паводками из вади Сайла, а одна из его зон примыкала к руслу вади Джуфейна, которое контролировалось гигантским шлюзом. Южный же оазис, в силу своей топографии, имел меньшую площадь — примерно в 3750 га. Одна и другая стороны вади Зана — вот это и есть «земля сабейцев» или «два сада», о которых говорят йеменские авторы исламской эпохи.

Но все эти гидротехнические сооружения принадлежат лишь последним доисламским векам истории Ма'риба, все они — современники знаменитой Ма'рибской плотины. В своей последней конструкции (V—VI века н.э.) она являла собой земляную, укрепленную камнями насыпь длиной в 650 метров и высотой около 20 метров, перекрывающую Зану двумя большими заградительными щитами (затворами), северным и южным. Однако это импозантное сооружение не было, как кажется, в состоянии выдержать натиск наиболее неистовых наводнений, которые его и сносили, причем не раз. В надписи на высокой стеле эфиопский царь Йемена оповещает в 549 году о широкомасштабных работах по восстановлению плотины, которые он собирается предпринять — впрочем, в несколько этапов, по причине чумы<sup>14</sup>. В последний раз плотина оказалась снесенной течением в 580 году — такова дата ее окончательной гибели. Разрушение ее представлено в Коране как проявление гнева Господня:

У Саба' в их жилище было знамение: два сада справа и слева — питайтесь уделом вашего Господа и благодарите Его! Страна благая, и Господь милосердный!

Но они уклонились, и послали Мы на них разлив плотины и заменили им их сады двумя садами, обладающими плодами горькими, тамариском и немногими лотосами.

Этим воздали им за то, что они не веровали! Разве Мы воздаем кому-нибудь, кроме неверных?

(Сура 34 «Саба'», 14—16. Перевод И. Ю. Крачковского.)

Если разрушение плотины может быть датировано с относительной точностью, то дату ее первого построения установить куда труднее. Некоторые полагают, что плотина впервые построена в VI веке до н.э. Если это так, то ее следует признать за одно из самых древних сооружений подобного типа во всем мире. Догадка интересна, но она требует доказательств. Между тем две надписи, вырезанные на каменной облицовке стен ведущего к ней канала, вовсе не упоминают о ней самой<sup>15</sup>. Надписи эти частично повторяют одна другую: «...вырубил в известняке водохранилище Рахбум (в одной надписи фигурирует «Рахбум», в другой — «Хабадид»), чтобы напоить водой Йасран».

Другие же, напротив, полагают, что насыпные плотины, перекрывающие ложе реки частично, возникают уже в начале III тысячелетия; позднее тот же тип сооружений воспроизводится в более широком масштабе. Третьи, наконец, ставят под вопрос само существование сплошной плотины как сооружения очень неустойчивого, выдвигая при этом гипотезу, согласно которой течение реки канализировалось между каменными стенками на протяжении многих километров. Укрепленные каменной кладкой молы располагались через примерно равные промежутки, как, к примеру, в вади Дура<sup>16</sup>. В сочетании со стенами-отражателями, установленными в речном ложе

несколько наискось, они выполняли функцию водо-заборов.

Можно ли реконструировать оазис Ма'риб в его первоначальном виде (зададим себе вопрос напоследок)? Возобновление обработки древних полей — первое приближение к решению проблемы: отныне на них произрастают люцерна, хлеба и фруктовые деревья. Посреди них высятся хутора с фермами из необожженного кирпича — иногда укрепленные, часто украшенные орнаментом. Однако вода поступает сюда ныне из механических насосов, а организации коллектива по использованию паводка давным-давно не существует. В древности водой заведовала община — с тем чтобы распределять ее справедливо. На каждом из мелких земельных участков их обладатель или пользователь сам оборудовал свой водосток-желоб, поддерживал его в должном состоянии и пускал в условленные дни и часы себе на землю долгожданную воду. Сев и сбор урожая, производимые, по меньшей мере, дважды в году, требовали множества работников одновременно, а их, конечно же, предоставляла семья.

### *Агрокультуры и леса*

Культивируемые растения — это сорго, пшеница и ячмень, а также фрукты и виноград. В орошаемых зонах — множество пальмовых деревьев. По описанию Плиния, породы пальм весьма разнообразны.

Самая распространенная из них — это пальма-карлик, не выше куста. Обычно она бесплодна, но местами все же плодоносит...

Есть и пальмы, из которых состоят довольно густые рощи. Их ствол по всей своей окружности повсеместно порождает множество заостренных листьев, расположенных подобно зубьям гребня (...). У других стволы покрыты корой в форме узловатых колец, расположенных недалеко одно от другого и потому представляющих собой своего рода ступени. Такие пальмы

очень удобны для лазанья по ним: восточный человек, подобно этому дереву, окружает себя чем-то вроде обруча из ивовых прутьев, который и помогает ему взлезать чуть не до самой верхушки с поразительной быстротой<sup>17</sup>.

Распознаны два вида античных пальм. Это — *Medemia* и *Hirphaene*, причем последняя успела исчезнуть из многих районов даже Хадрамаута<sup>18</sup>.

Среди множества видов деревьев из семейства зицифуса (ююббы) *Zyzyphus spina christi* занимает, бесспорно, первое место. В основном этот вид находит применение в строительстве, но также и в медицине. «Аравийский терновник есть, помимо прочего, вяжущее средство, коагулянт. Он свертывает все катаральные выделения и кровь при кровохарканье и чрезмерно обильных менструациях. Плод белого терновника — средство против скорпионов»<sup>19</sup>.

Встречаются также акации. Причем самые обычные из них — это обитательницы полупустынь *Tortilis* и *Hamulosa* со столь для них характерными силуэтами плоских вершин. Оба вида используются в каркасах зданий как религиозного, так и светского назначения. Оба вида входят таким образом существенным элементом в строительное искусство городов Райбун и Шабва. К тому времени, когда эти два города оказались покинутыми своими жителями, их лесной покров мало чем отличался, нужно думать, от того, что предстает перед глазами ныне: никакая иная естественная растительность не пришла ему на смену. То здесь, то там видны одиноко стоящие акации, деревья, источающие мирру, тамариски, но высокие строевые леса, столь дорогие сердцу древних авторов, давно уже исчезли полностью.

Исчезновение лесов не остановилось на окраинах низинных городов, то же самое явление хорошо известно и горам Йемена. Помимо видов, упомянутых выше и в прошлом широко распространенных, для горной растительности характерны многие разновидности фикуса, можжевельника, *Dracaena*, *Olea africana* и т.д., то есть все виды носителей эфирных

масел, которые встречаются на тех же уровнях эфиопского высокогорного плато. Вырубка леса здесь свирепствовала по разным причинам — строительство, бытовые нужды... Причем до такой степени, что даже можжевельники сохранились в Худжарийе, в районе Таиза, в горах Асира всего лишь как редкие пучки<sup>20</sup>.

### Город Ма'риб

Своей мощной крепостной стеной, своими памятниками — как светскими, так и сакральными — Ма'риб вызывает к себе почтение не только как столица сабейцев, ни и как столица всей Южной Аравии. «Город сабейцев уже именем своим свидетельствует о существовании целого народа: город этот называется «Саба», и возвышается он на горе, если и не на самой высокой, то, во всяком случае, самой в Аравии прекрасной», — сообщает Агафархид, которому, как кажется, осталось неизвестным более древнее название: Марьяб (*Мриб*). Последнее позднее преобразуется в «Ма'риб».

Город построен на самом краю вади Зана, примерно в восьми километрах восточнее плотины. Он обнесен стеной в 4,2 километра, отдельные наиболее древние участки которой могут восходить к началу II тысячелетия. В южноаравийскую (доисламскую) эпоху городские укрепления были дополнены квадратными башнями и воротами, за последними следует длинный узкий проход, украшенный письменами. Самая древняя из надписей, сообщающая о строительстве крепостных укреплений, относится, вероятно, к началу VIII века, когда правил Йаси'амар Байан, сын Сумху'али. Затем, около 510 года, другой государь, чье имя остается неизвестным, заявляет, что он построил башни и проделал еще двое ворот. В середине II века и в начале I века до Р. Х. были произведены и другие работы<sup>21</sup>. В сороковых годах последнего обширная ограда города была частично разобрана, чтобы дать место дворцу правителя и иным домам. От крепостных стен сохранились только двое ворот (западные и северные) и несколько башен, части

куртин и внутренний массив стен, сложенный из необожженного кирпича. Городище Ма'риба площадью не менее сотни гектаров содержит в себе множество археологических (культурных) пластов — общей глубиной от 16 до 35 метров. Такая толщина служит верным указанием на очень долгую историю города.

Нижний культурный слой вроде бы говорит о том, что здесь первоначально находилась караванная стоянка; над верхним располагается деревня с домами из необожженного кирпича. Некоторые кирпичи несут на себе следы древних разрозненных надписей, встречаются и фрагменты древнего декора... У подножия холма старинный монументальный вход в святилище пристроен ныне к маленькой мечети Сулеймана. Внутри стволы древних колонн с их капителями поддерживают современную кровлю.

Главный архитектурный памятник города, дворец Салхин (или Салхим), так и не был обнаружен. Эта резиденция первых сабейских царей была расширена (или надстроена) в VII веке до Р. Х. государем Кариб'илем Ватаром, который о себе самом говорит в одной из надписей: «(Он) воздвиг верхнюю часть своего дворца Салхин, начиная со скалы и со стен». Дворец служил символом сабейской династии в целом и был более престижен, нежели иные резиденции царской семьи: особняк Шакир в Шабве и дом Хариб в Тамне. Другие памятники зодчества — храм Хирвам, посвященный Альмакаху, церковь, построенная после абиссинского завоевания, и синагога — известны или, вернее, об их существовании известно только по надписям. Население покинуло город после разрушения плотины, и он снова был заселен, причем только отчасти, лишь в исламскую эпоху.

### *Храмы за чертой города*

Главные архитектурные памятники Ма'риба находятся за пределами города — в трех с половиной километрах юго-западнее его, в южном оазисе. Первый из них, «Махрам Билкис» («Храм Билкис, царицы Савской» — по местному названию), был частично отко-



пан американской археологической экспедицией зимой 1951/52 года. Получив, в виде особого исключения из общего правила, разрешение имама на проведение археологических работ, она принялась за высвобождение из-под наносов внешнего двора, образованного колоннадой-перистилем и служившего парадным входом. Раскопки велись поспешно. Быть может, даже слишком поспешно. И все предприятие прервалось как-то вдруг: в одну прекрасную ночь все члены экспедиции, до одного, сбежали из оазиса в сторону Байхана<sup>22</sup>, не прихватив, впрочем, ничего из откопанного ими. Среди прочих извлеченных предметов обнаружена была и знаменитая статуя Ма'дикариба, отлитая из бронзы. Ныне она украшает собой экспозицию Национального музея в Сане.

Итак, здание храма, едва ли не самое большое святилище на территории Южной Аравии, состоит из следующих элементов: 1) внешнего двора; 2) обширного пространства, обнесенного овальной стеной; 3) строений, примыкающих к овальной стене с тыльной ее стороны; 4) кладбища, прилегающего к этим строениям<sup>23</sup>.

Внешний двор вкупе с подводящим к его воротам перистилем о восьми колоннах служит парадным входом в святилище или, вернее, в его основную часть. Двор этот — длиной в 24 и шириной в 19 метров — обрамляется 32 колоннами, которые образуют в совокупности портик под каменной кровлей. Замыкающая портик стена орнаментирована «ложными окнами» (или «встроенными панно»), расположенными через равные промежутки, а также — письменами красного цвета, начертанными как бы беглым почерком. Раскопки обнаружили — это стоит отметить — сотни камней, покрытых письменами, причем некоторые из найденных камней были вмурованы в облицовку: они использовались явно не единожды. Из-под земли извлечены 24 бронзовые статуи. Овальная стена, длиной в 300 и высотой в 13 метров, очерчивает собой пространство неизвестного предназначения. Неизвестного — так как пространство это никогда еще не служило объектом рас-

копок. Длинные надписи посвящения, коими покрыта внешняя кладка, сделаны были сабейскими царями между VII и серединой V века до Р. Х. Святилище это, по названию Аввам, посвящено богу Альмакаху.

Второй храм, по имени «Арш Билкис» («Трон Билкис»), также посвящен «Альмакаху, господину Бар'ана». Это, пожалуй, наиболее известное из святилищ древней Южной Аравии<sup>24</sup>. Его архитектурный ансамбль занимает площадь в 75 метров на 62 метра, если в него включить не только основное здание, но и предшествующий ему двор. Основное здание состоит из четырех конструкций, вдвинутых одна в другую. Сооружены они были в разное время — между концом IX и V веком до Р. Х. Лишь одна из них, так называемый «храм № 4», достаточно хорошо изучена.

С запада к храму подводит монументальный портик из шести монолитных столпов, верхняя часть которых увенчана зубчатым фризом. Скрытый за колоннадой маленький крытый вход дает доступ во двор, обрамленный с обеих сторон портиками. В середине двора расположен *адидон*, «святая святых». Внутри адидона — идол (бронзовая статуя быка в натуральную величину), два каменных алтаря и статуя дарителя. Большой двор, находящийся ниже уровня храма, имеет вход со стороны запада и украшен портиками с трех сторон.

В начале нашей эры храм подвергся разрушению. В ходе восстановления произведено изменение его ориентировки — по-видимому, в связи с изменением ритуала и новым наименованием Альмакаха: «Господин Маската и Тот, Кто обитает в Бар'ане». Святилище, укрепленное множеством башен, функционировало до IV века.

Итак, Ма'риб походит на другие города древней Аравии: каждый из них имеет одно святилище в черте города и, по меньшей мере, одно, а то и несколько — за его пределами. В местностях, населенных сабейцами или им подвластными, Альмакаху, их главному божееству, было посвящено не менее одного храма. Когда сабейцы овладевают Джауфом, они заставляют его жителей возвести внутри его стен храм

Альмакаха. В Хадрамауте города имеют каждый не менее двух святилищ: одно опять-таки в стенах самого города (оно, вероятно, посвящено Сийану), а другое вне его — оно стоит, прижавшись торцом к одному из окружающих город холмов.

### *Письмена на скалах*

В оазисе Ма'риба наше внимание привлекают два местонахождения сравнительно большого числа памятников письменности. Одно из них — на горе Джебель 'Амуд в 24 километрах к юго-западу от Ма'риба. Речь идет об одном из карьеров, подобном тем, что встречаются и на горе Джебель Балак аль-Авсат. Все же есть между ними важное отличие: на Джебеле 'Амуд есть скалы с покрывающими их письменами. Очень древними. По большей части делающими достоянием вечности имена и деяния тех, кто некогда этой каменоломней заведовал. Это отсюда увозились уже обработанные огромные каменные блоки на строительство шлюзов, крепостей, святилищ. Впрочем, зачастую решались задачи и не столь грандиозные. Так, один заведующий карьером сообщает потомству, что под его руководством здесь изготовлена пара каменных скамей для какого-то банкетного зала. Другой — о завершении работ над монументом, который должен был быть открыт в ходе торжественного ритуала.

Второе средоточие древних надписей — в десятке километров южнее Ма'риба на склоне Джебеля Балак, называемом здесь *джанубий* (южный). Это — некрополь: засушливое, лишенное растительности место, на котором расположен обширный ансамбль надгробий из камня, довольно часто имеющих характерную круглую форму — нечто вроде «башенок». На нихто и вырезаны многочисленные надписи, в совокупности известные науке как «список эпонимов» («эпоним» по-гречески — «дающий имя». — *Прим. перев.*). Некоторые разделы этого списка могли бы быть, при всех возможных оговорках, приняты за древнейшие памятники сабейской письменности. Скорее всего, именно здесь — одно из мест рождения Сабы<sup>25</sup>.

Впрочем, термин «список» в данном случае не совсем точен: речь идет, скорее, о коротких заметках, которые и включают в себя фрагменты списков каких-то персонажей, разделенных по поколениям. Эпиграфисты сходятся на том, что списки сообщают имена тех, кто выполнял жреческие обязанности в храмах бога 'Асара зу-Зибана, причем имена эти фиксировались, вероятнее всего, тогда, когда их носители покидали свою должность. Обычно жрецы принадлежали к роду зу-Халиль, который и послужил корнем для двух из четырех кланов-эпонимов в последовавшие эпохи. Особенно интересны две серии заметок: на скале «А» вырезаны списки лиц, которые жили непосредственно после царя Кариб'улия Ватара, сына Замар'али, то есть в VII веке до Р. Х. При всех трудностях в толковании текста одно предположение звучит наиболее правдоподобно: на скале высечены имена по меньшей мере двенадцати поколений, которые, одно за другим, исполняли одну и ту же должность.

Все эти списки прекрасно вписываются в земледельческий контекст культуры Ма'рибского оазиса: Саба ведь неизменно связана с орошением. Неудивительно, что и в сознании сабейцев устанавливались причинно-следственные связи между двумя рядами фактов: между выполнением такими-то и такими-то своих жреческих функций или, напротив, их прекращением (по случаю болезни, смерти или отрешения от должности), с одной стороны, и между щедрыми или скудными весенними и осенними паводками, которыми бог 'Асар зу-Зибан орошал Сабу, — с другой. Один из текстов гласит, что 'Асар в один и тот же год и весной, и осенью пускал воду в вади Зана по семи дней подряд в каждый из сезонов и что этот поистине исключительный случай имел место тогда, когда царем был Сумху'али, а жрецом — Замархуму. Значит, священнослужители молились божеству усердно, а оно за все старания вознаградило их обильными паводками. Эти списки эпонимов, в коих всякая хронология — как относительная, так и абсолютная — очень далека от определенности, прекрасно выражают собой те трудности, которые встают на пути всякого, кто взял бы на себя смелость очертить историю первых веков Сабы.

## КАРАВАННЫЕ ЦАРСТВА

С VIII века до н.э. по I век н.э. в Южной Аравии длится эпоха караванных царств. Обращенные лицом к пустыне, царства эти значительной частью своего благосостояния обязаны караванной торговле благовоениями. Это — монархии, организованные вокруг местного религиозного культа, в котором государю отведена видная роль.

В VIII веке до н.э. Южная Аравия являет собой в политическом отношении довольно мозаичную картину. В каждой из главных долин, спускающихся с гор в пустыню, складывается свое государство, чья территория охватывает не только ее, но и долины притоков в главный вади. Вместе с тем имеются и крупные — относительно крупные — государства. Это, если смотреть с востока на запад, Хадрамаут (в вади 'Ирма и Хадрамаут), Авсан (в вади Марха), Катабан (в вади Байхан) и Саба' (в вади Зана). Большая долина Джауф, севернее Заны, разделена между Сабой и множеством мелких царств. С VII по IV век до н.э. Саба простирает свою власть на большую часть Южной Аравии, затем Катабан принимает у нее эстафету и несет ее вплоть до I века до Р. Х.

Самые древние в Южной Аравии надписи, так называемые «архаичные» или «доклассические», восходят, по всей видимости, по меньшей мере, к VIII веку до н.э., однако обнаруженные в Йале и Райбуне фрагменты глиняной посуды, которые могли бы быть датированы X веком, несут на себе отдельные буквы — вдавленные (врезанные) в глину или нарисованные краской. К слову сказать, в южном Ираке найдены относящиеся к VIII веку до н.э. краткие тексты, написанные на аравийском языке. Общая картина представляется, стало быть, так: не позднее X века возникает аравийская письменность — на основе алфавита, который имеет очевидные черты сходства с финикийским, но коренным образом отличается от последнего своим порядком. Аравийский алфавит относится к южносемитской ветви, которая произросла на сирийско-палестинской почве во второй половине II тысячелетия до н.э. Финикийский же алфавит следует северосемитской традиции.

Итак, аравийский алфавит, состоящий из 29 согласных, окончательно оформляется к VIII веку. В ту эпоху тексты на нем пишутся либо справа налево, либо слева направо. Причем первое направление было преимущественным, и оно окончательно вытесняет второе к VII веку. Хорошо отличимые одна от другой буквы этого алфавита отвечают, как представляется, определенным эстетическим нормам. Нормы эти становятся подлинным канонem в эпоху господства Сабы над Южной Аравией. Состоящие из них надписи, вырезанные в камне или отлитые в бронзе, вещают для вечности. В них говорится о завершении строительства общественных сооружений или частных зданий, о жертвоприношениях, в них излагаются царские указы, храмы посредством их фиксируют размежевание полей и угодий, оповещают о порядке культовых обрядов.

Ныне науке известно около 15 тысяч надписей, но это огромное число, очевидно, составляет лишь ничтожную часть от общего объема письменных доку-

ментов южноаравийской цивилизации. Отсутствуют своды законов, отсутствуют царские летописи да и вообще какие бы то ни было исторические тексты. Отсутствует правительственная корреспонденция. Нет ни литературы, ни эпоса, ни поэм, ни гимнов — нет ничего! И все же общее число дошедших до нас письменных свидетельств ставит южных аравитян намного впереди финикийцев, евреев, карфагенян или персов.

Примерно двадцать лет тому назад нелегальные раскопки выявили еще одну категорию письменных памятников: письма на очищенных от коры древесных ветвях, причем выполненные алфавитом, явно производным от канонического, но вместе с тем весьма от него отличным. Если бы не материал, на котором письма эти вырезаны, можно было бы сказать, что они выполнены «беглым почерком». Позднее и помимо этих находок в Джауфе и Хадрамауте были обнаружены сотни текстов ...на пальмовых листьях. Черенки — диаметром 10—40 сантиметров в длину и 2—3 сантиметра в ширину — исписаны строками справа налево по продольной оси: на каждый лист приходится по десятку строк. Среди опубликованных текстов — и частная переписка, и договоры всякого рода, и долговые расписки, и списки лиц и целых кланов. Все они относятся к той или иной стороне сельской жизни, причем их так много, что из них можно было бы составить целые библиотеки. Ведущиеся раскопки позволяют надеяться и на открытие государственных архивов<sup>1</sup>.

По меньшей мере, в Южной Аравии имелось четыре основных языка. В надписях шире всего представлен сабейский язык. Первоначально он был языком лишь племени Сабы, обосновавшегося в Ма'рибе и в его окрестностях. В ходе сабейских завоеваний осуществлялась и лингвистическая экспансия: по-сабейски заговорили и иноплеменники. Однако с IV века до н.э. это языковое пространство последовательно сужается, так что к концу столетия по-сабейски говорили лишь в областях Ма'риба и Саны.

Мадхабейский (или минейский) язык восходит

как к своему источнику к говору в котловине и в вадди Джауфа, что северо-восточнее Саны. Язык минейских торговцев (откуда его второе название — минейский) получил распространение во всех их колониях, разбросанных по всей Северной Аравии до самого Египта. Он исчез вместе с царством Ма'ин (отсюда — «минейский») к I веку до н.э. В царстве Катабан, то есть во всем юго-западном Йемене — и это по меньшей мере, в употреблении был катанийский язык, представляющий собой немалые трудности при дешифровке. Что касается хадрамаутского, то на нем говорил, как кажется, весь восток страны; однако язык этот зафиксирован всего в трех-четыре сотнях текстов. Языки эти очень трудно между собой различать, поскольку остаются неизвестными их фонетика и произношение. При полном незнании гласных и удвоенных согласных приходится довольствоваться чисто условным чтением (например: *Катабан*).

### *Так что это такое — Саба?*

Царство Саба сложилось, имея своим ядром общий язык, общий религиозный культ и некоторые общие учреждения, причем централизованные. Сабейский — это «язык, который, сравнительно с другими аравийскими языками, значительно ближе к современному арабскому, нежели к «гезу» (древне-эфиопскому), и который запечатлен в монументальных южноаравийских надписях»<sup>2</sup>, по крайней мере начиная с VIII века до н.э. Будучи самым древним из имевших письменность языков региона, он сам имел, разумеется, свою предысторию, но черты ее, к сожалению, весьма размыты. И этот язык останется письменным на наиболее протяженном временном отрезке — по крайней мере до IV—V веков н. э. Около четырнадцати столетий выковали из него, несмотря на глубокие изменения в морфологии, синтаксисе и лексике, наиболее прочную языковую модель во всей Южной Аравии. Сабейский язык к тому же в наибольшей степени документирован: более шести ты-



сяч надписей. Правда, наиболее древние южноаравийские надписи очень фрагментарны: самые короткие из них состоят всего из нескольких слов, а самые длинные — не более чем из десятка. Тем не менее они составляют в совокупности весьма ценный однородный корпус.

Где находятся первые сабейские надписи? В оазисе Ма'риб — это прежде всего. Затем — на окружающих его высотах Джебеля Балака и 'Амуда<sup>3</sup>. Потом — вдоль вадии Зана вплоть до Сирваха и в притоках этого вадии, особенно в вадии Йала. Отразив на карте эти географические реалии, мы получаем картину распространения Сабейского государства: это в области Ма'риба находилась колыбель сабейской цивилизации. Сабейские тексты позднее были начертаны в долине Джауф (на ее южных склонах их больше, чем на северных), на Джебеле аль-Лауз и на высокогорье около Саны.

Саба — это также человеческая общность, объединенная религиозным культом. Первые упоминания о Сабе, если оставить в стороне «списки эпонимов», о которых речь шла выше, встречаются в очень кратких надписях. Они, например, гласят: «Такой-то, мукарриб Сабы». Это значит: государь запечатлевает для потомства факт построения или освящения того или иного сооружения, того или иного монумента. Саба, стоит это подчеркнуть, никогда не обозначается словом, указывающим на племя или на царство. Таким образом, Саба есть совокупность социумов, сложившихся в единую общность, — это во-первых. И во-вторых (так сказать, «заодно уж») — эта территория, которая общностью этой освоена, то есть, первоначально, территория окрестностей Ма'риба<sup>4</sup>. Поскольку входящие в сабейскую общность социальные группы достаточно обособлены, сама она в высокой степени структурализирована, а стержнем, на котором крепятся все составляющие элементы, служит культ Альмакаха: каждый из коллективных членов сабейской общины ведет свое происхождение от этого божества, а все вместе имеют общий пантеон, вполне определенный. Совместное упо-

минание в надписях Сабы и Альмакаха прямо указывает на Сабейское государство, первым представителем которого выступает царь. Заслуживает упоминания и тот факт, что в «списках эпонимов» выражение «Саба и Союз», отсылающее к землям, орошаемым Астаром, и к живущему на них населению, указывает на существование еще более обширной политической общности. Сплоченность этого «Союза» прославляется в ходе церемоний, проходящих под эгидой бога Астара зу-Зибана. Эти «списки», равно как и некоторые надписи VII века до Р. Х.<sup>5</sup>, могут рассматриваться как проявление политической мысли сабейцев, более ранней и зрелой, нежели у их соседей.

Саба, с самого своего возникновения, выступает, наконец, поборницей вполне определенной концепции центральной власти. Сабейцы — прочно обосновавшиеся в Ма'рибском оазисе, связанные многовековой религиозной практикой и хорошо сознающие свое единство, — создают власть, в высокой степени централизованную. Хотя ее происхождение остается неизвестным, нам их «монархическое» устройство представляется очень древним. Первые сабейские государи носят титул «мукарриб» — «Тот, который собирает, объединяет»<sup>6</sup>. Титул этот с самого начала заявляет претензию на господство над всей Южной Аравией. Он был, разумеется, предметом вожделений и соперничества: соседние государи пытались присвоить его, и иногда им это удавалось. Все же на протяжении двух столетий (VII—VI века до н.э.) этот титул, не будучи исключительно сабейским, принадлежал исключительно сабейским царям. Правда, несколько позднее его примут и государи Катабана.

Титул мукарриба не содержит в себе указаний на абсолютную власть. И действительно, она не была таковой. Напротив, государь разделяет принятие решений с другими участниками обсуждения — со своими личными советниками, а также — со всякого рода другими «советами» и «ассамблеями». Особенно по вопросам орошения. Что касается сабейских родов, то они имеют над собой несколько руково-

дителей — как своих, местных, так и назначенных царем.

Столица сабейского политического образования — Марйаб (без сомнения, в местном произношении), откуда и произошло его нынешнее наименование — Ма'риб. Город стоит в вади Зана, примерно в десяти километрах от выхода вади из теснины, в самом средоточии орошаемой долины. Это здесь — резиденция мукарриба и «министров Марйаба», находящихся под его прямой властью.

### *Первые мукаррибы*

В VIII веке до Р. Х. первые мукаррибы носят имена: Кариб'иль, Йаси'амар, Сумху'али, Замар'али и т.д. с эпитетом Байан, Ватар, Йануф... Трудно их идентифицировать. Только один из них хорошо известен: Йаси'амар Байан, сын Сумху'али. Он правит сначала единолично, затем, сохраняя за собой некоторое первенство, делит власть с Кариб'илем Ватаром. Prestиж государя, который царствовал так долго — возможно, более тридцати лет, вполне был в состоянии перешагнуть рубежи сабейской державы. Анналы ассирийского царя Саргона II (722—705), в самом деле, упоминают об уплате дани царицей арабов Самси и Ита'амром Сабейцем после кампании, предпринятой против них около 716 года. Отождествление Ита'амра с Йаси'амаром Байаном не столь уж невозможно, если принять во внимание старшинство последнего перед Кариб'илем (Йаси'амар ранее Кариб'иля взошел на трон). Суждение об этой иерархии основывается главным образом на положениях текстов из аль-'Акля, где именно Йаси'амар оповещает о проведенной им большой ритуальной охоте, в ходе которой добычей охотников стало множество зверей<sup>7</sup>. Впрочем, нельзя исключить и того, что Ита'амра мог быть одним из предшественников Йаси'амара Байана.

Первые мукаррибы направляют работы по строительству — крепостной стены, храмов, гидротехнических сооружений; один из них руководит строи-

тельством даже домов — в городе Йала (в древности Хафари), расположенном в 35 километрах юго-западнее Ма'риба. Они также главенствуют на культовых церемониях, на пиршествах, при торжественном заключении договоров. Все заставляет полагать, что они утверждают и упрочивают свою власть проведением гражданских работ и военных акций.

### *Царствование мукарриба Кариб'иля Ватара*

В конце своего правления этот мукарриб повелел высечь две надписи. Очень длинные, они покрывают лицевые стороны двух монументальных блоков, установленных в ограде храма Альмахаха в Сирвахе<sup>8</sup>. В первой из них царь повествует о восьми победоносных походах, предпринятых, нужно думать, за его долгое правление, продолжавшееся, предположительно, около пятидесяти лет. Он восхваляет себя за то, что установил сабейское владычество над сопредельными с Сабой пустынями. Его цель — установление контроля над всеми путями и тропками, по которым «караванные царства» ведут свою торговлю благовониями.

В этом предприятии у Сабы было два главных соперника. Прежде всего — Асван, к юго-востоку от Ма'риба. Это царство возникло в срединной части долины Марха, ценность которой для сельского хозяйства была признана очень рано — быть может, с IV тысячелетия. Тут процветание деревни идет нога в ногу с развитием многочисленных городов, из которых расположенный на среднем течении вади Хаджар Йахирр<sup>9</sup> играл, вероятно, роль столицы. Цари Асвана раздвинули его пределы к юго-востоку — вполне возможно, до самого Индийского океана. Присвоив себе, в конце концов, титул мукарриба, они стали претендовать на своего рода гегемонию. Кроме того, их держава производила благовония — мирру на первом месте. Но особенно удобным было местонахождение Асвана — между Хадрамаутом на востоке и Сабой на западе: вади Марха, в самом деле, расположен с юго-запада на северо-восток и тянется

длинной полосой с гор до окрестностей Шабвы. Всякий выходящий из Шабвы караван, проходя через города пограничной с пустыней зоны или через деревни у подножия Джебеля ан-Нисийин, должен, так или иначе, пересечь вади Марха, чтобы достичь Ма'риба.

Вторым соперником Сабы, на северо-западе, был Нашшан — ныне Байда («Белая»). Благосостояние этого города первоначально основывалось на бережливом использовании вод двух вад — Мазхаба и Харида, что и позволило ему развернуть широкую программу строительства — в частности, храма 'Астара — вне своих крепостных стен. Начиная с VIII века, если не ранее, он медленно распространяет свое влияние по долине Джауф на мелкие соседние государства, которые волей-неволей признают его верховенство. К тому же его область никак нельзя миновать на пути между Сабой на юге и Наджраном на севере. В самом деле, Джауф представляет собой огромную котловину протяженностью более чем в сотню километров и растянутую с северо-запада на юго-восток. Впадина эта продолжается, строго говоря, и за пределами собственно Джауфа — в пустыне Саб'атайн. Тот, кто осуществлял свою гегемонию над Джауфом, мог, конечно, пресечь движение караванов. Если бы Нашшану удалось утвердить свое господство над маленькими государствами Каминаху, Харам и Иннаба', он стал бы представлять действительную угрозу сабейской гегемонии. Географическая карта древней Аравии показывает совершенно ясно, насколько Саба была зажата между ее могущественными соседями.

Свой первый поход Кариб'иль направляет на юг йеменского горного массива, на юг Таизза — в Худжарий<sup>10</sup>. Этот горный край плодороден, так как обильно орошается муссонными дождями. Царь здесь берет в плен восемь тысяч своих врагов, из которых предает смерти три тысячи.

Затем он направляется на юго-восток страны, в нынешний вади Марха, и углубляется в земли Асванского царства. Развертываются ожесточенные бои:

16 тысяч убитых авсанцев и 40 тысяч пленных. Множество городов разрушено, сельская местность опустошена, дома сожжены. Дворец асванского владыки, *Мисвар*, который высился, скорее всего, в столице Хаджар Йахирре, скрыт до основания, а все надписи, сделанные на нем и в нем, вывезены. Редко когда военная кампания демонстрирует столь непреклонную волю к уничтожению и истреблению. Однако поражение, нанесенное Асвану, далеко не полно, и потребуются еще две дополнительные карательные экспедиции, чтобы подчинить страну окончательно.

Третий поход приводит Кариб'илья на невысокие горы, что возвышаются над Аденским заливом. На северо-востоке гор — древний Дахас (ныне район Йафи), на севере — древний Тубани (нынешний вади Тубан). Оба они — владения Асвана. Достиг ли сабейский царь дельты Тубана, соседней с Аденом? Это возможно. Местечко Сабр подверглось такому неистовому разрушению, что остается только поздравить его жителей с избавлением от неминуемой гибели: они вовремя бежали, не захватив с собой из своего имущества ровно ничего<sup>11</sup>... Впрочем, археологи ожидают от ныне ведущихся в городище раскопок дополнительных материалов для окончательного вывода. Общий итог этой третьей кампании — пять тысяч пленных, а четвертой, проведенной там же, — тысяча пятьсот.

Пятая и шестая кампании развертываются в Джауфе, в сотне километров к северу от Ма'риба: они имеют мишенью Нашшанское государство. Перед тем как вступить в войну, Кариб'илья пытается, как кажется, заручиться если не помощью, то, по меньшей мере, нейтралитетом таких городов, как Харам и Камна. Затем он сосредоточивает свои войска у входа в долину и овладевает Йасиллем (современным Баракишем). Продолжая поход, обходит Харам (нынешний Хирбат Хамдан) и останавливается у Каминаху (ныне Камна), откуда уже виден Нашшан — с расстояния менее чем в пять километров.

Прибыв туда, он осматривает мощные фортификационные сооружения, обрамляющие город в фор-

ме четырехугольника и включающие в себя множество башен. Тогда он повелевает возвести вокруг города стену (это, несомненно, земляной вал), дабы голодом принудить его к сдаче. Традиционный прием, известный, к примеру, и Греции эпохи архаики. И действительно, после трехлетней осады Кариб'иль овладевает Нашшаном. После чего приказывает скрыть крепостные стены, разрушить святилище и сжечь дворец *Афрав*, но почему-то щадит святилище Астара, расположенное вне города. Участь деревенской округи и близлежащих гидротехнических объектов вряд ли была более завидной.

Шестнадцатая строка надписи в Сирвахе гласит:

[Он] разрушил крепостные стены Нашшана с тем, чтобы не предавать сам город огню. Заставил его (нужно думать, царя Нашшана. — *Прим. перев.*) разрушить свой дворец Афрав, возложил на город дань, от выплаты которой не были изъяты и священнослужители. Потребовал, чтобы те нашшаниты, которые не проявляют благочестия, были перебиты. Заставил Сумхуйафа'а и Нашшан принять в город колонию сабейцев и принудил их (Нашшан и его царя) воздвигнуть в городе храм Альмакаху<sup>12</sup>.

Царь Нашшана Сумхуйафа', хотя и потерпел сокрушительное поражение, не был ни казнен, ни выслан. Что касается Кариб'иля, то он, чтобы сделать свою победу окончательной, повелевает разрушить городские укрепления, вводит в город свой гарнизон и сабейцев-колонистов. Он вознаграждает своих союзников из Каминаху и Харама, даруя им земли и шлюзы, бывшую собственность Нашшана. Наконец, он укрепляет соседний с Нашшаном город Нашк, вводит туда свои войска, размещает сабейцев-колонистов и возводит храм, посвященный Альмакаху.

Где велась седьмая кампания — трудно сказать. Может быть, в Тихаме, параллельной Красному морю равнине. Может быть, по ту сторону этого моря — на эритрейском побережье.

Восьмой (и последний) поход был направлен, как кажется, к северу от Джауфа. Обосновавшиеся вокруг Наджрана (ныне в Саудовской Аравии) племена были в значительной степени обессилены учиненным кровопусканием: 5 тысяч убитых, 12 тысяч пленных. Стоит еще упомянуть 200 тысяч голов захваченного сабейцами скота.

Этот значительный итог, цифры которого могут быть, впрочем, и преувеличены, демонстрирует размах завоеваний. Огромные сельскохозяйственные территории разорены, целые племена перебиты или обращены в рабство. Пленники направлены на работы в строительстве или в сельском хозяйстве. Эти войны не затрагивают, однако, значительной части Южной Аравии: йеменское высокогорье, высокие плато и западные склоны хребта. Допустимы два предположения: либо эти области уже находились под сабейским господством, либо «игра не стоила свеч» — не по этим территориям проходили караванные пути. Что касается царства Катабан, не столь удаленного от Ма'риба, то оно остается вне конфликта.

Его осторожный государь Варав'иль предпочитает союз с Кариб'илем и за это вознагражден им некоторыми территориями Асвана. Еще восточнее царь Хадрамаута делает аналогичный выбор, становясь на сторону Кариб'иля. Но с сабейской стороны этот союз представляется по меньшей мере странным. Разве не в Хадрамауте производится в больших количествах ладан? Разве Шабва не служит центром его сбора и дальнейшей транспортировки? Предпочел ли Кариб'иль союз войне или же отложил до лучших времен овладение этой обширной областью? За отсутствием содержательных документов ответ невозможен.

### *Сабейский мир*

Завершив свои большие походы, Кариб'иль пожинает плоды одержанных побед. В большом храме в Сирвахе тыльная сторона двух каменных блоков несет на себе длинную надпись<sup>13</sup>, перечисляющую



все осуществленные мукаррибом замыслы в сфере строительства. Теперь в его распоряжении большие трудовые ресурсы, которыми он маневрирует, перебрасывая, по мере надобности, от одной стройки к другой.

Текст упоминает прежде всего два города, укрепленные им: Баракиш (трудно, однако, определить, какие участки крепостной стены сложены при нем) и аль-Байда. Будучи расположенными к западу и к востоку от Нашшана, эти два оплота контролируют вход и выход ко всем владениям побежденного царства. В округе Ма'риба два города получили защиту за крепостными стенами: Ванаб и Йа'рат.

Далее, Кариб'иль посвящает себя работам в области гидротехники и ирригации — главным образом в окрестностях Ма'риба, где он расширяет орошаемые земли, сооружая в вади заградительные щиты и распределители воды. Впрочем, сооружений, заслуживающих внимания, что-то не отмечено.

На новые территории и даже за их пределы он посылает колонии сабейских переселенцев. Побежденные города (как Нашшан) или только что основанные (как Нашк) получают каждый по контингенту сабейских колонов. Помимо собственно сабейцев, волна сабейской колонизации увлекает с собой и всякий люд, принадлежащий иным этническим группам, но обосновавшийся в Сабе (среди такого рода полусабейцев немало торговцев). Они, эти инородцы, успевшие в разной степени ассимилироваться, продвигаются даже далее, чем «чистые» сабейцы-колонисты. Одни из них обосновываются в вади Марха и в самом сердце вади Дура, и на склонах, ведущих к равнине Дарина; другие выбирают для новоселья высокие плоскогорья — к югу от Таизза, в окрестностях Саны, даже в горном массиве Наби Шу'айб. Третий поток миграции устремляется в сторону Хадрамаута. Так, в Шабве имелось святилище Альмакаха — верный признак присутствия там сабейцев или, в любом случае, выходцев из Сабы. Поток этот, возможно, достигал и Хурейзы — в вади 'Амд.

На берегах Красного моря сабейцы появляются в

районе Хурейды... и обучают там туземцев своему письму. Они появляются и на другой стороне того же моря: их присутствие в Эфиопии засвидетельствовано уже в эпоху Кариб'иля Ватара. В трех городах Аксума — в Матаре, в Хаулти и в Йехе — обнаружены сабейские надписи. Ученые предполагают, что сабейцев (в большинстве своем ремесленников и купцов) пленили, помимо прочего, и природные условия: по климату и характеру растительности эта часть Эфиопии очень сходна с Йеменом. Большинство переселенцев — из Ма'риба, другие пришли с той равнины, где стоит Сана. Как каменщики и каменотесы, они используют приемы, завезенные с другой стороны Красного моря. Так, одно из святилищ в Йехе (на юге Аксума) считается произведением их рук: архитектура, техника строительства, монолитные пилоны, карниз, украшенный зубчиками, — все это повторяет странным образом сабейские храмы той же эпохи. Обнаруженные в том же районе монументальные надписи, алтари для возжигания ладана, фризы, кувшины с «лепестковым» отверстием — все это служит свидетельством о присутствии сабейцев и об установлении ими постоянных связей между обоими побережьями Красного моря<sup>14</sup>.

Во всех этих районах сабейцы распространяют свой язык. К концу царствования Кариб'иля сабейский язык становится средством общения в очень значительной части Южной Аравии, он преобладает по всему периметру окружающих Йемен пустынь. Он проникает также в Эфиопию: несколько обнаруженных там текстов упоминают сабейские божества (например, зат-Химйам) и одного из сабейских государей, однако аборигены предпочитают украшать свои керамические изделия надписями на совсем ином языке. Вместе с тем сабейский язык оказывает значительное воздействие на языки туземных этносов. Авторы местных надписей заимствуют у сабейского как отдельные термины, так и целые обороты, даже фразы — этот феномен может быть продемонстрирован, скажем, на многочисленных посвящениях в аль-Хурейзе (Хадрамаут).

Как объяснить эти сабейские победы, следующие непрерывной чередой в течение полувека? Политический контекст был, конечно, для Кариб'илия благоприятен: мозаичность Южной Аравии, состоявшей из множества мелких и мельчайших государств, могла лишь способствовать успехам его начинаний. Это наглядно видно на примере Джауфа с его практически независимыми городами: Кариб'иль в своей борьбе против Нашшана мог опереться на союз с двумя другими городами, Харамом и Каминаху. Северные районы, вокруг Наджрана, не имели между собой какой-либо политической связи, необходимой для действенного сопротивления сабейцам. То же самое следует сказать и о племенах, населявших горные области, возвышающиеся над Аденом и побережьем Индийского океана. Нашшан в конечном счете был всего лишь городом. Очень значительным, конечно, но все же не сопоставимым по своим ресурсам с мощью Сабы. Только царство Асван являло собой подлинное государство, способное противостоять Сабе. Что и объясняет ожесточенность боев и ярость последовавшего за ними «усмирения».

Какими средствами располагала Саба? Ее превосходство следовало из ее процветания — главным образом в области сельского хозяйства. Размеры Ма'рибского оазиса, интенсивность его эксплуатации и окупаемость вложенного в него труда были источником ресурсов Сабы, куда более значительных, нежели у ее соседей. Однако использование этого источника было бы невозможным без весьма структурированной организации труда той общины, что носила имя «Саба». Итак, межплеменная сплоченность сабейцев, возможно, объясняет их превосходство.

Процветание Сабы проистекает, очевидно, и из прибылей от торговли благовониями. Начиная с VIII века до н.э. страны восточного Средиземноморья, за исключением Египта, потребляют ароматичные продукты, а в течение VII века — все в более возрастающих количествах. С самой ранней поры Саба старается поставить всю эту торговлю под свой кон-

троль, и походы Кариб'иля, помимо решения прочих задач, имеют своей достаточно очевидной целью упрочение ее господства на главных караванных путях. Союз с Хадрамаутом был для нее, наверное, более выгодным, нежели навязанное ему силой владычество. Можно с уверенностью утверждать, что царствование Кариб'иля примерно совпадает по времени с процессом роста потребления благовоний на Ближнем Востоке и с разворачиванием торговли ими. Разве сабейский царь по имени Карибилу не подносит в дар государю Ассирии Сеннахерибу (705—681) драгоценные камни и «ароматы» в ходе освящения храма по случаю Нового года?<sup>15</sup>

Однако экономическое могущество не объясняет полностью успехов сабейцев. Вероятно, относительное изобилие продуктов питания повлекло за собой демографический взлет в области Ма'риба. Остается неизвестным, было ли военное превосходство Сабы, продемонстрированное не раз на полях битв, — было ли оно следствием большей численности ее войск: тексты сообщают о потерях противоположной стороны — и только. Они, однако, позволяют догадаться о большой численности тех сабейских колонистов, что, к неудовольствию, а может быть и с доброго согласия старожилов, водворились на недавно завоеванных землях. Где здесь следствие и где причина? Сабейская колонизация бесспорно связана с демографической мощью Сабы, которая, в свою очередь, проистекает из двух источников — из внутреннего, то есть из естественного роста рождений, и из внешнего, то есть из волны иммигрантов, прибывавших в Сабу извне. Эти гипотезы представляются более правдоподобными, нежели постулат о сабейском тактическом превосходстве: ничто не позволяет говорить о военном гении Кариб'иля или о более высоком качестве вооружений его армии.

### *Саба — царство без царицы?*

Сабейские надписи эпохи Кариб'иля не упоминают никакой царицы. Откуда же приходит эта таинст-

венная царица Савская? Ее встреча с царем Соломоном делает ее знаменитой в течение веков.

Царица Савская, услышавши о славе Соломона (...), пришла испытать его загадками.

И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены *были* благовониями и великим množеством золота и драгоценными камнями (...) И увидела царица Савская всю мудрость Соломона и дом, который он построил, и пищу за столом его, и жилище рабов его, и одежду их, и виночерпиев его, и всесожжения его, которые он приносил во храме Господнем. И не могла она больше удержаться.

И сказала она царю: верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и о мудрости твоей;

но я не верила словам, доколе не пришла и не увидели глаза мои: и вот мне и в половине не сказано; мудрости и богатства у тебя больше, нежели как я слышала.

Вот так кратко о посещении царицы повествует Третья книга Царств в первых десяти стихах 10-й главы. О ней говорится также и в стихе 13, который идет в пандан со стихами 11–12, относящимися к царю Тира Хираму. Такое расположение имеет свои резоны. В самом деле, визит царицы Савской как бы повторяет, воспроизводит те отношения, что завязались между Соломоном и Хирамом, тем самым моделируя эталон отношений, которые *должны* бы устанавливаться между царем Израиля и иноземными государями: царица Савская и царь Тира в унисон возносят хвалу величию Соломона. Перед нами, следовательно, чистой воды апологетика, что, однако, не снимает более сложного и более важного вопроса: имеет ли эта апологетика хоть какую-нибудь историческую ценность или полностью лишена ее? Уместно вспомнить, что приводимый отрывок в его первоначальном виде восходит, самое раннее, к VII веку до

Р. Х., а его окончательная редакция — к VI веку. И хотя в X веке сабейцы в Палестине еще неизвестны, пассаж несет на себе отпечаток какого-то древнего народного предания и отражает, следовательно, какую-то историческую реальность. Иезекииль (VII век) помещает сабейцев прямо в Южную Аравию, между тем как Книга Бытия склоняется, скорее, в пользу Северной.

Припомним некоторые факты. Мог ли царствовавший в X веке Соломон принимать у себя вообще какую-либо царицу из Сабы? Ничто не убеждает нас в том, что в указанную эпоху дипломатические отношения между Иерусалимом и Сабой уже существовали. Если не считать Книги Царств, упоминания о ней можно встретить только у Иезекииля и у Иеремии (VI век — начало VI века) как о царстве Шеба. О Шебе же в особо интересующую нас эпоху X—VIII веков в Библии вообще не говорится ни слова. Недавно в Иерусалиме найдены южноаравийские надписи, но они были сделаны никак не ранее VII века. К тому же было бы очень странно, если бы первую ознакомительную миссию возглавила сама царица.

Некоторые аравийские царицы истории, впрочем, знакомы. Беда в том, что все они — из *Северной Аравии*. Вот одна из них: Забиба, царица страны Кедар, платившая дань ассирийскому царю Тиглату-Палассару (744—727). А вот другая: «царица арабов» Самси — современница Саргона II (722—705).

Рассказ о царице Савской исходит, скорее всего, от редактора последней версии цитированного выше отрывка, причем версия эта содержит не прямое указание на *Северную Аравию* как на местоположение Сабы. Рассказ был составлен «к вящей славе» Соломона, и если под ним и имеются какие-то реальные исторические факты, они подверглись основательной «переработке». Стоит отметить еще одну «расплывчатость», «туманность»: собственное имя царицы так и не было названо. Не исключается, стало быть, и такое предположение: к анонимной царице название «Саба» («Шеба») приставлено просто-напросто для того, чтобы оживить рассказ.

Задержимся ненадолго на двух монументальных надписях в Сирвахе. Высеченные в конце царствования Кариб'иля Ватара или даже после его смерти, они восславляют образование Сабейской империи, которая простирается на большую часть территории современного Йемена. Неизвестны точные даты его правления. Предположительно, оно покрывает первую половину VII века до н.э. Графика этих двух текстов, очень тщательная, вроде бы указывает на несколько иную дату: они открывают, согласно Ж. Пиренну, эпоху «классического стиля» письма (VII—VI века). Концепция основывается исключительно на эволюции письменности и отмечает в надписях, о которых идет речь, конец «домонументального» или «доклассического» стиля<sup>16</sup>.

Империя Кариб'иля представляется слишком обширной, чтобы иметь шансы на сколько-либо длительное существование. Однако трудно сказать, когда она дала первые трещины. Известно, что один из его преемников вынужден предпринимать походы в разных направлениях. Прежде всего он поднимает меч на Джауф, расположенный всего в какой-то сотне километров от Ма'риба. Там царство Ма'ин пытается утвердить свою относительную независимость и обеспечить себе контроль над Баракишем: сабейский государь в ответ отдает на поток и разграбление окрестности Ма'ина. Затем его войска направляются к северу от Джауфа, где местные племена к этому времени выходят из повиновения. Военные действия ведутся до самого Наджрана. Еще более серьезное положение складывается на юге страны, в районе Йафа' и на высотах, окружающих полукольцом Аденский залив. Царство Катабан, давнишний союзник Сабы, принимается мутить некоторые племена, подстрекая их порвать узы ленной зависимости от Сабы: Катабан отныне становится соперником. Сабейский мукарриб вынужден вторгнуться со своими войсками в вади Тубан, где скрещивает клинки с племенем Дахас и истребляет четыре

тысячи его членов. Возвышение Катабана — главный факт новой политической географии начиная с VI века.

### *Взлет Катабана*

Срединные районы Катабана, его, так сказать, «сердце», расположены в вади Байхан. Его водные источники, вознесенные на высоту в 1700 метров (горный массив Рада'), порождают два главных и множество мелких низвергающихся вниз потоков. Эти две ветви сливаются воедино чуть ниже местечка Байхан аль-Ксаб (в просторечии аль-Ульйа). Еще ниже и севернее на правой, в основном, стороне вади видны следы и памятники седой старины: выемки в горных породах, где проходили в древности каналы, остатки шлюзов, каменные тумбы с высеченными на них царскими указами. Все это служит наглядным свидетельством того, что в жизни древнего Катабана первенствующая роль принадлежала поливному земледелию. С десятков километров еще ниже, там, где вади подрывает берег телля (невысокой горы, холма) Хаджар ибн Хумейд, — в XI веке до н.э. завелось скромное поселение. То самое, из которого со временем вырос главный город Катабана<sup>17</sup>. И ныне чуть севернее его месторасположения тянутся к небу высокие дома города Ходжар Кухлан. Построены же они уже на руинах древней Тамны, столицы Катабана.

Тамна — это пространство примерно в 20 га, обнесенное кольцом крепостной стены с четырьмя воротами, общей длиной в 1850 метров. Пространство это было, в большей своей части, застроено высокими домами — во многом подобными тем, что и позднее выросли на их месте. В 1951 году американские археологи очистили от наносов городской квартал, что примыкало к юго-западным воротам, и обнаружили памятник, удостоверяющий глубокую древность города.

Нет никакого сомнения в том, что именно в Тамне жили первые государи Катабана. Мало кто из них известен, но некоторые уже претендовали на титул му-



карриба. Этот престижный титул и связанные с ним претензии переходят, следовательно, от Сабы к Катабану, что не может не породить множества войн между двумя соседями. Общий их итог был несомненно благоприятен Катабану, так как катабанские надписи обнаружены на некогда сабейских территориях. Экспансия Катабана направлена прежде всего вдоль западных долин, Хариб и Джуба, а затем по тем землям, что обходят с востока Джебель ан-Нисийин. Далее она распространяется на юго-запад йеменского горного массива, в области Рада, Йафа', Йарим и, наконец, на те горы, что обступают Аденский залив. Каждый шаг, выигранный Катабаном, проигран для Сабы. Страбон, приводя источники II века до Р. Х., подтверждает это: «Катабаниты, чья территория простирается до проливов (Баб аль-Мандаб) и до прохода в Аравийский залив и чья столица зовется Тамной...»<sup>18</sup> Согласно Плинию, положение представляется даже так, что катабаниты располагают одним портом на Красном море — это Окелис (нынешний порт Шейх Саид)<sup>19</sup>. По этим пунктам отныне очерчивается карта обширной империи — как сухопутной, так и морской.

Процветание Катабана опирается на те же, в известном отношении, основы, что и Сабы. На земледелие — прежде всего. Аэрофотосъемка русла его главного вادي в среднем течении, начиная с аль-Хараджи на юге и кончая Муканной на севере (то есть на протяжении около 45 километров), показывает, что в древности здесь простиралось сплошное культивируемое пространство, не уступающее по площади даже самому Ма'рибскому оазису. Богатство Катабана проистекало также и из торговли благовониями. Плиний Старший утверждал, что ладан экспортируется лишь при посредничестве геббанитов (то есть катабанитов) и что его большой путь к Средиземному морю начинается с Тамны<sup>20</sup>. Освобождаясь от гегемонии Сабы, Катабан, возможно, надеялся перехватить у нее большую часть прибылей, извлекаемых из этой торгово-посреднической деятельности. Но у него к этому времени появился другой равный ему по силе соперник — Ма'ин.

Могущество Ма'ина, как это ни парадоксально звучит, обратно пропорционально его протяженности и площади. Во все времена существования Минейского царства территория его была крошечной. Возникнув в среднем течении вади Джауф, Ма'ин (Минейское царство) так и остался зажатым между Харамом, отстоящим от него к западу менее чем на шесть километров, и между Сабой. Фактически он включал в себя всего лишь два соседних города — собственно Ма'ин (Карнау в древности) в узком значении термина и Баракиш (древний Йасилл) — с их сельскими округами, да еще — несколько безводных вад на севере Джауфа. Поскольку оазис Баракиша занимает 1350 га, а самого Ма'ина равен 2000 га, их совокупная площадь в два раза меньше той, на которой обосновался Ма'рибский оазис.

Источник преуспевания Ма'ина — в поразительной ловкости минейцев, с какой они принялись за организацию караванной торговли ладаном, и в замечательной последовательности их усилий, с какой они не позволяли ей вырваться из-под их контроля. В противоположность другим племенам, чья деятельность распределяется между сельским хозяйством и военным ремеслом, минейцы отдают все свои силы и устремления исключительно торговле. Минейские тексты ничего не рассказывают о военных походах, но зато очень многое — о торговых экспедициях, причем порой очень далеких. Минейские цари никогда не претендовали на титул мукарриба, не выводили колоний за пределы государства и не чеканили собственной монеты.

Итак, торговля — призвание минейцев, их основная деятельность. Минейцам удастся установить тесные отношения с Хадрамаутом. Хотя Шабву от Ма'ина отделяют, по самому малому счету, 200 километров караванных троп через пустыню, минейские купцы в немалом числе оседают в Шабве. Затем минейцы ткут паутину связей со всеми прочими городами, так или иначе причастными к этой торговле: они

обосновываются, несомненно в малом числе, в Хараме, Тамне, Асване и т.д. И они, наконец, устремляются в северном направлении, приводящем их к берегам Средиземного моря. Присутствие минейцев отмечено в Наджране, Карейя аль-Фав (в 280 километрах к северо-востоку от Ма'ина), Дедане, Газе, Египте и в Северо-Западной Аравии. Таким образом, они торгуют с Египтом, финикийским побережьем (с Тиром и Сидоном), Сирией (или с Заевфратьем), Ассирией и с Вавилонией. Наконец, они пересекают Средиземное море, чтобы поселиться на Делосе и в Ионии.

Эти относящиеся к коммерческой деятельности тексты обходят, как правило, молчанием и политическую эволюцию Ма'ина, и историю его связей со своими соседями. Сабейский сюзеренитет над Ма'ином не затронул ни его пантеона, ни его строя, ни его языка. Хадрамаут остается (во все времена?) союзником Ма'ина. Хотелось бы знать, не финансировал ли один из двух его царей сооружение одной из башен при восточных воротах города?

### *Хадрамаут*

Хадрамаут, в самом узком значении географического термина, означает долину, которая простирается вдоль Индийского океана между высокогорными засушливыми плато, известными под названием *Джауль*, и которая продолжается восточнее по вади Масилах вплоть до границ области Махра. В смысле более широком этот термин прилагается ко всему пространству, которое включает в себя не только упомянутую выше основную долину, но и множество других, второстепенных, впадающих в нее то здесь, то там, подобно притокам. В общем, все они примерно ориентированы по оси «север—юг», на западе же высокие плато внезапно обрываются вниз — то крутым спуском, вроде того, что с двух сторон обрамляет вход в вади Хадрамаута, то почти вертикальной стеной, что нависает над городами Барира и Шейба. Этот сомкнутый ряд утесов являет собой как бы естественную оборонительную линию, с которой легко контролиро-

вать доступ в вади. Своеобразие Хадрамаута предопределено двумя факторами: во-первых, его большой протяженностью и, во-вторых, наличием у него двух «фасадов», с моря и с суши, с востока и с запада.

Можно считать доказанным тот факт, что в некоторых, по меньшей мере, долинах земледелие стало развиваться уже во II тысячелетии до н.э. Между тем история Хадрамаута и в начале I тысячелетия до Р. Х. остается довольно-таки темной. Известно, в сущности, немного. Сабейский царь Кариб'иль заключает с Йада'илем, царем Хадрамаута, мир ради безопасности выгодной для обоих государств торговли. Потом, два царя Хадрамаута провозглашают себя (дата события остается неустановленной) мукаррибами<sup>21</sup>: может быть, соперничество с Катабаном подстегнуло к принятию столь престижного титула. И наконец, надписи называют ряд царей по именам, однако хронология их царствований остается, мягко говоря, гадательной.

Шабва мало-помалу утверждает себя как столица — в ущерб, естественно, другим городам. Барира, в вади Джирдан, также могла бы сыграть важную роль; сабейские армии, воевавшие в этих краях, использовали ее в качестве своей операционной базы, и она, уже в силу этого обстоятельства, имела шанс превратиться в крупный центр. Однако она не смогла им воспользоваться, так как ее положение на торговых путях было все же менее благоприятным, нежели у Шабвы. Среди факторов процветания последней ее успешная коммерческая деятельность, безусловно, занимает первое место.

Парадокс в том, что город расположен не в самой долине Хадрамаута, а примерно в двадцати километрах к югу от нее. Или, еще точнее: при самом выходе из теснины вади 'Ирма, чьи паводки, к слову сказать, ни по их частотности, ни по изобилию приносимой воды не идут ни в какое сравнение с вади Зана или Байхан, или Марха. Земледельческий фактор не мог, следовательно, быть решающим в возвышении Шабвы. Чтобы стать тем, чем она стала, она должна была обеспечить безопасность целой системы караванных путей, пролегших по ее территории. Прежде

всего — тех троп, что с самого начала связали ее с нижней частью долины Хадрамаута. Она и решила задачу, поставив под свой контроль ущелья 'Акайбат и Футра<sup>22</sup>. Затем она озаботилась тем, чтобы укрепить камнями, то есть в известной степени обезопасить, крутые тропы, по которым караваны взбирались на самый верх высокогорных плато. В конце концов, Шабва, благодаря своему прилежанию и искусной политике, оказалась на перекрестке важнейших караванных дорог — и тех, что прямо через пустыню ведут к Ма'ину и Наджрану; и тех, что проходят по самой кромке высоких плато; и тех, что Шабву связывают с ее портом Би'р 'Али (в древности Кана').

И последний козырь Шабвы — залежи каменной соли. Соль залегает уже в треугольнике тех холмов, что, возвышаясь в предместьях Шабвы, защищают ее и от наводнений, и от приносимых ими наносов, — именно в этом треугольнике и обосновались первые поселенцы во II тысячелетии до Р. Х. Они используют половодья, прокатывающиеся по вади 'Ирма, в целях интенсификации земледелия; они тянут по обе стороны от своего поселения каналы и акведуки<sup>23</sup>; они строят дома с каменным цоколем и со сложенными из сырцового кирпича верхними этажами и надстройкой. Производимые ими керамические изделия близки, как кажется, к палестинским моделям эпохи поздней бронзы<sup>24</sup>. Опираясь на это сходство, археологи надеются обнаружить культурный слой, который восходит к цивилизации еще более древней, чем южноаравийская.

Тексты, дошедшие до нас из эпохи архаики, весьма малочисленны. Найдено несколько надписей сабейски, но их содержание лишь с трудом поддается дешифровке. Дело в том, что сам город не был сабейским, и его обитатели писали на местном «хадрамаутском» диалекте, используя при этом сабейский алфавит. Какое-то число сабейцев, солдат и купцов, здесь все же поселились — вместе со своим божеством Альмакахом, которому, вероятно, было воздвигнуто святилище. Но местоположение храма установить не удается.

Спорадическое использование сабейского языка, несомненно, служит проявлением влияния Сабы как в культурном, так и в политическом плане, причем последний включает в себя осторожный курс сабейского мукарриба Кариб'иля Ватара, направленный на подчинение Хадрамаута его «отеческой» опеке. Город Барира, южнее Шабвы, оказывается в схожем положении: не будучи сабейской, Барира испытывает на себе воздействие людей из Сабы. Своеобразие древней культуры самого Хадрамаута при этом как бы затушевывается, покрывается вуалью, отступает вглубь, но тем не менее продолжает существовать, как бы выглядывая из-за нового культурного ансамбля. Со временем связи между южноаравийскими государствами все более крепнут. Минейцы поселяются в Шабве, принеся с собой культ 'Астара зу-Кабда; живут здесь и какие-то выходцы из Катабана. То, что люди разных этносов вместе со своими богами умещаются в рамках одной общины, характерно не только для Шабвы, но и для других метрополий, которые, так сказать, «обмениваются» между собой своими колониями.

### *Одна «Аравия Счастливая» или же их несколько?*

Южная Аравия — это географический ансамбль настолько обширный, что как-то даже трудно представить его себе как нечто единое. Контрастность формирующих ее районов просто бьет в глаза: прибрежная равнина Тихамы, западные горы, внутренняя пустыня и плато Хадрамаута. Таковы типы рельефов и климатов, которые предопределяют собой как типы культурной жизни, так и модели социальной организации.

Прибрежные районы повернуты к морю: Хадрамаут — к Махре, к Оману и к берегам Индии, Тихама — к берегам восточной Африки. Пустыня Саб'атайн, обширная впадина, связывает своими караванными тропами Хадрамаут с Ма'ином и широко разворачивается к Арабо-Персидскому заливу, к Ассирии и к восточному Средиземноморью: преодоление ее никогда не составляло особо трудной проблемы. Между этими крайностями западный Йемен, один, представля-

ется менее всего достижимым. Все заставляет предположить, что именно там всегда преобладали центробежные силы. У каймы внутренней пустыни возникают главные государства, а потом разворачиваются их метрополии. Однако каждое из них сосредоточивается в одном или в нескольких вади, отделенных от прочих безводными зонами. Здесь политическое раздробление — правило: города-государства Джауфа делят между собой ничтожную по размерам территорию. Несмотря на известную языковую общность, каждая из этих политических единиц вырабатывает свой особый культурный стиль. Так, святилища в Хадрамауте вовсе не походят на те, что в VIII веке до н.э. возводятся в городах Джауфа. Для последних характерен нанесенный резцом на камень орнамент с изображением людей, зверей и растений. Он очень красив; однако нигде, ни в какой иной местности Южной Аравии не стал образцом для подражания, так никогда и не переступив узкие пределы этих городов-государств.

И все же вся это внешняя пестрота стилей не может скрыть глубинного, стоящего за всем этим разнообразием единства. Перенесем же наш взор на исторический фон: со времен неолита до эпохи бронзы и от последней до южноаравийской эпохи непрерывность и преемственность постоянно преодолевают противоположные им тенденции. Что ни говорите, а разрозненные и, по большей части, изолированные друг от друга южноаравийские социумы, каждый в своем вади, переходят к разворачиванию ирригационных сетей в одну и ту же эпоху — в III тысячелетии до Р. Х., то есть почти одновременно. Такая одновременность подразумевает именно непрерывность в развитии техники и способов ее применения, а также, вероятно, и в развитии типов культуры (культуры финиковой пальмы, к примеру).

В ряде районов (укажем ради определенности на восточный Джауф) городища эпохи бронзы соседствуют чуть ли не вплотную с городищами более поздней южноаравийской эпохи. В других вади (Ирма, Джуба) постоянство заселения той или иной точки ме-

стности иногда прерывается, что, однако, нисколько не меняет факта постоянной заселенности вадии в целом. Эти поселения развертывают в районном масштабе товарообмен — в том числе и с племенами, обитающими на «высоких землях». Если же говорить о связях, выходящих за рамки данного района (данной местности, данного вадии), даже за рамки всего южноаравийского региона, следует упомянуть в первую очередь контакты со странами Леванта, которые, по некоторым признакам, установились еще в «бронзовый век».

Общий вывод: это в контексте долгой региональной эволюции выковывается единство южноаравийской цивилизации.

В начале I тысячелетия до Р. Х. в каждом из южноаравийских государств был свой южноаравийский язык, отличный от прочих южноаравийских. Так, сабейский был общепринятым в Ма'рибском оазисе, мадхабейский — в Ма'ине и т.д. И все же разноплеменные южные аравитяне как-то, более или менее, разумели друг друга. Сабейский язык, нога в ногу с сабейской экспансией, в течение двух веков (VII—VI) довольно широко распространился в регионе за пределами собственно Сабы, но все же для большинства населения остался иностранным — правда, весьма престижным. В масштабе региона он является языком большинства культов, языком права и языком исторических текстов в монументальных надписях. Вероятно, он стал и разговорным языком в среде городского патрициата. Местные языки такой агрессии, естественно, противятся, а после распада Сабейской империи восстанавливают утраченные было ими позиции. В могилах и на стелах над ними надписи, как правило, делаются на местных диалектах: между своими принято говорить на своем языке.

Помимо своего языка, Саба навязывает всему региону модели своей культуры, свои учреждения и свою религию. В совокупности все это постепенно и медленно образует каркас единства страны по меньшей мере на протяжении трех веков (VII—V века до н.э.). Производительная деятельность во всех южноаравийских государствах оказывается очень схожей



потому, что, не говоря уже об идентичности способов производства, она предопределяется примерно одной и той же техникой. Под техникой мы понимаем извлечение из карьеров каменных (известняковых, алебастровых и пр.) глыб, их обтесывание, применение различных материалов (камня, дерева, металла), но также — и общий замысел сооружений как светских, так и культовых. Добавим сюда высококачественную керамику, сосуды из стеатита, орудия из обсидиана, печати и т.д. Что касается культуры, ее многих аспектов, то богатейшие данные для суждений о них доставляет практика погребений и отражаемые в ней представления о загробном мире, то есть область, известная своим консерватизмом. При всем разнообразии обрядов одни и те же, в общем-то, идеи — прежде всего «последнего и вечного жилища» — воплощаются в надгробных монументах. Могила, в которой ее обитатель спит вечным сном без сновидений, предполагает лишь отдачу ему должных почестей.

Наконец, все городские поселения связаны между собой общей деятельностью — торговлей благовоениями. Совсем не следует смотреть на города, рассыпанные по побережью песчаного моря пустыни Саб'атайн, как на замкнутые в самих себе и изолированные от прочих единицы. Напротив, правильный взгляд на них должен охватить собой весь регион как нечто целое, соединенное узами коммерческих интересов. Когда же именно весь южноаравийский регион стал чем-то целостным? В фокусе споров по этой проблеме — два других вопроса: когда был приручен верблюд, и когда его стали не только употреблять в пищу, но и использовать в качестве транспортного средства? Всякая «большая торговля» протекает в общем-то в сходных формах; большая торговля благовоениями, которую южноаравийские царства принялись вести с Севером, также очень скоро выработала общие для всех ее участников стандарты поведения, общую коммерческую практику и, что достаточно важно, приемлемую для всех документацию — расписки, письменные заказы и прочие финансовые обязательства.

---

## АРАВИЙСКИЕ АРОМАТЫ

Если продвигаться на юг, то самой последней из всех обитаемых земель окажется Аравия. Это единственная страна, которая производит ладан, мирру, корицу, киннамом (или киннамон?), ладанон... От всей Аравии исходит неизъяснимо нежный, дивно пленяющий аромат<sup>1</sup>.

Так в V веке до н.э. знаменитый Геродот Галикарнасский описывал страну, расположенную на самом краю его плоского мира. Вообще, существовала ли в действительности эта страна без четко очерченных границ? Свое описание ее великий географ мог составить лишь из разрозненных сведений, собранных им то здесь, то там на обширной территории между Нилом и Евфратом и расцвеченных к тому же самыми поэтическими легендами. Из этого плотного географического тумана видны или, вернее, воспринимаются органом обоняния лишь ароматы, да слышны лишь сопровождающие их мифы. Примером последних может служить следующий пассаж, повествующий о том, как арабы снимают урожай со своих благовонных растений:

Ладан они собирают, воскуривая сиракс, растительный клей, ввозимый греками из Финикии. Это необходимо, так как дающие ладан деревья охраняются летучими змея-

ми. Змеи эти невелики, имеют разноцветную окраску и летают вокруг деревьев и промеж ветвей без устали. Ничто не в состоянии отогнать их, кроме дыма сиракса (...). Чтобы собрать корицу, арабы надевают на себя бычью шкуру, которая покрывает все тело, закрывает лицо и в которой проделаны отверстия лишь для рук да для глаз. В таком-то облачении они и отправляются на поиски коричневого растения, которое произрастает в не очень глубоких озерах. Местность кишмя кишит этими крылатыми животными, сходными с нашими летучими мышами. Все это летающее, порхающее и выющееся зверье оглашает озера ужасающими криками. Против него при сборе корицы нужно всегда быть настороже, оберегая, паче всего прочего, глаза.

Сбор киннамома еще более удивителен. Из каких краев он привозится сюда? Никто ничего толком не знает. Люди Востока полагают, что он произрастает в той стране, где воспитывался Дионис; впрочем, имя его — финикийское.

Кору киннамома, как утверждают некоторые, приносят большие хищные птицы на вершины неприступных скал, где и сооружают свои гнезда — из смеси этой коры с глиной. Чтобы до этой бесценной коры все-таки как-то добраться, арабы прибегают вот к какой уловке. Они разрубают туши быков, ослов и других животных на очень крупные куски, привозят эти куски мяса к месту гнездования и разбрасывают их у подножия скал, после чего прячутся поблизости. Птицы, завидев мясо, набрасываются на него и уносят его в свои гнезда. Так как куски слишком тяжелы, гнезда рушатся вниз. Арабы тогда выскакивают из засады и собирают эту киннамомовую кору. Потом киннамом развозится по разным странам<sup>2</sup>.

Теофраст (372—287 до Р. Х.), в отличие от своего знаменитого предшественника, уже хорошо знает основные аравийские племена и источник их богатства.

Ладан, мирра и киннамом произрастают на Аравийском полуострове в областях: Сабба, Хадрамут (Хадрамаут), Китбаин (Катан) и Мамали (Ма'ин). Дающие ладан и мирру деревья растут либо в горах, либо в частных владениях. Некоторые из них — дички, в то время как другие — уже окультуренные растения. Горы здесь высоки, покрыты лесами, а на своих вершинах иногда — и снегом. С их вершин берут свое начало реки, которые низвергаются бурными потоками по крутым склонам на равнину.

Сабейцы — господа гор, потому-то они и распределили их, горы, между собою ради удобства пользования. Сабейцы честны между собой и не испытывают нужды выставлять охрану в защиту своей собственности. Пользуясь безлюдьем, путешественники имели полную возможность набрать в этих лесах ладана и мирры столько, сколько было по силам их вьючным животным. Они затем перетаскивали бесценную поклажу на свои суда и поднимали паруса. Они рассказывали также, что мирра и ладан со всей страны свозятся в святилище Солнца (сабейцы почитают Солнце более других племен). Вот там эти запасы охраняются несколькими вооруженными людьми<sup>3</sup>.

Пожалуй, самое поэтичное описание этих экзотических растений дано (около 120—110 годов до н.э.) в одном из сочинений знаменитого грамматиста Агатархида.

Внутренние области тех земель покрыты густыми и высокими лесами. Растут там гордые деревья-гиганты — мирра и ладан. Есть между ними и киннамом, и пальма

благоухающая. Благоухают, впрочем, не только они, но и множество других растений, даже тростник. Лес напоен таким ароматом, что словами невозможно передать даже и малую часть того блаженства, которое испытывает всякий, кто вдыхает его. С ним ни в какое сравнение не идет тот, что исходит от духами. Благовония, оторванные от своих природных носителей, запечатанные в склянку и состарившиеся в ней, никак не могут соперничать с тем естественным благоуханием, которым одаряют мир эти дивные растения на корню в пору своего цветения и зрелости<sup>4</sup>.

### *Мирра*

Ее название происходит из семитских языков, в которых «мурр» означает «горький». В греческом, коричневатого-красноватая *мирра* отличается от *стакте*, ароматического масла, выделенного из нее. В Евангелиях Короли-маги (волхвы) приносят свои подарки в виде золота, ладана и мирры (От Матфея, 2, 1—11). В латинском родовой термин *Sammirhoga* сопровождается различными эпитетами: *myrrha*, *erythrea*, *simplicifolia* и т.д., в соответствии с видом. Мирра, как и ладан, принадлежит семейству *Burseraceae* (бальзамов), для которого характерно наличие смолы под корой. Плиний различает очень большое число видов мирры, классифицируя их в зависимости от места произрастания — в Ма'ине, Катабане или в Хадрамауте. При этом он уточняет:

В общем, хорошая мирра имеет форму неравных по размеру шариков, которые образовались в результате выделения беловатого сока и которые легко плавятся; на разломе она являет покрытую зубчиками поверхность; на вкус она слегка горчит. Еще одно свойство: внутри она пестрая. Хуже, если она внутри черная. Еще хуже, если она черна и снаружи<sup>5</sup>.

По описаниям греческих географов, «мировое» дерево невысоко — примерно 5 футов в высоту и имеет много ветвей. Своими листьями оно напоминает персиковое дерево, но у него они меньше и толще — как у руты<sup>6</sup>. Шкурка у него такая же нежная, как у ягоды. Говорят, мировое дерево малоросло и походит на кустарник, но, в отличие от кустов, у него довольно солидный ствол, узловатый в корневище и толщиной с мужскую ногу<sup>7</sup>. Именно так оно и предстает ныне перед глазами путешественников где-нибудь у подножия дюн к северу от Ма'риба или в районе Марха: крепкое деревце, высотой от двух до трех метров, с узловатым и покрытым шипами стволом, с бугорчатой корой. В пору цветения дерево покрывается мелкими розовыми цветами.

В III веке до Р. Х. Эратостен, библиотекарь Птолемея III в Александрии, делает безобидное замечание, которое будет затем повторено Страбоном: «Каттабания (Катабан) производит ладан, а Хатрамотитис (Хадрамаут) — мирру; ветви обоих, равно как и других ароматических растений, становятся предметом менового торга с купцами»<sup>8</sup>. Такое сообщение хорошо соответствует географии растений. В основном мирра растет к северу от линии Шабва-Ма'риб, то есть в долинах Байхан и Марха, в Дасине и в Йафа': в районах, которые находились под господством катабанитов в III—II веках до н.э. Однако ботаники открыли ее и в 'Асире, и в Джауфе, и на высокогорье, и в Тихаме. Вместе с тем многие виды и подвиды ладанового дерева многочисленны в Хадрамауте, где они растут рядом с мировым деревом.

Древние использовали мирру самыми различными способами. Во времена Моисея Господь предписал изготовление святого масла для помазания первосвященника: оно состояло из жидкой мирры (*мор*), благовонного киннамома, экстракта из ароматического тростника... и из оливкового масла<sup>9</sup>. Гораздо позднее греки применяли коричнево-красную мирру, которая растворяется в вине и в масле, при приготовлении аперитива, горького напитка, возбуждающего аппетит. Они использовали ее в форме

обкуривания в парфюмерии и как составляющую в разного рода бальзамах в медицине. На Крите и в Пелопоннесе уроженцы Кипра слыли большими любителями и знатоками духов. Они, киприоты, не забывали напоминать прочим грекам, что Афродита (она же *Киприда*), богиня Любви, выйдя из пены морской на берег их родного острова, изумительно приятно пахла.

Но Мирра (живое воплощение мирры) воспылала преступной страстью к своему собственному отцу, царю Кипра Кинирасу и, выдав себя за другую женщину, разделила с ним ложе. Когда же ужасная правда открылась царю, он погнался за своей дочерью, чтобы умертвить ее. Убегая от него, она обратилась к богам с просьбой избавить ее от неминуемой смерти. Боги сжалились над нею — и превратили ее в мировое дерево. Слезы же, которые она лила, обернулись капельками благоуханной смолы, выступающими то здесь, то там на древесном стволе. Зачав от отца, она никак не могла под своею корой разрешиться от бремени. И снова воззвала к богам. Они смилостивились еще раз, и из ствола вышел Адонис, сын мирового дерева и, в будущем, любовник самой Афродиты<sup>10</sup>.

### *Ладан*

Это легендарное дерево прославило «Аравию Счастливую». Не было греческого географа (ни, позднее, латинского), который бы не упоминал ладан наряду с миррой. Именно сабейский термин *libnan* проникает во все языки Сирии, Месопотамии и Греции, а это служит верным свидетельством того, что ладан во все эти страны поступал из одного и того же места — с юга Аравийского полуострова. Не знавший этого термина Египет ввозил ладан, конечно, из других областей, с африканского побережья Сомали или из Судана. В ассирийском языке ладан обозначается как *lubbanîtum* или *labanâtu*; в греческом — *libanos*; в латинском — *libanus*, *libanum* или *olibanum*. Позднее в арабском — и, несомненно, из того же источника — появилось еще одно слово, обозначаю-

щее ту же реалию: *lubân*. В Ассирии ладан упоминается со второй половины VIII века до н.э., в Палестине — с конца VII века; однако логично предположить, что он там вошел в употребление несколько ранее указанных дат<sup>11</sup>. В VII веке небольшие алтари кубической формы для воскуривания ладана вдруг появляются в частных домах в Палестине; и именно в VII веке эти воскуривания решительно заменяют собою принесение в жертву тучных животных<sup>12</sup>. И именно в VII веке поэтесса Сапфо (Сафо) вводит в греческий язык обозначения ладана, мирры, шафрана и восточной корицы. Стало быть, литература, как и археология, подтверждает: южноаравийский ладан появляется на Ближнем Востоке не позднее VII века до н.э.

Ладан — это смола, собираемая с различных видов дерева, обозначаемого ботаниками как *Boswellia*. Подобно *Commiphora*, этот родовой термин охватывает около двух десятков мало отличающихся друг от друга видов, присутствие которых удостоверено в Сомали, Эритрее и Южной Аравии. Только на острове Сокотра обнаружено шесть его различных видов, а на юге Йемена — еще дюжина. Наиболее характерный для всего рода и наиболее распространенный вид *Boswellia sacra* стал предметом многочисленных исследований. Теодор Моно описывает его как дерево высотой с трех до семи метров, разветвленное с самого основания (корней) на несколько стволов, которые, по мере роста, все более отодвигаются один от другого; наличие одного-единственного ствола следует принимать как исключение. Крона его раскидиста, как и у многих африканских акаций; ствол насчитывает четыре-пять слоев, но только один из них выделяет внутри дерева сок темно-красного цвета; каналы, по которым перегоняется смола, находятся в глубинном слое коры<sup>13</sup>.

Районы, в которых произрастают ладановые, в основном сосредоточены на юге и на западе Аравийского полуострова. Их восточная граница проходит приблизительно по 47° широты, что примерно соответствует понижению горных плато Хадрамаута<sup>14</sup>. Некоторые популяции *Boswellia* на юге обнаружены около



Амалькима и Хаббана, а также в долинах, спускающихся с этих высоких плато к Индийскому океану. Внутренние районы Мукаллы, Шихра и Сайхута на высоте в 1000 метров усеяны рошицами ладановых. Еще далее на восток, Зуфар, по словам всех путешественников, насчитывает наибольшее число ладановых. Естественные условия там для них благоприятны: горный барьер, местами достигающий высоты в 1500 метров, принимает на себя муссонные ливни, хлещущие с июня по сентябрь; небо, стало быть, покрыто тучами довольно плотно в течение всего муссонного сезона. Теодор Бент писал в 1895 году: «Этот особый район Аравии, обеспечивавший некогда ладаном чуть не весь древний мир, невелик по размерам (...), вряд ли он больше острова Уайт (...). Долина на протяжении многих километров являет собой сплошной лес, состоящий из этих малорослых деревьев»<sup>15</sup>.

Сбор ладана с древности до наших дней следует одним и тем же методам. Плиний в I веке описывает следующую практику:

В прошлом, когда продажи продукта были относительно невелики, его сбор производился один раз в год. Ныне приманка вручную заставляет собирать его дважды. Первый и, так сказать, «естественный» сбор по времени совпадает с самой сильной летней жарой, со временем созвездия Пса. Надрез делается там, где под набухшей корой угадывается скопление сока. Из надреза течет маслянистая пена, которая затем свертывается и загустевает. Кора при этом не снимается, а лишь слегка отодвигается от места надреза. Пена стекает либо на подстилки из пальмовых листьев, либо прямо на утоптанную вокруг деревца почву. Ладан, собранный вторым способом, более чист, но первый способ гарантирует более высокое качество. Приставшие к дереву остатки смолы затем соскабливаются особым железным орудием. Ладан, полученный последним способом, содержит в себе частицы коры<sup>16</sup>.

Теодор Моно, рассказывая о нынешнем способе сбора, указывает: нужно сделать надрез размером 10 сантиметров на 5 сантиметров, проникающий до соконесущего слоя, но — не до самой сердцевины ствола. Очень скоро из него начинают фонтанировать клейкие капельки матово-белого цвета, напоминающие мелкий жемчуг. Для этой цели ныне используется нож-скребок с двумя закругленными на конце лезвиями: нижнее — для того, чтобы делать надрез; верхнее — чтобы соскрести с коры застывшие слезы ладановой смолы.

### *Два сбора за год*

Плиний сообщает:

Лес разделен на участки, и порядочность их собственников предотвращает всякое правонарушение. Хотя сторожей нет, в сезон сбора ладана посредством надрезов никто не обворовывает своих соседей. Ладан от летнего сбора соединяется в относительно крупные партии осенью: это самый чистый продукт, блестящего белого цвета. Второй сбор делается весной, хотя надрезы произведены еще зимой. Выходящий из них сок красноватого цвета не идет ни в какое сравнение с первым. Ладан весеннего сбора называется *carfiathum*, а летнего — *dathiathum*. Считается, что ладан, взятый у молодых деревьев, более бел, зато сок старых отличается более стойким ароматом<sup>17</sup>.

Двадцатью веками позднее Теодор Бент делает подобное же замечание:

Бедуины для нарезок выбирают самый жаркий сезон, когда камедь изливается обильно. Во время июльских и августовских дождей и в холодный сезон они оставляют деревья в покое. Первым делом нужно надрезать ствол, затем — приподнять узкую полоску коры под отверстием, чтобы обра-

зовать из нее вместилище, куда молочного цвета сок стекает и где он застывает. Затем они надрез углубляют и через неделю возвращаются, чтобы снять слезы ладана величиной с яйцо (...). Сбор производится только в жаркий сезон, до начала дождей, когда камедь льется обильно, то есть с марта по май. Дожди же делают тропы в горах Кара совсем не проезжими и трудно проходимыми. Деревья принадлежат разным семействам племени Кара; каждое дерево помечено, так что его владелец известен. Продукт продается (племени) Баньян, которое приходит сюда как раз перед муссоном<sup>18</sup>.

Другие путешественники, побывавшие в Зуфаре, добавляют:

Сбор ладана в основном производится в летние месяцы. Затем он хранится в погребке до зимы, потом транспортируется к побережью: ранее этого делать нельзя, так как ни одно судно не рискнет выйти в открытое море во время бурь, вызываемых юго-западным муссоном. Эта отсрочка позволяет продукту высохнуть, хотя, вообще-то говоря, он обычно готов к транспортировке уже двадцать дней спустя после сбора<sup>19</sup>.

В этом двойном сборе угадываются наименования, данные Плинием: ладан, называемый *carfiathum*, — это тот, что собирается осенью (по-южноаравийски *хариф*), а ладан *dathiatum* весной (*даса*').

В древности, как можно предположить, обитатели Зуфара начинали наносить нарезки в апреле-мае, возвращались десять дней спустя, чтобы собрать вытекшую смолу; делали новые насечки, возвращались снова еще через десять дней, затем складировали блоки ладана где-нибудь в сухом месте. В июле-августе, в сезон муссонов, они прекращали всякую работу. В сентябре они отправляли тюки с ладаном по направлению к Шабве, которую они достигали через двадцать — тридцать дней. Начиная с I века н.э. некоторые грузы отправляются морским путем до порта

Кана' (ныне Би'р 'Али), а оттуда — караванами до Шабвы. В ноябре зуфариты возобновляли надрезы, но на этот раз требовалось больше времени для заполнения подставленных емкостей смолою. Во всяком случае, к февралю груз благовоний был уже готов к новому рейсу в Шабву, сушей или морем. Однажды запущенный производственно-сбытовой цикл повторялся каждый год без каких-либо изменений в течение более чем тысячелетия.

### *Прочие благовония*

Земли Южной Аравии полнятся благоуханием не только мирры и ладана, но и целого ряда других ароматических растений. После этих двух бесспорных лидеров следует ладанник, по-французски *le ladan*, по-латыни *ladanum*. Общее имя покрывает целое семейство родственных одно другому, но все же многообразных растений, так что экстракт из ладанника представляет собой клейкую смолу, взятую не от одного какого-то конкретного подвида, а от всей их совокупности. Ладанник или, вернее, ладанники укореняются между камнями, между скалами, даже в самих скалах<sup>20</sup>. Сбор с него сока на большой высоте связан, конечно, с большим риском.

Несмотря на высоту, до ладанника по крутизне добираются козы, эти злые губительницы любой лиственной поросли и особые любительницы свежих благоухающих веточек. Сначала они ощипывают набухшие, полные сладкой и ароматной жидкостью почки, а потом добираются и до веток, своей бородой старательно вытирая капающий из раненого растения сок. Сок падает и на землю, смешивается с пылью, затвердевает на солнце — вот откуда в готовом твердом экстракте козья шерсть.

Плиний добавляет, что занятые на таких же склонах сбором сока ладанума обычно набрасывают на деревце веревку, чтобы притянуть его к себе.

В готовом к употреблению виде ладанум невзрачен и пахнет чем-то странным, терпким, однако же, будучи зажжен, горит ярким пламенем, испуская

сильный и вместе с тем приятный запах<sup>21</sup>. Продукт этот редок и его приходится изыскивать. Применяется он в парфюмерии и в медицине.

Корица насчитывает, по меньшей мере, четыре вида, из коих аравийского происхождения только один, а именно — кассия, или ложная корица; корица же истинная — родом с Цейлона. *Cinnamome*, или киннам, производимый на побережье Индии, будет переправляться через Аравию транзитом, что и породит некое смущение в умах Геродота и Теофраста<sup>22</sup>. Аравитяне, называя кассию по-своему — *салихат*, используют ее листья и стручки как медикаментозные средства. Кассия, по различным легендам, растет по краям болот и охраняется отвратительными летучими мышами и, что хуже, крылатыми змеями:

Такими рассказными, комментирует эти сообщения Плиний, только вздуваются цены на эти товары, и все они лживы... На самом же деле, кассия — деревце, высотой, самое большее, в два локтя, а самое меньшее, в одну пядь, толщиной в четыре пальца. Оно начинает давать побеги, едва поднявшись над землей, а потому его поросль напоминает, при взгляде на нее сверху, карликовый лес. Оно не пахнет, пока зелено, его листва такая же, как у душицы. Оно любит сухую почву и вообще сушь. В сезон дождей оно дает меньше (сока) и даже начинает терять ветви... Сок наилучшего качества исходит из самых тонких ветвей, длиной в одну пядь, если считать с их конца. Качества несколько худшего — из следующей части ветки, но уже меньшей протяженности и т.д. Сок среднего качества можно добывать, делая надрез даже на корневище, на той части ствола, что ближе всего к корням. Качество сока здесь ниже, потому что ствол внизу почти лишен коры... Некоторые авторы различали два вида киннама: белый и черный. Некогда отдавали предпочтение белому, теперь хвалят черный и

предпочитают белому даже пестрый. Плохим считается деревце с мягкой и отвисшей корой<sup>23</sup>.

На острове Сокотра (или Сукутра, *Dioskoridès* по-гречески), расположенном в 300 милях от побережья Хадрамаута, произрастают многие виды алоэ. Самое известное из них, алоэ сокотрское, производит сок, заслуживший очень хорошую репутацию<sup>24</sup>. Более того, сок этот стал знаменитостью всего острова и прославил его. Разве Аристотель, воспитатель Александра Великого, не советовал своему питомцу захватить Сокотру и поселить там греческих колоннов с тем, чтобы они отправляли алоэ в Грецию и Сирию? Плиний также подчеркивает его исключительное качество. Собирают мясистые листья алоэ, когда они переполнены соком, сразу же после сезона дождей, примерно в сентябре. Листья складываются в подземном помещении, обложенном камнями или козьими шкурами, и держат их там до выпотевания. Затем сок из них выпускают в бурдюки, выставленные на ветер для того, чтобы сок в них затвердел. Застывание происходит через шесть недель, к этому времени экстракт представляет собой очень темную коричнево-зеленую массу. Она используется в традиционной медицине для облегчения пищеварения и для заживления ожогов и ран.

Сокотра производит и кинабр, красную смолу, которая за свой цвет называется то «кровью дракона», то «драконовой кровью», то, наконец, «кровью двух братьев»<sup>25</sup>. По рассказу Плиния, смола эта вытекла из дракона, когда тот был повержен на землю слоном и затоптан им. Дерево *Dracaena cinabri*, опознанное только в XIX веке, составляет исключительную принадлежность острова. Из его ствола без всяких надрезов, сами собой сочатся капли этой смолы пурпурно-яркого цвета. Их собирают в емкости, подобные маленьким бурдюкам; а засохшие куски смолы отделяются от ствола посредством ножа. Первосортная смола течет почти с самого верха дерева или, точнее, там, где от ствола отходят самые высокие ветви. Смола низших сортов истекает из самого ствола и состо-

ит из маленьких кусочков. Драконова кровь используется в медицине для остановки кровотечений и при лечении болезней глаз. Ею же окрашивают в красный цвет дерево ценных пород, предназначенное для изготовления мебели.

Но и обитатели Аравии, в свою очередь, ввозят парфюмерию. Упомянем сначала *costus*, корень, собираемый в дельте Инда и обладающий свойствами стимулятора и возбuditеля. За ним следует стиракс, ароматичная смола, которую аравитяне, не скупясь на расходы, ввозят с Кипра и из Анатолии. Настоящий стиракс помогает при катарах, насморке, потере голоса, шуме в ушах, желудочных болях и т.д. Такие способы его употребления более правдоподобны, нежели окуривания при сборе ладана, имевшие целью отогнать крылатых змей и прочую нечисть<sup>26</sup>.

### *Неизвестные величины*

Невозможно, хотя бы только приблизительно, определить объем южноаравийского производства благовоний в античную эпоху — прежде всего из-за полного отсутствия сведений по вопросу в южноаравийских текстах. Допустимо прибегнуть к помощи греческих и латинских авторов, но и они очень мало информированы. Калькуляция на базе встречающихся у Плиния данных все же позволяет оценить ежегодный импорт в Римскую империю: ладана — в 1700 тонн, мирры — в 450—600 тонн<sup>27</sup>. К этим цифрам следует относиться, однако, с очень большой осторожностью. Впрочем, следующий факт достаточно достоверен: римляне потребляют очень большие количества ароматических продуктов, тем более что запасы последних могут пополняться до бесконечности. Сначала Ливия, дочь Августа, каждый год жертвует храму на Палатинском холме сочащийся каплями смолы корень миррового дерева, возложенный на патерну. Затем Веспасиан освящает на Капитолийском холме и в храме Мира золотые диадемы с инкрустированным киннамом. Наконец, Плиний

утверждает, что при погребении Поппеи Нерон воскурил столько ладана, сколько не производится и за год.

А теперь попытайтесь подсчитать число похорон по всей земле только за год, а вместе с ним — и груды благовоний, потребленных на то, чтобы ими почтить трупы. Тех самых благовоний, от которых богам достаются лишь крохи. Впрочем, боги к людям благоволили не меньше и тогда, когда те, вознося свои мольбы, сопровождали их всего лишь подношениями из подсоленной муки. Более того, именно тогда и были они к людям наиболее милостивыми<sup>28</sup>.

Можно обратиться и к современной статистике, чтобы получить соотношение ладан-мирра: в 1875 году через Аден транзитом было провезено 300 тонн ладана и 70 тонн мирры. В 1977 году производство ладана в Хадрамауте за шесть месяцев все еще оценивалось в 4200 килограммов. Однако все сведения относительно ладана, опубликованные или только собранные, остаются неполными, даже противоречивыми.

### *Полуденные пути ладана*

Для того чтобы мысленно воспроизвести маршруты, которые связали районы производства ладана с районами его потребления в восточном Средиземноморье, требуется подчас немалая сила воображения. Караванные тропы, разумеется, предопределяются в известной степени и характером ландшафта (ущелья, перевалы и пр.), и прочими условиями (возможность пополнить запасы воды и фуража), но беда в том, что караваны не оставляют за собой следов: и верблюжьи следы, и следы стоянок немедленно заносятся песком.

От Зуфара до Шабвы (около 700 километров) эти маршруты наиболее гадательны, так как на этом участке археологические раскопки только начинаются. Караванщики имеют здесь выбор: либо внутренняя дорога к северу от Хадрамаута, либо южная — через



Махру. Оттуда они выходят на вади Масилах (с невысыхающей рекой), поднимаются вверх по вади Хадрамаут до вади Зухур, по которому они и идут, добираясь до Шабвы через ряд укрепленных камнями переходов. Ученые предполагают, что с начала нашей эры ладан из Зуфара частично переправлялся и морским путем до порта Кана'. Тюки, выгруженные там на берег, затем вьючными животными поднимались либо на север по вади Бина и Хаджар, либо на запад по вади Майфа' и 'Амаким — с тем чтобы достичь Шабвы по вади 'Ирма. Два маршрута могли быть задействованы либо параллельно, либо последовательно, в зависимости от причин, которые нам остаются пока неизвестными. Во всех случаях Шабва выступает как точка схождения всех караванных троп и как, без всякого сомнения, один из основных центров заключения торговых сделок.

Шабва действительно представляет собой как бы «караван-сарай высшего класса». Ее оазис служит и пастбищем, и базой для фуража. Вади 'Ирма (регулярно?) питает ее колодцы водой. И, наконец, важна безопасность: Шабву со всех сторон обступают холмы, увенчанные крепостными сооружениями<sup>29</sup>. Однако археологические раскопки, ведшиеся не один год, так и не представили на белый свет ни помещений, которые, наверное, могли бы служить складированию ладана, ни какого-либо рынка, где могли бы совершаться торговые сделки. Поскольку ни одна из надписей, обнаруженных на территории города, не говорит ничего о торговле именно ладаном, приходится снова обращаться к Плинию, к его уточнениям (правда, довольно запоздалым, поскольку написаны они уже в I веке н. э.):

Собранный ладан на верблюжьей спине переправляется в Саботу (Шабву), где для него открыты только одни ворота. Идти другим путем равносильно преступлению, за которые цари карают смертью. Там жрецы в пользу бога по имени Сабис (Сийан) взимают десятину — не с веса, но с объема. До уплаты ее к торговле приступать нельзя.

Эта десятина служит покрытию общественных расходов, так как бог щедро кормит гостей в течение нескольких дней<sup>30</sup>.

Когда люди приносят (свой урожай благовоний в Шабву), каждый выкладывает кучу своего ладана и своей мирры, поручая заботу о ней надсмотрщикам. На своей груди ее собственник оставляет ярлык с указанием меры товара и его цены. Торговцы, ходя по рядам, читают написанное, выбирают кучу, которая им подходит, измеряют ее, забирают и кладут на ее место плату, запрошенную хозяином товара. До того как к делу приступили купцы, по рынку проходит священнослужитель и забирает именем бога треть из каждой выставленной на продажу кучи. Если товар остается невостребованным, он в полной сохранности возвращается его владельцу<sup>31</sup>.

Нарисованная Плинием картина рынка благовоний по своей живости наверняка выиграет сравнение с той, которая, может быть, раскроется перед нами в будущем в результате расшифровки какой-нибудь из южноаравийских надписей. Но насколько эта яркая и живая картина достоверна — это уж другой вопрос. Выйдя из Шабвы, караваны могут проследовать двумя маршрутами. Один ведет напрямик до Тамны. Другой, пересекая пустыню Саб'атайн в северо-западном направлении, завершается в Джауфе или еще севернее его, в 'Асире.

В первом случае караваны покидают Шабву с ее западной стороны, проходят вдоль подножия черного купола горы аль-'Укла. Далее идут вдоль фронта больших дюн, выстроившихся с запада, по узкой, шириной в 3—4 километра, полосе земли и выходят к нижнему течению вади Махра, а поднявшись в южном направлении, прибывают в Хаджар Йахирр, бывшую столицу Авсана, где и делают долгожданную остановку. Затем они продвигаются на запад, огибая черные отполированные скалы горы Джебель ан-Нисийин и следуя течению вади Думайс, по которому

они поднимаются до самой Тамны. Этот «пробег», длиной максимум в 150 километров, имеет преимущество проходить по населенным зонам, имеющим колодцы, — это вадии Марха, Джифа' и Джиба. Такой маршрут предполагает деятельную помощь катабанигов<sup>32</sup>, так как далее караваны должны проделать подъем в северном направлении, чтобы достичь Ма'риб, а за ним и Ма'ин, что составит примерно еще 200 километров — и еще одну неделю пути. Верблюды, пересекающие царство Ма'ин, должны идти, как сообщает Плиний, «по одной-единственной тропе». По тропе, без сомнения, хорошо проложенной и заботливо поддерживаемой в должном состоянии, но... Но поныне еще не найденной.

Во втором случае караван покидает Шабву в северном направлении, оставляет за собой скалистые пики Насра, пробирается по узкому коридору Шукайкат между дюнами до тех пор, пока не доберется до горных гребней аль-Арайна и Санийа, которые возвышаются над небольшими травянистыми (после дождя) равнинами. Холмы Рувайк и аль-Алам легко распознаются издали по их живописным контурам, в которых затейливой формы башенки чередуются с надгробиями. И в самом деле, это — кладбище, на котором покоятся караванчики, умершие в пути<sup>33</sup>. Через двадцать километров караван вступает в вадии Джауф, но ему потребуется преодолеть еще пятьдесят, чтобы достигнуть Ма'ина. От Шабвы до Ма'ина он суммарно проходит около 250 километров, а по времени — от восьми до десяти дней — дней, стоит отметить, очень тяжелых из-за нехватки воды. Более прям и короток маршрут от Рувайка до Наджрана, главного города провинции 'Асир. В Наджране караванчики уже выходят за пределы того южно-арабского мира, единству которого служат.

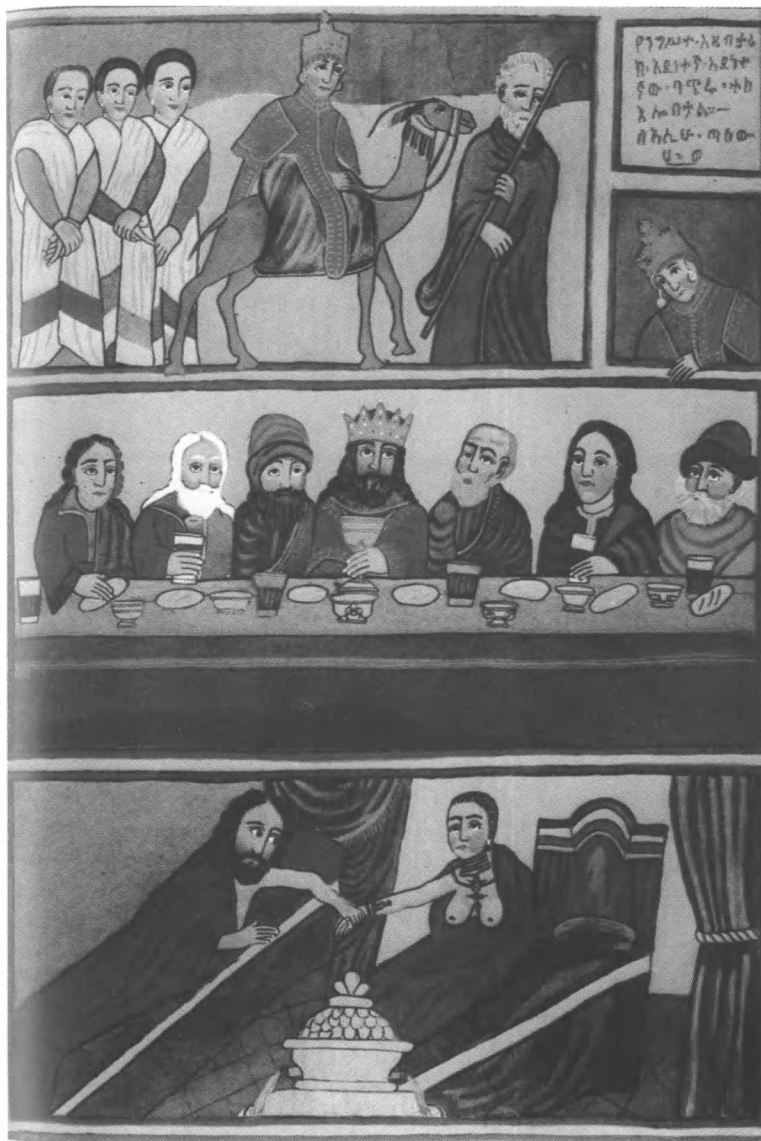
### *От Аравии до Средиземного моря*

Центральная Аравия и Аравия Северная, с их разнообразием пейзажей и природных условий, не знали бы и относительного единства, если бы не из-

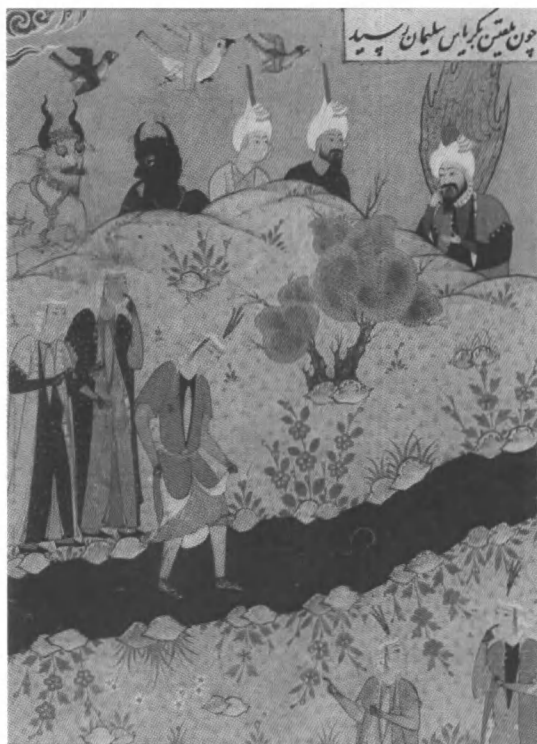
вестная общность пастушеской жизни да еще не та же самая связь — караванная. Прибыв в Наджран, караваны должны будут пройти еще около 2200 километров, чтобы добраться до Газы. 2 437 500 шагов между Тамной и Газой, портом в Иудее, или 65 привалов (так подсчитывал Плиний), или, по расчетам других авторов, от шестидесяти до восьмидесяти дней пути.

Путь ужасен. Даже для тех, кто идет по нему зимой, в относительно прохладный сезон. Источники воды редки, города удалены один от другого, ветры обжигают летом, а ночи холодны зимой, тропы, иногда ведущие и над пропастью, неверны и небезопасны от нападений. Всякий караван предполагает организацию, способную противостоять всем и всяческим невзгодам и опасностям, а также обеспечить сосредоточение в одних руках всех финансовых средств. «Жрецы и царские писцы также получают с товара строго определенную долю. Но, помимо них, проводники и воины того племени, по территории которого караван в данный момент проходит, и которые, по договору, должны обеспечить его безопасность, стражники при городских воротах и на мостах, власть имущие в городах — все принимают участие в грабеже. На протяжении всего пути нужно платить — здесь за воду, там за фураж, за право остановиться на отдых, на переправах; прежде чем верблюд достигает наших краев, на него налагается бремя такого рода расходов в 688 сестерциев, — комментирует ситуацию Плиний, основываясь на какой-то информации, которую мы не в состоянии проверить<sup>34</sup>.

Напомним основные этапы. Выйдя из Наджрана, караваны идут на север вдоль йеменских гор вплоть до плодородной равнины Сумбала-Табала (ныне Бишах), затем направляются к Йасрибу (ныне Медина), избегая при этом покрытых лавой пространств, весьма характерных для Срединной Аравии; делают привалы сначала в Дедане, столице лихьянитского царства (аль-'Ула), затем в Хиджре (Эгра эпохи набатейцев, ныне Мадаин Салах), где минейцы встречают своих соотечественников. Караванам здесь оста-



Царица Савская в Иерусалиме. Эфиопская живопись.



Мудрая царица  
Савская  
ошиблась...  
*Персидская  
миниатюра.*

Пребывание  
царицы Савской  
в гостях у царя  
Соломона.  
*С картины  
художника  
Пьетро Делла  
Франческа.*





Храм Аштар — божества, которому поклонялись в древнем Йемене.

Голова Орикса (горный баран) — излюбленный декоративный сабейский мотив.

Сабейская бронза.





Сабейская  
жертвенная  
скульптура.  
Между  
I и III вв. до н. э.



Алтарь для  
возжигания  
благовоний.  
Бронза. III в. до н. э.





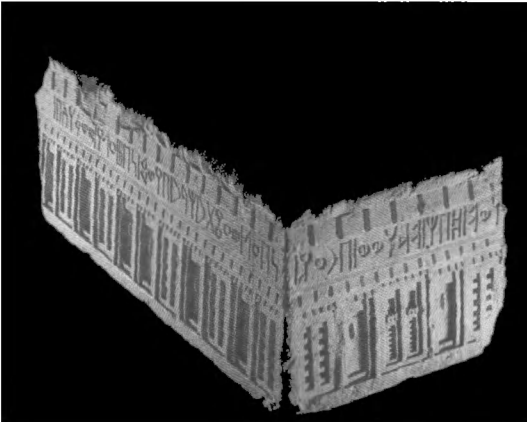
Общий вид  
крепостной стены  
Баракиша.



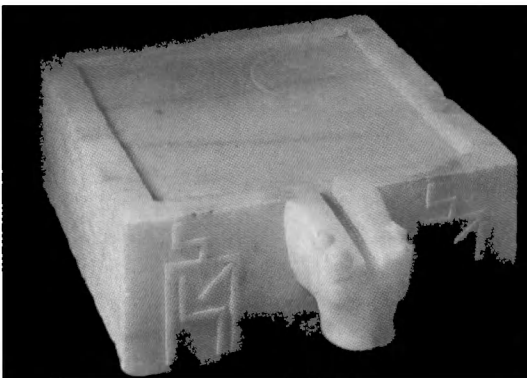
Пластина с именем  
Вадды, минейского  
лунного божества.



Каменная плита  
с изображением  
процессии.  
*Саба. V в. до н. э.*



Миниатюрный  
храм. Камень.  
*VIII в. до н. э.*



Жертвенный стол  
для возлияний.  
*VIII в. до н. э.*

Храм бога Луны,  
покровителя Сабы.  
Считается дворцом  
царицы Савской.



Древнейший путь  
караванов в Йемене.





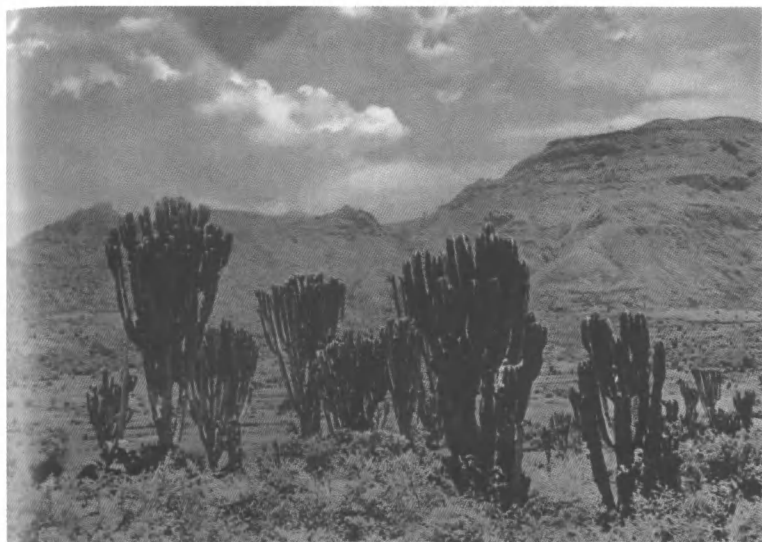
Южноаравийские надписи.

Ма'риб. Столица древней Сабы.  
*Часть храмового комплекса.*



Бронзовая статуя  
Ма'дикариба.  
*Ма'риб. Храм Аввала.  
VI в. до н. э.*

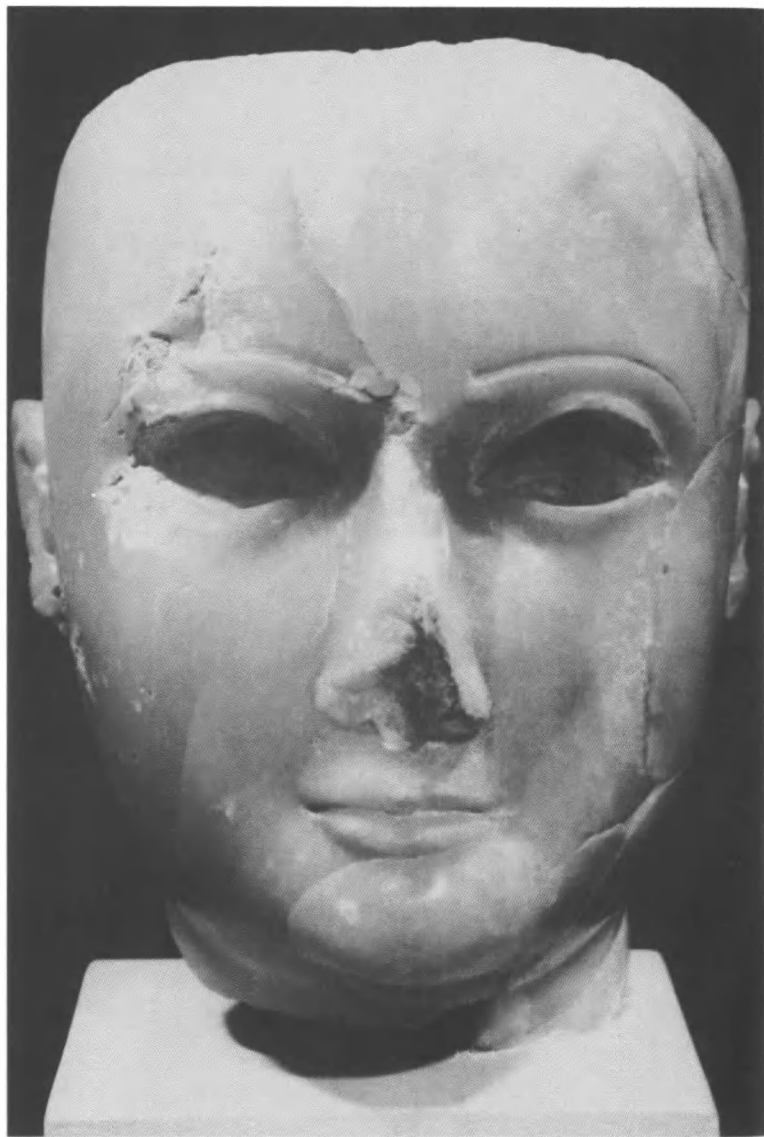




Этот пейзаж пришел из древней Сабы.

Мощная стена одного из храмов.





Мужская голова из Сабы. *Алебастр. II или I в. до н. э.*



Вид Сирваба. В центре большой храм Альмакаха.

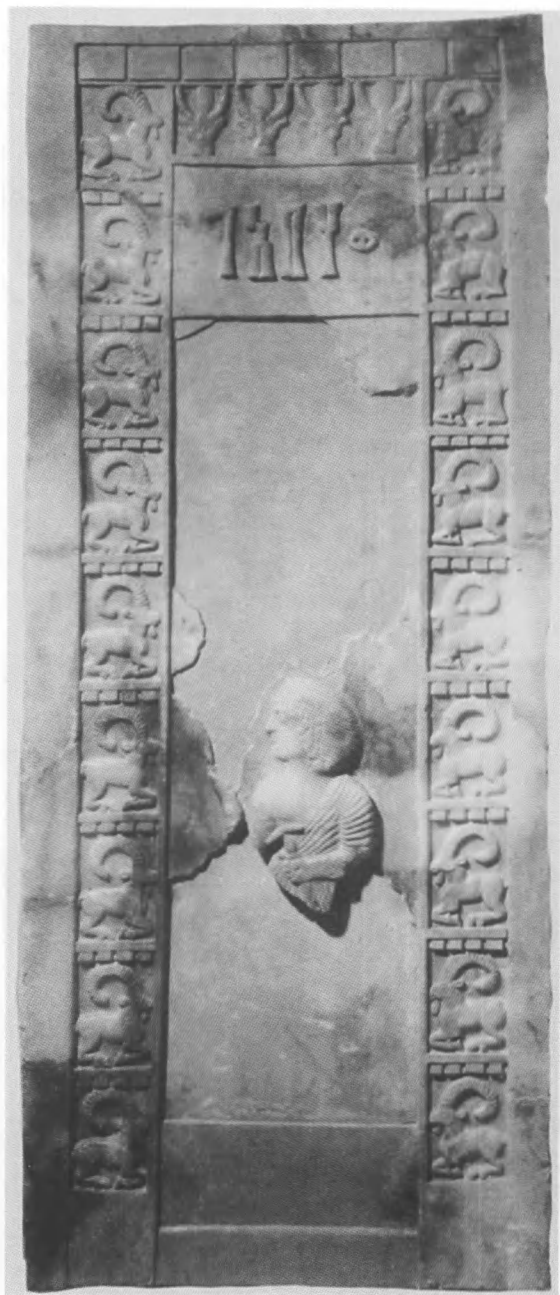
Вид ма'рибской деревни. На переднем плане — воды вади Заны.



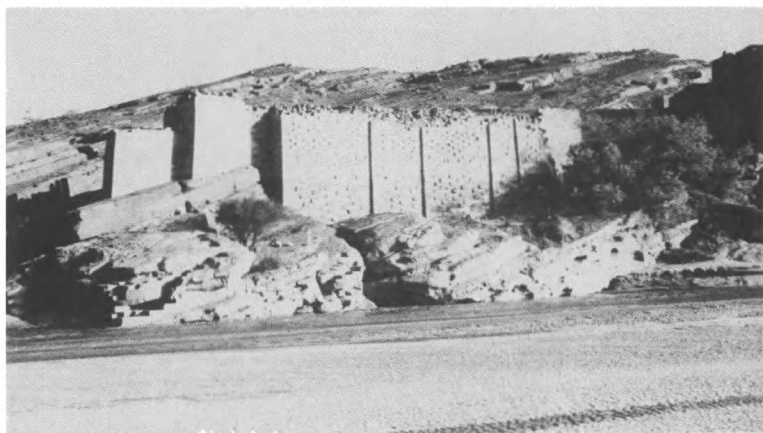


Бронзовые пластины с письменами — дарственными надписями в честь лунного бога.





Погребальная  
стела.



Ма'рибская плотина.

Две жертвенные статуи из Сабы. *II или I в. до н. э.*





Погребальный памятник. *Саба*. I в. до н. э.



Скульптурный портрет сабейской красавицы.

ется только дойти до оазисов Тайма, Табук и аль-Курайа, а оттуда рукой подать до Петры и Газы, конечных пунктов путешествия.

Другие караваны, покидая Наджран, отклоняются к востоку. Они проходят Карйа аль-Фав, пересекают район Рийада и достигают Катифа на берегу Арабо-Персидского залива или же выходят из Йасриба, имея конечной целью путешествия нижнюю Месопотамию или Вавилонию. Снятые с верблюжьих спин в Газе или в Александрии ароматы морским путем доставляются в Грецию и Рим.

### *Некоторые цены*

Длительность и условия транспортировки благовоний объясняют их продажные цены на рынках Запада. Однако численные данные редки, они практически отсутствуют, за исключением тех, что приводятся Плинием. Наиболее дорого́ *Cassia Daphnis*: 300 динариев за фунт; обычная кассия<sup>35</sup>: 50 динариев за фунт (или 520 граммов монетного серебра за килограмм). Однако ладан стоит всего от 6 до 3 динариев в зависимости от качества (или от 62 до 31 грамма монетного серебра за килограмм), ладанум — 4 динария (40 асов или 26 граммов монетного серебра за килограмм) и т. д. Достаточно любопытно следующее обстоятельство. Наивысший сорт мирры, стакте, стоит 50 динариев за фунт, а возделываемая мирра — только 11 динариев: низший сорт мирры продается, следовательно, по цене вдвое более высокой, чем ладан. Цены эти высоки, но все же по карману состоятельным людям: 120 динариев в год — жалованье представителя императорской власти в Сирии и Палестине. Солдат Цезаря получает около 72 динариев в год, то есть 6 килограммов ладана в год. Опять по Плинию, в I веке килограмм ладана равноценен 30 килограммам муки.

Плиний указывает, что поклажа одного верблюда облагается суммой в 688 динариев, складываемой из налогов и транзитных платежей. Если эту поклажу оценить в 150 килограммов, требуется по пути упла-

тить 1,5 динария за каждый перевозимый фунт<sup>36</sup>, то есть приблизительно одну четверть от продажной цены, что нельзя считать чрезмерным. Однако римляне постоянно жалуются на бессовестных посредников. Возмущен даже Плиний:

По самой низкой оценке, сто миллионов сестерциев Индия, Серес (Китай) и этот полуостров выкачивают из нашей Империи ежегодно! Вот во что обходятся нам наша роскошь и наши женщины! Какая же часть из этой баснословной суммы возвращается, хотел бы я знать, нашим богам, в том числе подземным?<sup>37</sup>

Сотня миллионов сестерциев представила бы собой в золотых монетах около 8 тонн, а в монетном серебре — 85 тонн. Если Плиний полагает, что торговля с Индией обходится Империи никак не менее 50 миллионов сестерциев в год, то на Аравию ложится примерно половина этой половины — 12 миллионов сестерциев. Расчеты и оценки Плиния убеждают не всех современных историков. В самом деле, за невозможностью уравновесить поставки, скажем, из Аравии своими товарами, Империя должна бы была покрывать дефицит своего торгового баланса золотом. По отношению к Индии так оно и было. Археологические изыскания в этой стране подтверждают и важность коммерческого обмена между Востоком и Западом, и наличие в ней большого количества римских монет. Но суть поднимаемой здесь проблемы в следующем: римские золотые монеты, найденные к настоящему времени в Южной Аравии, крайне редки. Красноречивый пример: в Шабве найден один ауреус (золотой) Адриана — всего лишь один!

### *Организация караванов*

Сведения о внутренней организации караванов не обнаружить ни в южноаравийских текстах, ни даже у латинских авторов. Правда, Страбон уподобляет караваны армиям, которые, как челнок в ткац-

ком станке, постоянно снуют между Аравией и Петрой. Но это — образное сравнение, не более того. Ему не хватает точности. Поскольку в упомянутых источниках информация отсутствует, нам не грех обратиться в поисках аналогий к арабским авторам, оставившим описания мекканских караванов в первые века Ислама.

Из-за отсутствия или нехватки лошадей и мулов в караване функцию вьючных животных выполняют исключительно верблюды. Как правило, караван насчитывает до тысячи верблюдов, сопровождаемых тремя сотнями купцов и конвойных. Однако караван в две с половиной тысячи верблюдов — вовсе не редкое исключение. К каравану, по мере его прохождения по различным территориям, будут приставать местные проводники, которые уточнят маршрут, привалы и переходы, которые точно знают расположение водных источников, те опасные места, где путники рискуют быть застигнутыми внезапным губительным паводком или где их могут поджидать банды головорезов. Проводники вновь отыщут тропки, смытые было внезапным наводнением или занесенные песком. И столь важные персоны сочтут умалением собственного достоинства скромное вознаграждение за их бесценный труд. Они частенько отличаются высокой впечатлительностью: издали различив приближение беды (на то они и проводники), они вовремя сбегают, предоставляя караван его горькой участи. Арабские хроники полны известиями и о том, как тот или иной проводник завел доверившийся ему караван прямо в разбойничье гнездо. Так что не раз военный эскорт приходился каравану как нельзя более кстати.

Караваны, эти длинные и торжественные процессии, нуждались, разумеется, в покровительстве тех племен, по территории которых они проходили. И общим правилом было то, что предоставление такого покровительства служило если не всегда главным, то всегда одним из источников дохода соответствующего кочевого племени. О равноправии двух договаривающихся сторон не приходилось и думать: ска-

жем, за использование местных пастбищ караванщикам приходилось платить, зато все утраченное ими совершенно безвозмездно становилось собственностью того племени, на землю которого упала поклажа. В эпоху Пророка плата проводникам, дорожная подать, плата за пользование колодцами, за выгоны для скота и т. д. — все это, взятое в совокупности, достигало четвертой части стоимости перевозимого товара или, как тогда было принято говорить, достигало «четверти пути»<sup>38</sup>. Как, впрочем, и в эпоху античности. Кроме того, бедуины были склонны продемонстрировать свое хитроумие по части изобретения новых поборов или выдвижения новых и неожиданных требований, предъявляемых ими караванщикам. Так что все переговоры с шейхами заинтересованных племен следовало завершать *до того*, как караван двинулся в путь. Предпочтительнее же всего было предварительное заключение с этими племенами союза. Все же нужно признать: как бы ни были ценны сведения о караванах, почерпнутые в средневековых арабских хрониках, они весьма удалены от интересующей нас сабейской эпохи.

При всех принимаемых предосторожностях караваны нередко подвергаются нападениям враждебных племен или волей-неволей вступают на опустошенные войной территории. Именно две эти невзгоды и приключились с минейскими купцами 'Аммисадаком и Са'дом, которые и поведали о них в длинном тексте, высеченном на крепостной стене Баракиша. Сначала им удастся выстоять в схватке с сабейцами из Ма'риба и с жителями Сирваха, предпринявшими нападение на минейский караван. Боги предупредили минейских купцов о грозящей опасности, и эта своевременная информация позволила двум компаниям во главе конвоя выйти из свалки победителями. Далее. Караван прибывает в Египет как раз накануне вторжения в страну «мидийцев». «Мидийцы» же, на самом деле, не кто иной, как персы, которые около 340 года до н. э. при Артаксерксе III ведут войну в Египте. И снова боги спасают караванщиков, которые возвращаются в родные края живыми и здоровыми.



Этот исключительный текст заслуживает частичного воспроизведения:

'Аммисадак (...) и Са'д (...), главы минейских караванщиков, отправились вместе со своими людьми в путешествие, имевшее целью торговлю в Египте, Ассиро-Вавилонии и в Заевфратье (нынешняя Сирия) (...). (Боги) 'Астар зу-Кабд, Вадд и Накрах спасли их жизни и их имущество, предупредив о злых умыслах жителей Сабы и Хавлина против жизни караванщиков, их имущества и их вьючного скота на тропе между Ма'ином и Рагматом (Наджраном) и предупредив их о войне, которая разгорелась между Севером и Югом. (Боги) 'Астар зу-Кабд, Вадд и Накрах спасли их жизни и имущество также в самом сердце Египта, когда началась война между мидийцами и Египтом<sup>39</sup>.

В благодарность богам два негоцианта возводят куртину крепостной стены Баракиша, на которой этот рассказ и начертан.

### *Морские пути*

В IV и III веках до н. э. не только сухопутный маршрут соединял Аравию с побережьем Средиземного моря и Персии. Начиная с III тысячелетия египтяне прокладывают и морской путь, направляя экспедиции к Пунту (то есть, по всей видимости, к берегам Судана или Эритреи) в поисках ароматических растений. Около 1500 года до н. э. царица Хатшепсут пытается акклиматизировать вывезенные из Пунта деревца в садах Фив. Храм-погребальница царицы украшен орнаментом, на котором изображена процессия из тридцати человек: каждый из ее участников торжественно несет перед собой ладановое дерево.

Дарий Великий поручил греку Скилаку практически изучить возможности мореплавания в Индию и по Индийскому океану. Скилак через Персидский залив вышел в Индийский океан, достиг устья Инда,

поднялся по реке вверх, вернулся к устью, пересек океан в обратном направлении, затем, взяв курс на запад, обогнул южное побережье Аравии, преодолел опасный пролив Баб аль-Мандаб, проник через него в Красное море и прошел до Камеренийских островов (ныне Камараны?)<sup>40</sup>. Параллельно велось исследование Красного моря и со стороны Средиземного. Предполагалось вновь открыть канал между Нилом и Красным морем, проложенный еще при фараонах. Эта двойная, предпринятая с двух противоположных сторон и почти одновременная попытка невольно наталкивает на мысль о том, что флот Ахеменидов намеревался взять Красное море в клещи с севера и с юга. Если это не так, то как объяснить стремление Силака незаметно обойти в его повествовании молчанием все то, что относится к его плаванью между Маскатом и Аденом? Тексты не позволяют поверить в настоятельную необходимость установления прямых торговых связей между Персией и Эфиопией. А коли так, единственной стратегической целью всего проекта, как на него ни посмотреть, остается Аравия. От этого проекта вскоре, правда, пришлось отказаться, и никто из преемников Дария так и не попытался претворить в жизнь его идею о морском пути между Суэцем и Персией.

Сто семьдесят лет спустя Александр Великий отправил флот Неарха вдоль побережья Персидского залива к устью Инда с поручением разведать путь и составить его карту. Вернувшись из Индии, Александр приступил к подготовке похода на Аравию<sup>41</sup>. Рассказ Арриана, нашего единственного серьезного информатора, не оставляет сомнений относительно мотивов экспедиции. Ее общая и конечная цель — установление власти Александра над всем регионом. В частности же, план предусматривал установление контроля над областями, производящими ладан, и над их торговлей: «Некоторые историки утверждают даже, что Александр намеревался, опираясь на сопровождающий армию флот, пройти большую часть Аравии, Эфиопии и Ливии»<sup>42</sup>. Фактически Неарх не поплыл далее мыса, отделяющего Оманский залив от

Аравийского моря: «...и этому отказу Неарха (так и не дерзнувшего пересечь невидимую границу залива) флот Александра обязан своим спасением, так как дальнейшее плавание вдоль аравийских пустынь неизбежно завершилось бы его гибелью (...)». В 324 году Неарх встретился с Александром в Сузах, где тогда находилась ставка царя. План был оставлен до лучших времен, которые так и не наступили, так как великий монарх умер в следующем году. Плиний ошибается, говоря о завоевании Александром Аравии как о свершившемся факте:

Однажды Александр, еще мальчиком, возжигал ладан на алтарях богов, переходя всякую меру. Леонид, его воспитатель, попросил своего питомца повременить с проявлениями царственной щедрости до той поры, пока страны, рождающие благовония, не будут им завоеваны. Александр, уже став господином Аравии, направил своему учителю целый корабль, груженный ладаном, дабы его ментор смог бы возблагодарить богов с такой же щедростью<sup>43</sup>.

Те торговцы, философы, ученые, ботаники в частности, что сопровождали Александра в его великом азиатском походе, принесли с собой в свое родное Средиземноморье семена множества видов растений, как «пищевых», так и «медицинских». Вместе с ними приходит и новая волна увлечений восточными благовониями, парфюмерией и косметикой. После похода Александра на Восток чувство обоняния у людей Запада становится куда более тонким и притязательным. В затронутых эллинизмом городах местная аристократия вводит в моду новые духи, новые ароматичные масла, новые благовонные мази. Царь Селевк отправляет в знаменитый храм Аполлона в Дидимейоне целую сокровищницу из золотых и серебряных изделий, сопровождая свой дар 360 килограммами ладана, 36 килограммами мирры, 1200 килограммами корицы. В монументальной надписи, восславившей щедрость царя (щедрость безусловно царскую), говорится также и о киннамоме, и об осо-

бом, индийском ладане (костосе<sup>44</sup>), однако количественная характеристика этих двух видов дарений почему-то обходится молчанием.

Капитаны судов, посланных Александром как в Персидский залив (на востоке), так и в Красное море (на западе), так никогда и не встретились: между ними осталось непройденное пространство в 1000 километров, а большая часть их путешествий остается неизвестной. Однако в эпоху диадохов и эпигонов плавания греческих судов, по крайней мере по Красному морю, становятся не такой уж редкостью. В частности, об этом свидетельствуют тексты времен династии Лагидов (300—30 годы до н. э.). Так, географ (он же филолог, историк и философ) Агатархид, поднявшийся на борт греческого судна где-то в Суэцком заливе, упоминает прохождение через пролив Бабаль-Мандаб и описывает один из сабейских портов на юго-восточном побережье Аравии.

Суда за море уходили в поисках благовоний и пряностей, драгоценных камней и черепаших панцирей. Торговля, производимая капитанами на дальних берегах, остается тем не менее монополией государя. Государство у мореходов скупает все, что они успели добыть, по фиксированным ценам. Оно же иногда входит в пай с купцами. Те из них, кто принимал участие в финансировании экспедиции, получали, по ее счастливом возвращении, соответствующую их вкладу долю прибыли. Сохранился, кстати, один из подобного рода договоров, заключенный между царем Египта Птолемеем VII Эвергетом (II век до н. э.)<sup>45</sup> и неким Эвдоксом. Повторявшиеся путешествия служили накоплению географических знаний, чем и подготавливали большие экспедиции — уже в Индийский океан.

А как раз по нему совершают свои опасные плаванья торговцы киннамомом и киннамом, этими продуктами Индии и Цейлона.

Троглодиты, рассказывает Плиний, скупают его (киннамом) у своих соседей, а затем перевозят его через огромные морские пространства прямо на плотках — без кор-

мил, без весел, без парусов и без каких бы то ни было средств спасения: человек и его дерзость заменяют все это. Путешествия они совершают, стоит это отметить особо, зимой, в пору солнцестояния, то есть тогда, когда Эвр (зимний муссон) дует особенно неистово. Ветер гонит плоты прямо из одного залива в другой, от одного берега к другому. Обогнув Аравийский мыс, плоты, здесь уже только слегка подталкиваемые дыханием южного ветра, входят в порт Оцелис (Оселис?), принадлежащий катабанитам. Ему они и отдают свое невольное предпочтение. Путешествие в одну сторону, распродажа своих товаров и закупка аравийских и, наконец, возвращение занимают в совокупности более пяти лет. Многие в пути гибнут. Зато уцелевшие привозят на родину мелкий стеклянный товар, бусы, бронзовые вазы, ткани, застежки, браслеты и ожерелья. Вся торговля, выходит, построена на стремлении добиться женской благосклонности и обеспечить супружескую верность жен мореплавателей<sup>46</sup>.

---

# ГОРОДА И ДЕРЕВНИ

## *Малонаселенная страна*

По убеждению античных авторов, климат «Аравии Счастливой» для человеческого существования настолько благоприятен, а ее водные ресурсы настолько обильны, что она не только может, но прямо-таки должна быть заселена очень плотно. Ими приводится настолько внушительный список аравийских племен, что перед глазами читателя самопроизвольно возникает густая сеть городов и деревень, причем численное преобладание городского населения над сельским представляется истиной, не требующей доказательств.

Действительность же куда более сложна и куда более нюансирована. На Йеменском плоскогорье, на Высоких Землях, процветающее земледелие и в самом деле возможно. Однако его зоны совпадают с не очень-то обширными котловинами, очерченными горными гребнями. На краю пустыни Саб'атайн природные условия другие: земледелие здесь может быть лишь поливным, а в силу этого оно жестко ограничено в пространственном отношении только теми районами, на которые, время от времени, изливается поток паводка. И «наверху», и «внизу» годная к возделыванию территория очень мала, а ее заселенность сравнима с долиной Нила. Возделанные оазисы — всего лишь островки в море песчаной и каме-

нистой пустыни, отделенные один от другого обширными пространствами. Пространства эти долгое время считались полностью безлюдными, ныне же признаются все же заселенными — правда, очень редко<sup>1</sup>. Даже на кромке пустыни, где достигается наивысшая плотность населения, города немногочисленны, причем располагаются они крайне неравномерно.

В этой приграничной области число городов, достойных этого названия, едва ли достигнет и трех десятков. В Джауфе, если считать с востока на запад, это: Иннаба, Ма'ин, Баракиш, Хирбат Хамдан, Камна ас-Савда и аль-Байда (Камна, Черная и Белая). Южнее, в вади Рагван, их всего два: аль-Асахиль и Хирбат Са'уд. В вади Зана, если его считать вместе с его притоками, их три: Ма'риб, Сирвах и Йала. Еще южнее, в вади Джуба, только один: Хаджар ар-Райхани. Два города — в вади Хариб: Хуну аз-Зурейр и Кухайла. Один — в Байхане: Тамна'. Четыре — в вади Марха: Талиб, ам-Барка, Ладжиййа и Йахирр. Города на «бордюре» плато Хадрамаута: Барира, Шабва, Накаб аль-Хаджар. В больших внутренних его долинах: Хурайза, Райбун, Суна и, наконец, Шибам и Тарим.

Все эти города — средние по размерам: от 6 до 10 га. Баракиш занимает площадь в 7,25 га, Ма'ин — 5, Камна — едва 10 га. Длина их крепостных стен, как правило, не превышает одного километра. Камна и аль-Байда выглядят как большие города с их стенами, соответственно, в 1350 и 1500 метров<sup>2</sup>. Три города являются, однако, исключением из общего правила. Это — столицы Катабана, Хадрамаута и Сабы. Первый, Тамна', обнесен стеной длиной в 1850 метров, что, впрочем, не так уж и много для метрополии некогда обширной империи. Шабва расположена в треугольнике из трех холмов, ограничивающих обширное срединное пространство. Город, в узком смысле, развернулся на южном склоне гребня аль-'Акаб и окружен стеной протяженностью в 1500 метров. Сверх того, возвышающиеся над ним холмы увенчаны цепью легких фортификационных сооружений длиной в 4000 метров. Город, в широком

смысле, занял, таким образом, около 57 га. Ма'риб вызывает почтение своими исключительными размерами: периметр стен — более 4500 метров, площадь — 90 га. Это не только самый большой город Аравии, это — ее единственный город, чья слава перешагнула ее пределы. О численности его населения остается только гадать, однако оценка в 10 тысяч представляется слишком завышенной.

### *Города-крепости*

Нет ни одного южноаравийского города, который не был бы обнесен крепостной стеной. Причины тому несколько. Самая из них главная — та, что они построены по большей части на плоскости, не имеющей естественной защиты и прямо переходящей в пустыню. Города господствуют над оазисами, каждый над своим. Города заключают в кольцо своих крепостных стен жилые дома и святилища, хранящие под своими кровлями разного рода богатства. Города служат местопребыванием власти, неважно в чьих она руках — старейшин или государя. А так как потенциальная угроза исходит прежде всего от кочевников, их ближайшим соседям надобно позаботиться о ее предотвращении в первую очередь.

Корни этих оборонительных систем теряются во мраке тысячелетий, но уже к VIII веку до н. э. системы эти наличествуют, причем в полной боевой готовности. Экспансия Сабы отмечена, как мы помним, разрушением городов противника или, по меньшей мере, их крепостных стен: так, после завоевания Нашшана его крепостная стена была срыта до основания. Одновременно сабейские мукаррибы строят и перестраивают свои крепостные сооружения. Если появляется потребность, они возводят целые города — как, например, Нашк (аль-Байда), призванный контролировать долину Джауф вообще и ее главный город Нашшан в особенности. Первые же начертанные мукаррибами надписи упоминают о строительстве башен и куртин.



Для сабейских оборонительных сооружений аль-Байда, пожалуй, наиболее характерна. Приблизившийся к ней сквозь заросли кустов и акаций вдруг обнаруживает, за изгибом одного из рукавов вади Мазаб, импозантный овал ее крепостных стен. Эта фортификационная линия еще более усиливается куртинами — дугообразными выступами, которые чередуются через правильные промежутки. В крепостной стене проделано двое ворот<sup>3</sup>. На стенах и на куртинах высечены надписи посвящения, подобные следующей: «Ллисама Набат сын Набат'али, царь Каминаху (Камны), (...) построил два эти выступа во имя бога Альмакаха и царей Марйаба (Ма'риба)». Всего на внешних укреплениях — 91 надпись такого рода. Все надписи выполнены монументальным шрифтом. Хорошо сохранившиеся западные ворота состоят из двух башен, которые вверху соединены перемычкой, а внизу обрамляют собою довольно узкий вход, ведущий в не менее узкий и довольно длинный переход, легко превращающийся в ловушку для штурмующих крепость.

Поражает высокое качество обработки камня: ведь каменные монолиты размером в 2—3 метра сочленены в единое целое без строительного раствора<sup>4</sup>, да так, что между ними не проходит даже лезвие ножа: каменотесы в VII веке до н. э. отличались высочайшим профессионализмом.

Баракиш (в древности Йасилл), стоящий на рубеже между оазисом и пустыней, являет собой еще более величественное зрелище: за много километров от него видны его высокие стены на фоне окрестных серых полей. Именно эта крепостная стена «прошла» сквозь века в состоянии исключительной для Йемена сохранности: ныне она — *почти* та же самая, что была еще, без малого, двадцать семь столетий тому назад. Отсюда — тот совершенно исключительный интерес, вызываемый ею у исследователей.

Город возвышается на горном гребне из песчаника, образуя неправильный полукруг диаметром в 276 метров. Крепостная стена насчитывала 56 башен высотой до 14 метров, о чем и свидетельствует одна из

сохранившихся до наших дней на южной стороне. Древнейшие участки стены и ныне легко отличить от позднейших по следующим признакам: у основания стены положены тщательно подогнанные друг к другу крупные широкие блоки; чем выше, тем они уже; блоки обработаны соответственно общему стандарту: по краям гладкий грант, середина покрыта насечкой; стена сложена из них до самого венца без строительного раствора. Блоки неправильной формы, встречающиеся то здесь, то там, или же блоки, уложенные косо, — следы позднейших ремонтных работ, которые в крепости предпринимались неоднократно, причем в последний раз — в XVII веке (в том же столетии крепость была заброшена).

С внутренней стороны крепостная стена подпирается солидным массивом, сложенным из необожженного кирпича. Массив этот, по-видимому, ради предотвращения эрозии прикрыт еще одной стеной. Первоначально он, помимо прочего, служил опорой для деревянной надстройки, отдельные фракции которой сообщались между собой посредством лестниц. Ни те ни другие до наших дней не сохранились. В Баракиш можно было проникнуть лишь через одни ворота, расположенные на юго-западе и защищенные башней; потайной ход, проделанный в восточном направлении, позволял выйти в святилище Накраха.

Это Кариб'иль Ватар окружил Баракиш впервые крепостной стеной — вероятнее всего, из камня. Однако стена, которую можно увидеть и в наши дни, была сооружена между IV и II веками до н. э.<sup>5</sup> Она заменила свою предшественницу в самом буквальном смысле: не только взяв на себя функцию защиты города, но и встав в основном на то же самое место, где стояла первая. Прежде всего были возведены большие ворота, выходящие на юго-запад. Потом работы были продолжены в восточном и северном направлениях. Следуя за поворотом стены на восток, обнаруживаешь на ней надпись, сделанную главами каравана 'Аммисадаком и Са'дом<sup>6</sup>. Что касается северной и западной частей стены, то их сооружение относит-

ся, быть может, к эпохе Саладина (Салах ад-Дина): известно, что одно время султан пребывал в Баракише и велел произвести там важные восстановительные работы.

Чисто оборонительными потребностями трудно объяснить возведение таких высоких и столь заботливо украшенных орнаментом стен. Перед лицом какого врага они сооружались? Что кочевники могли бы предпринять против них? У бедуинов отсутствовали необходимые для взятия крепостей знания, навыки, осадная техника. Для овладения ею требовались усилия целого государства, даже Кариб'иль осаждал Нашшан три года, прежде чем заставил его сдаться. Истина в том, что оборонительные сооружения такого рода служили прежде всего выставлению напоказ *богатства города*, вокруг которого они возводились. Нет ничего удивительного в том, что разбогатевшие на торговле благовониями города вроде Ма'ина, Баракиша, Шабвы понастроили вокруг себя столь великолепные оборонительные ансамбли, и в том, что вожди караванов хвастались тем, что финансировали те или иные отдельные сооружения.

### *Оригинальное градостроительство*

Южноаравийские города отличаются от своих аналогов на Ближнем Востоке своим урбанизмом, весьма своеобразным. Вовсе не следует пытаться как-то уяснить себе те правила градостроительства, которые были свойственны древности: их просто-напросто не существовало. Не было не то что общей, но и вообще никакой концепции города, организованного по какому-либо плану. В средиземноморских городах той эпохи трудно различить, например, улицы, которые возводились бы по линиям заранее данного чертежа как два более или менее параллельных ряда строений. Совсем не просто отличить общественные здания от частных домов, площади от рынков и в некоторых случаях даже храмы от некультовых сооружений.

Даже по вопросу о том, что, собственно, следует считать городом, историками было пролито немало чернил. Сами древние авторы оказались — невольно, разумеется, — у самых истоков полемики: разве Плиний не насчитал 60 храмов в Тамне и 60 в Шабве?<sup>7</sup> И вот, когда майор Хамильтон в 1938 году закончил раскопки одного из них, он вынужден был признать: перед ним не храм, а мавзолей. Шабва, стало быть, представляла собой обширный некрополь<sup>8</sup>. Некоторые историки, подчеркивая тот факт, что в ряде городов (Ма'ин, Майфа' и Тамна') вообще не обнаружено домов с надземными помещениями, задаются законным вопросом: что же это за города, какова их истинная природа?<sup>9</sup> Трудность распознавания функционального предназначения различных строений и помещений в этих строениях лежит в основе проблемы, которая далеко не повсеместно находит удовлетворительное решение. Причина этого такова: храмы и частные дома очень часто возводились по одним и тем же архитектурным проектам и с использованием одних и тех же приемов строительной инженерии. Чтобы отличить одни от других, следует во внимание принимать прежде всего их этажность, их разрез, их вертикальную проекцию. Однако как раз верхние этажи у раскапываемых зданий чаще всего не сохранились — по причинам разным: эрозия, пожары, грабежи...

Археологам во многом помогли аналогии с современным традиционным зодчеством. Так, еще в 1942 году сэр Леонард Вулей (Woolley) высказал две догадки: 1. Древние дома в Хадрамауте должны походить на нынешние. 2. Строения в Шабве не были ни храмами, ни усыпальницами. Однако они тогда так и не смогли возобладать по причине скудости открытых к тому времени памятников. Лишь в восьмидесятые годы противники его взглядов оказались вынужденными капитулировать перед очевидностью: каменные цоколи служили основанием для зданий иногда очень высоких. Раскопки в Шабве сделали решающий вклад в решение проблемы.

Путешественник, подъезжая к Шабве с запада, узнаёт ее издали по ее серым холмам, усеянным валунами и покрытым галькой. По холмам, которые смотрят на окрестные поливные поля с высоты в пятьдесят метров. За сотню метров до въезда в город он по мосту пересечет взятое здесь в трубопровод течение вади 'Атф. Затем поднимется по широкому гребню холма Карат аль-Хадида — и окажется перед линией укреплений, венчающей хребет и сочленяющейся с укреплениями внутри города. Пройдя мимо угловой башни Дар аль-Кафир, он попадет в широкую впадину, очерчиваемую треугольником холмов: аль-'Акаб с юга, аль-Хадида с запада и аль-Фиран с востока. В наши дни это пространство называется ас-Сабха (солончак), по причине множества соляных рудников<sup>10</sup>. Соль, используемая со времен античности, послужила городу основой благосостояния; однако ее присутствие имеет и обратную сторону: оно делает всю эту небольшую долину довольно неустойчивой, губчатой, а после выпадения дождей покрывает ее белой коркой.

Итак, наш путешественник идет вдоль вала, за которым высятся грозные башни, и доходит до больших северных ворот. Он видит открывающуюся перед ним центральную транспортную ось города, которую он, однако, поостережется назвать «главной улицей» — настолько изменчива она по ширине и настолько капризна ее трасса. Лишь сравнительно недавно она была относительно спрямлена. С той и с другой ее стороны высятся многочисленные (около 120) и очень похожие одно на другое здания<sup>11</sup>. Мысленно вернувшись к началу нашей эры, постараемся воспроизвести их первоначальный облик. Построенные в плане прямоугольника, они часто состоят из множества этажей. Все они выглядят очень массивно — с их солидными каменными цоколями высотой от одного до двух метров, с их поднимающимися ко входу неудобными лестницами, слуховыми окнами, нижним нежилым этажом и последовательным на-

громождением (без уступов) этажа на этаж, которое увенчивается террасой на кровле. Эти дома скорее походят на башни, нежели на мирное жилище. Вспомним текст Страбона:

На востоке в основном живут Хатрамотиты (обитатели Хадрамаута), имеющие столицей Шаботу (Шабву). Все эти города (аравийские) подчинены властителю, процветают, богаты многочисленными храмами и царскими дворцами. Их дома походят на египетские своим способом строить деревянные комнаты<sup>12</sup>.

Самый замечательный из этих домов поставлен боком к северным воротам и возвышается над главной улицей более чем на 5 метров. Это монументальное здание, раскопанное французскими археологами в период 1975—1985 годов, состоит из центрального строения (А), включающего в себя великолепный каменный цоколь, на котором зиждятся несколько деревянных этажей, а также — из одноэтажного здания (Б), обрамляющего покрытый керамической плиткой двор. Восточное и западное крылья здания Б частично охватывают и здание А, оставляя тем самым лишь очень узкий вход во двор. Последний разделен оградой на две части: первая включает в себя монументальную каменную лестницу, ведущую на первый этаж здания А, который выше двора примерно на 4 метра.

Этот монументальный ансамбль, сооруженный около I века до н. э., был идентифицирован как дворец Шакир, резиденция царей Хадрамаута<sup>13</sup>. Он будет сожжен сабейцами в начале III века н. э., потом восстановлен и украшен несколькими десятилетиями позднее и окончательно разгромлен в V веке. До наших дней дошел только его каменный цоколь да некоторые остатки кирпичных стен первого этажа.

«Главная улица», поднимаясь к югу, приводит к монументальному храму Сийаха<sup>14</sup>. Ныне лишь с трудом можно представить себе его великолепие: он был уставлен статуями и другими произведениями

искусства, но все это исчезло. На его монументальной лестнице и над ней высились четыре статуи и четыре покрытых бронзой пилона. С восточной стороны на мощном цоколе-монолите была установлена колоссальная статуя из бронзы. Смежные террасы были украшены статуями животных (возможно, лошадей в натуральную величину) и другими бронзовыми статуями. Все это в совокупности составляло всего лишь парадный вход в храм. От входа кое-что сохранилось, от самого храма — ничего. Сказанное относится к конечному состоянию сооружения, датированному первыми веками нашей эры; что же касается предыдущих состояний, то единственный их остаток — подиум с ведущими на него ступеньками.

Можно и дальше продолжить прогулку в глубь древнего города, погребенного под заносами. В древности дома располагались здесь в непосредственной близости друг от друга, иногда даже соприкасаясь, но все же не имели общих стен. Они выстраивались в довольно правильную прямую линию, оставляя, однако, между собой лишь тесные проходы. «Улицы» в ту эпоху были всего лишь незастроенными пространствами, оставленными между высокими строениями, — нынешний Шибам в Хадрамауте<sup>15</sup> довольно точно воспроизводит панораму древнего города. Проблемы соседства, проветривания помещений и другие бытовые вопросы должны были быть довольно-таки острыми, однако тексты не содержат никаких указаний на них. Вряд ли когда-либо существовали коллективные системы вывоза нечистот и мусора, канализации, снабжения водой — лишь индивидуальные цистерны у подножия каждого дома или внутри него. Нет и следа центрального рынка, построенного по модели греко-римской агоры с портиками, укрывающими под своей сенью лавочки торговцев.

Остается неизвестным, как земли в Шабве распределялись между собственниками, перераспределялись, продавались и покупались, сдавались в аренду, передавались по наследству и пр. Владело ли такое-

то или такое-то племя отдельной территорией, на которой и селило своих членов, сохраняя тем самым свою этническую однородность в данном квартале? Сопоставления с нынешними моделями побуждают рассмотреть такого рода гипотезу. Но можно выдвинуть и противоположную ей: наличие свободного рынка предполагает межплеменную пестроту. Как бы то ни было, уже дороговизна строительства жилья сама по себе предопределяла социальный облик горожан: лишь весьма состоятельные семьи могли позволить себе удовольствие жить внутри городских стен.

### *Дома из дерева*

Все, без исключения, строения имеют массивный каменный цоколь высотой от двух до четырех метров. Этот приподнятый цоколь, опирающийся на не менее мощный фундамент, призван нести на себе огромную нагрузку — тяжесть всех этажей. Этажи на протяжении веков не раз подвергались обновлению, даже их число, вероятно, менялось, то увеличиваясь, то уменьшаясь, но раз и навсегда установленный под ними цоколь стоял незыблемо, как скала. Они, цоколи, не поддаются эрозии и составляют самую сущность пейзажа древнего города.

С боковой стороны к дому пристроена относительно *высокая* лестница, открывающая доступ на *первый* этаж. Любопытное обстоятельство: стены дома, его этажи, его каркас построены исключительно из дерева. Деревянные стоянки и балки составляют костяк строения и их сочленения воспроизводятся в неизменном виде на каждом новом уровне, на каждом более высоком этаже. Ныне такая техника строительства может показаться весьма странной — в стране, начисто лишенной растительности. Вот это строительство в течение тысячелетий «многоэтажек» из дерева, не извело ли оно начисто дремучие леса, о которых говорят древние авторы? Имеются серьезные основания принять это предположение.



Как определить высоту древних домов? Задача трудная. Особенно если принять во внимание, что дошедшие до нас фрагменты древних стен не превышают в высоту двух метров. Для ее решения археологи могут обратиться к текстам посвящения, таких, как: «три этажа этого здания (?)», «четыре этажа»... Или еще к таким, не вполне вразумительным: «шесть уровней с шестью этажами (дворца), из которых высший уровень включает в себя два этажа»<sup>16</sup>. Изображаемые на барельефах дома суть, предположительно, довольно верные копии со своих оригиналов — с их этажами, с их парадными подъездами, которые украшены пилонами, с их террасами, огражденными парапетом, не непрерывным, но расчлененным. Высокие жилые дома в современном Йемене, эти правнуки античности, продолжают ее многовековую традицию. Не впадая в преувеличения относительно возможного числа этажей, можно тем не менее с достаточной уверенностью сказать: преобладающим типом городского жилья в древности был, конечно, «дом-башня».

В таком типе строений на первое место выходит оборонительная функция древнего жилища. Цоколь приподнимает дом, делая доступ в него довольно трудным. Предполагаемая высота здания также служит элементом его защиты. Малочисленные и очень узкие отверстия в стенах первого этажа могут быть при необходимости использованы как бойницы для стрельбы из лука, а верхние террасы — для наблюдения за противником и для отражения его атак при помощи всякого рода метательного оружия. Итак, обитатели дома видят в нем свое убежище и свою крепость. На протяжении всей своей древней истории и совсем недавней, йеменцы с успехом находили своим жилищам и такое применение. Единственное уязвимое место состоит в выборе строительного материала: деревянные каркасы зданий частично выступают наружу — их легко поджечь.

Высокий тип домов вовсе не монополия одной только Южной Аравии. В Эфиопии дворцы аксумских государей, возводимые с самого начала нашей эры, также состоят из нескольких этажей из дерева и из каменного цоколя. Или, вернее, состояли, а сохранившиеся обелиски дают некоторое представление о пышном декоре экстерьера. В дельте Нила немало высоких домов из кирпича и дерева, с окошками-бойницами и с башнями-голубятнями по обеим сторонам. Фрески и мозаики Помпеи также воспроизводят тот же тип конструкции — одновременно мощный и хрупкий. В южной Сирии башни-дома обеспечивают неприкосновенность окружающих их садов и виноградников. В Киликии такой же тип домов весьма распространен в эллинистическую эпоху. В целом, тип башен-домов общ для местностей, которым угрожают набеги кочевников, и наиболее распространен на периферии земледельческой зоны.

Более того, дома-башни — достояние не одной только античности. В Средние века, как и в Новое время, такие дома можно встретить в широком ареале от Италии до Кавказа. Останемся, однако, в Йемене, где градостроительство явно предпочитает вертикальное направление. Дома на высоких плато Хадрамаута и в вади Дав'ан весьма походят на замки, а дома-фермы в оазисах на плоскости — на маленькие форты. Все они несут на себе шрамы грабежа, поджога, погрома, все они хранят память о былых сражениях. В течение веков они даже продвинули вперед фортификационные работы: амбразуры в стенах, галерея с навесными бойницами над входом, парапеты с промежутками для амбразур на террасах, внутренние двери и т.п.<sup>17</sup> Появление земляных валов не испортило их экстерьера. В городе, как и в деревне, именно потребности обороны — главнейший мотив возведения высоких домов. Правда, их высота некоторыми авторами истолковывается как производная от цены на землю: так, к примеру, объясняется высота домов в Шибаме (Хадрамаут) или в современной Сане. Это, возможно, еще одна составляющая того же

явления. И еще одна, причем на этот раз совершенно бесспорная: престиж. Величина дома — зеркало богатства его сеньора.

### *Богатый дом*

Строительство каждого из этих домов требует весьма разнообразных материалов (камня, строительного леса, необожженных кирпичей) и столь же разнообразных профессий (камнеломов, камнетесов, каменщиков, плотников). Работающих нужно кормить и вознаграждать за их труд. Все это предполагает наличие очень значительных финансовых средств у будущего домовладельца или у пайщиков товарищества<sup>18</sup>.

Представители племенной верхушки и заказывают строительство больших домов, и отмечают надписями на их стенах его завершение. Поэтому до нас дошли и их имена, и их происхождение. Один пример: Раф'ан, Йа'иль, Нимрам, Ллишарах, Марсадум совместно построили дом в Шабве<sup>19</sup>. Те сто двадцать домов, что ныне открыты в этой бывшей метрополии, должны были принадлежать зажиточным и богатым семьям. Плотность заселения в ряде кварталов такова, что она просто не оставляет места для более скромных жилищ. Крестьяне жили вне города, среди своих орошаемых полей. Эта типология мест проживания подтверждает наш взгляд на южноаравийское общество как раз в высокой степени иерархическое.

Посетим один из таких домов-башен. Мы поднимаемся по крутой лестнице на цоколь, проходим под тяжелым деревянным порталом, входим через массивную украшенную бронзовым запором дверь — и оказываемся внутри, в самом начале коридора, который проложен через весь нижний этаж. По обе его стороны — ряд небольших темных помещений, каждое из которых отделено от коридора порогом, иногда довольно высоким. Помещения эти служат хранилищами и зерна, и фуража, и всего, что необходимо в быту. Здесь же — стойло, здесь же — и хлев.

В Йале в двух помещениях такого же рода обнаружено по каменной купальне, а в Шабве, в угловой комнате царского замка, найдено четыре каменных чана.

В нынешней Сане первые этажи домов, однотипных с древними, по-прежнему служат житницами, складом строительных материалов, дров и горючего; сюда же на ночь загоняется скот; здесь же хранится и вода — в кувшинах и прочих емкостях<sup>20</sup>. В Шибаме (Хадрамаут) козы сами вскарабкиваются на цокольный этаж; там для них отведено несколько комнат.

В глубине центрального коридора имеется осевая лестница, ведущая на этажи. Последние, как кажется, совмещают функции жилых и парадных (приемных) помещений. Наличие этажей удостоверено в множестве надписей: один поздний текст повествует о том, что владелец восстановил и привел в должное состояние, устранив все последствия разрушения, свой дворец Шаб'ан, его этажи, его доступы (?), его приемный зал, его портики и все служебные помещения<sup>21</sup>. Этот приемный зал или зал чести (масвад) упоминается во многих надписях. И в наши дни лучшие дома Саны не обходятся без *дивана*, гостиной, где мужчины принимают своих гостей в непринужденной и спокойной обстановке; без *манзара*, откуда принято любоваться пейзажем; и без *маффраджа*, помещения (часто весьма просторного), расположенного на самой кровле дома, изолированного и доступного только для мужчин<sup>22</sup>. В самых высоких домах пятый и шестой этажи составлены из комнат, предназначенных для постоянного или временного (в зависимости от сезона) проживания, но, вообще говоря, помещения на верхних этажах могут выполнять и иные функции. Все эти сравнения (может быть, несколько натянутые) с традиционной йеменской архитектурой рискуют ввести в заблуждение, так как нравы и образ жизни, конечно, изменялись в ходе двух тысячелетий. Тем не менее остается достаточно правдоподобным то, что традиции зодчества в такой обособленной стране, как Йемен, восходят к доисламской эпохе.

Дома эпохи южноаравийской античности не очень-то радуют взор своей орнаментальной отделкой. Их цоколи сложены в основном из нетесаного камня. Только в исключительных случаях, в домах наиболее красивых, перевязка каменной кладки обработана тщательно, а каменные блоки несут на себе очень тонкую орнаментальную огранку. Деревянные остовы этажей, видимые в любом случае, представляющие собой однотипные и постоянно повторяющиеся конструкции, чаще всего прикрыты слоем глины, приглаженным рукой. И опять-таки лишь в виде исключения, эти конструкции облицованы известковой плиткой, заключенной в деревянные рамки и украшенной регулярной насечкой. Но такие исключения найдены лишь в великолепных дворцах Шабвы.

Внешний же декор выражается, по большей части, в том, что отверстия в стенах цокольного этажа (походящие скорее на бойницы, нежели на окна) со стороны улицы выбеливаются алебастром, а окна верхних этажей обводятся белым известковым раствором; возможно также, что в облицовке фасада применялись многоцветные камни. В дворце Шабвы один водосток (или их было несколько?) крыши предохранял фасад от ливневых потоков — по примеру такого же рода приспособлений, устроенного на некоторых домах в области гор 'Асира<sup>23</sup>. Вряд ли какие-либо архитектурные украшения имелись на верху зданий — у их подножий археологи никогда не находили ни частей парапета, ни скульптур.

Многие дворцы в греко-римскую эпоху украшались зато металлическими накладками с изображениями людей и животных. К самым замечательным образцам жанра относятся две бронзовые пластины (размером 52 на 61 см), служившие декором к фасаду дома Йафеша в Тамне: они представляли нагих купидонов верхом на львах<sup>24</sup>. Дворец Шабвы также был декорирован бронзовой накладкой, на которой можно различить лошадь, лучника, барана и рыча-

щего льва. Скорее всего, эти накладки не были предметом импорта, а были отлиты на месте, в Тамне или в Шабве, каким-нибудь бродячим художником-ремесленником, добравшимся до южноаравийских городов из одной из восточных провинций Римской империи.

Оставляя в стороне частности, сформулируем общее правило: внешний вид южноаравийских домов эпохи античности представляется суровым. То же впечатление оставляют и алтари для ладана, и орнаменты фасада и дверной рамы. Оно очень далеко от того, которое выражалось, не без гиперболизации, латинскими авторами:

Говорят, они (сабейцы) понастроили множество колонн, позолоченных или из серебра и не поскупились на драгоценные камни, чтобы только украсить ими двери и потолки своих дворцов. Таким образом, вид открывающейся в глубине колоннады просто восхитителен<sup>25</sup>.

### *Функции дома*

Чтобы оживить дома, следует еще раз воззвать к начертанным на них надписям-посвящениям — начертанным по случаю завершения строительства. В них прежде всего описываются различные работы, которые выполнены, и перечисляются разные материалы, которые при этом потреблены. Так, Ахрам и Зархам, дети Са'адума, и Бану Са'айм, сын одного из них, обладая ранее заложенным фундаментом, возвели на нем, этаж за этажом, целый дом, от уровня земли до кровли; они предварительно сделали заявку на строительство, и теперь их право на строение никем не может быть оспорено.

Дом также служит символом могущества своего владельца. Каждый из вышеназванных заявляет о своем богатстве, полученном в ходе введения в сельскохозяйственный оборот новых земель и в итоге своей военной и коммерческой деятельности. Точно так же племенные вожди, знать и члены царской фа-

милли владеют большими домами, по отношению к которым провозглашают себя не просто владельцами, а — сеньорами, господами. Оттуда, как из дворца, они управляют своими землями, собирают налоги, отдают распоряжения членам своего племени, вызывают к себе его вождей, собирают их и т.д. Дом, таким образом, утверждает их власть. И их легитимность — тоже. Государи передают власть своим наследникам в одном и том же дворце: цари Сабы — во дворце Салхин, Нашшана — во дворце 'Афрав, Авсана — во дворце Мисвар, Катабана — во дворце Хариб, Хадрамаута — во дворце Шакир.

Торжественные надписи высекаются на стенах дома даже иной раз много лет спустя после завершения его строительства. Они повествуют и о других достойных упоминания работах. Один домовладелец сообщает о приобретении им новых земель и, в частности, участков, прилегающих к его дому. Другой добивается успеха в орошении земель за чертою города, во введении их в хозяйственный оборот. Третий отрывает в пустыне колодец и взращивает вокруг него пальмовую рощу. Четвертый строит конюшню. В Джауфе «дети» племени Шайбан извещают в одной из надписей, что ими вспаханы все находящиеся в их распоряжении пустоши и что они приняли участие в возведении дворца Шаб'ан<sup>26</sup>. В вади Байхан некие Ахдаб и Са'адун со своими сыновьями и товарищами построили дома, служащие местом складирования военной добычи, местом заключения пленных и рабов, местом хранения снятого с окрестных полей урожая и, несомненно, собранной натуральной ренты<sup>27</sup>. Все эти тексты недвусмысленно указывают не только на экономическую, но и на политическую функцию такого рода жилища.

Религиозную функцию оно, несомненно, также выполняет, хотя выносить о ней сколь-либо определенное суждение весьма затруднительно. По крайней мере, самые большие дома должны были бы включать в себя особые культовые помещения — вроде частных молелен с алтарями для воскуривания фимиама, с изображениями богов, молелен, где

могли бы совершаться жертвоприношения, отправляться другие обряды культа, храниться поднесенные богам ценности и т.д. Раскопки дома Хадас в Тамне обнаружили любопытную бронзовую пластину с изображением руки, которая держит светильник. На пластине надпись:

Своему Богу и Господину (он) отдает руку с горящим во мраке светочем, принося посвящение, соответствующее тому, что он Ему обещал и позднее подтвердил. Он доверил господину Йасула все свои силы и способности (...) <sup>28</sup>.

Однако не все предметы однозначны в смысле своего применения, так что те, что отрыты в ряде строений, далеко не всегда внятно говорят о своей функции. Уже то, что термин «байт» указывает и на дом, и на храм, делает возможным смешение обоих древними аравитянами. Археологи, в свою очередь, мучаются вопросами о природе некоторых больших зданий с внутренним двором. Эта оригинальная архитектурная формула охватывает в равной степени и храмы, и дворцы. Она воплощается, всякий раз с некоторыми нюансами, и в храме Бар'ана в Ма'рибе, и в царском замке в Шабве, и в главном здании Тамны <sup>29</sup>. Конечно, организация пространства центрального здания — это гипостиль (обширный зал, потолок которого подпирается колоннами) внизу или на одном из верхних этажей — позволяет провести различия, однако исчезновение всех верхних структур делает проведение идентификации крайне затруднительным. Можно спросить себя, не использовались ли одни и те же здания и как святилища и как жилища одновременно, и не меняли ли они своих функций за долгий период своего существования.

### *Деревни*

Наша документация страдает от отсутствия равновесия: содержание текстов относится исключительно к зажиточным и богатым слоям древнеаравийского общества, деревни же и фермы вообще не



оставили никаких надписей, если не считать нескольких имен. Древние южноаравийские деревни, погребенные под толстым слоем ила, нанесенного с их же полей, вызывают интерес археологов лишь с самых недавних пор. Впрочем, не так уж и трудно восстановить их облик в нашем воображении: скопление небольших, как правило, по размеру домов из камня, необожженного кирпича или глинобитных, одноэтажных или в несколько этажей.

Вот обычный — по крайней мере для Джауфа, Ма'риба и Байхана — тип поселения: деревня состоит из кольца, линия которого нигде не разрывается, прижавшихся друг к другу домов<sup>30</sup>. Такой план построения явно предполагает оборонительную функцию. Если кольцо составляется из относительно низких домов, повернутых к окружающему миру «спиной», то есть своими слепыми торцами, — функция эта выполняется лишь с посредственным успехом; но если дома высоки, насчитывают несколько этажей — они являют собой, каждый в отдельности, а главное, в совокупности, настоящую крепость. Очерченный ими круг определяет собой внутреннее пространство деревни, заполняемое другими домами или святилищами. Доступ в деревню обеспечивается многочисленными проходами, которые проделаны между домами внешнего кольца и которые легко могут быть перекрыты.

Приведем лишь один пример деревни подобного типа: аль-Джанадила, на краю вади Марха. Поселение построено в плане неправильного эллипса, максимальный диаметр которого равен 210 метрам. Оно состоит из кольца домов, либо тесно прижавшихся друг к другу, либо соединенных общими стенами, обычными или даже двойными. В западном его секторе обнаружено, кроме того, несколько каменных цоколей, которые явно служили основанием для самых богатых и, следовательно, самых высоких домов. Этажи последних, как всегда, не сохранились. Были ли они сложены из дерева или из кирпича-сырца? Вопрос также остается открытым. Городок Хаджар аль-Джубийа (вади Дура) в первые века нашей

эры также защищал себя кольцом могучих домов-крепостей. Более глубокие раскопки показали, что кольцо это воспроизводилось на месте и по подобию более древних сооружений того же типа<sup>31</sup>.

Система кольца, составленного из вплотную друг к другу стоящих домов, характерна не только для деревень или городков, но и для более крупных центров — таких, как, к примеру, Наджран. Этот город (нынешний Ухдуд) включает в себя кольцо домов, имеющих под собой солидные каменные цоколи и состоящие из нескольких этажей. Из такого же кольца выросли многие города Южной Аравии, а само кольцо, возможно, уходит корнями к «бронзовому веку». В самом деле, в пустыне Негев (в нынешнем Израиле) и в пределах древней Сабы известны поселения «кольцом», датированные XI—X веками до н.э. Некоторые из них, став городами, окружают себя дополнительно и крепостной стеной — во времена первых мукаррибов. Это, к примеру, Йала, недалеко от Ма'риба, которая возвела вокруг своих домов, построенных кольцом, каменную стену<sup>32</sup>. Другие же города, как Хину аз-Зурейр и тот же Наджран, напротив, долго сохраняли свое оборонительное кольцо из «сросшихся» между собой домов.

Такая архитектурная концепция предполагает наличие весьма четкой и последовательной социальной организации. Интересы безопасности властно диктуют свои требования: никаких слабых, уязвимых мест в системе кольца не должно быть, а следовательно, план заселения должен быть цельным и полным еще до начала строительства; недопустимы и раздоры между обитателями соседних домов. Необходимость поддержания хотя бы минимальной сплоченности для совместного отпора врагу диктует относительную скромность во взаимоотношениях тех социальных групп, что дома эти заселяли: именно так, скорее всего, обстояло положение в начале первого тысячелетия до н.э. Заслуживает внимания и тот факт, что тысячелетием позднее группы арабов, приходящие с севера и постепенно оседающие в больших вади, смежных с пустыней, образуют посе-

ления по старой южноаравийской модели. Вполне возможно, что такие деревни в вади Марха, как Хаджар ан-Наб, Хаджар Талиб и Хаджар Хизма, построенные в форме защитного кольца, обязаны своим происхождением именно новоселам, северным арабам<sup>33</sup>.

### *Фермы*

Мало ферм в собственном смысле этого слова известно, значительно менее того раскопано. Из них ферма А из аль-Хурейзы — самая древняя<sup>34</sup>. Она, как и большинство домов, сложена из необожженного кирпича. С ее довольно солидными стенами цокольного этажа толщиной в 0,40 метра она вполне могла состоять из двух, а то и из трех этажей: высота все же не монополия одних только аристократических домов. В цокольном этаже один ряд помещений, по одну сторону от коридора, выходит на открытый двор, и в них сохранились многочисленные следы от пребывания, очевидно, содержавшихся там домашних животных; в помещениях же второго ряда (их следует, наверное, обозначить как комнаты) найдены скамейки и большое количество керамических изделий, датируемых IV или V веками н.э. Другие фермы открыты в округе Шабвы, в местечке по имени аль-'Окм. От них остались, к сожалению, лишь фундаменты, структура которых все же позволяет воссоздать мысленно план цокольного этажа<sup>35</sup>. На огороженном, но под чистым небом, участке женщины, защищенные оградой от ветра и от чужого взгляда, готовили пищу: они оставили после себя мельничные жернова, каменные сосуды, балку, украшенную головой кабана, и т.д.

Глина не единственный строительный материал; от Байхана до Макхи многие деревни построены исключительно из камня. Их фермы — в хорошем состоянии. Некоторые сохранились даже настолько хорошо, что в них и поныне селятся полукочевники, давая себе лишь труд покрыть их новой крышей. Именно так и произошло с домами деревни Сурбан<sup>36</sup>.

Размеры обнаруженных ферм колеблются очень широко. От самых маленьких, длиной всего в 6 метров, — до более сложных конструкций, длиной от 15 до 20 метров. Имеются, наконец, и фермы очень большие: от 300 до 500 метров. Последние принадлежали, без сомнения, тем крестьянам, которые обогатились на пути концентрации земельной собственности. В любом случае размах таких колебаний отражает высокую социальную дифференциацию в Южной Аравии. Нынешние бедуины, занимающиеся самочинными раскопками на месте древних ферм, время от времени извлекают из-под земли восхитительные керамические изделия VIII—VI веков до н.э.<sup>37</sup>

На основании проводимых изысканий трудно сказать что-либо определенное относительно эволюции форм жилища, как и о причинах изменений в выборе строительных материалов. Положим, нечему особенно удивляться, когда жилье в области первичных массивов оказывается построенным из гранита и сланца, то есть из того, что было под рукой. Гораздо более странным выглядит то обстоятельство, что в районе известковых пород победу в конкуренции с известняком одерживает сырцовый кирпич. Но, как видно, всюду — свои строительные традиции.

Повсеместно сельскому жилищу, как, впрочем, и городскому, присущи две характерные черты: четырехугольная форма строения и его высота. За городом, как и в городе, дома-башни обеспечивают дозор и охрану своей территории.

## *Общество очень своеобразное*

На кромке своей пустыни Южная Аравия предуготовила для человеческого общества четко очерченный ареал и однозначно определенную природную среду обитания: ареал и среду ОАЗИСА. Оазисные земли, орошаемые лишь время от времени, требуют от своих обитателей высокой степени самоорганизации ради того, чтобы приносимая паводками благодатная влага не терялась, а использовалась наилучшим образом. «Наилучшим» — это значит так, чтобы паводки орошали всю возделываемую поверхность оазиса в равной мере, включая и наиболее приподнятые над средним уровнем и самые отдаленные от русла участки. А также так, чтобы каналы очищались от ила регулярно. Практическое решение этой двуединой задачи предполагает предварительное наличие достигнутого в какой-либо форме *общественного согласия* на проведение соответствующих работ. Вот эта навязываемая природой социальная организация появляется на исторической сцене уже в III тысячелетии — первоначально в форме простой кооперации земледельцев. Из такого-то ядра, сложившегося в области Ма'риба, ядра, сплоченного практикой совместного поливного земледелия, и рождается Саба' — в VIII веке до н.э. В высеченных на скалах списках эпонимов «Саба'»

всегда выступает в одном и том же контексте: в качестве прямого дополнения к глаголу «орошать». Перед нами, следовательно, общество оседлое, привязанное к своей земле и к ритму сезонов.

Но та же кромка пустыни покрыта и довольно густой сетью городов: к примеру, их черда, их россыпь вырастает в больших долинах Джауфа и Хадрамаута. Они, города эти, разнятся между собой и по размерам, и по значимости, но их обитатели в равной степени усвоили привычку и приобрели вкус к жизни именно в городских условиях. Горожане ежедневно выходят и входят через городские ворота, при которых красуется гранитная плита с высеченными на ней царскими указами; они ежедневно встречаются между собой на рынках и в святилищах; все они живут в домах, одинаковых, в общем-то, и по своему архитектурному стилю, и по условиям обитания в них. Общепринятый архитектурный стандарт городских домов предопределяет и стандарт городской коммунальной жизни, далеко отошедший от тех норм, которым следуют сельские жители.

Сказанное, однако, не означает того, что между городом и деревней разверзлась непреодолимая пропасть. Между двумя сторонами имеются два, по меньшей мере, «моста», связывающие их: это общность территории города и его сельской округи и общность священных мест, которые равно святы как для горожан, так и для селян. Вне города, за его крепостной стеной, уже в сельской местности, но все же в непосредственной близости от него и обращенный своим порталом к нему стоит, прижавшись торцом к одному из холмов, храм, это зримое воплощение единства общины верующих, поклоняющихся одному и тому же божеству и выполняющих одни и те же обряды. Кроме этих, так сказать, «пригородных» святилищ, имеются и другие, находящиеся от города на значительном расстоянии. Их не так много, но они все же есть. Так, храмы Джебея ал-Лауз открывают свои двери для всякого, кто только пожелает принять участие в коллективном культе. Имеются, наконец, и священные заповедные территории, которые в позд-

нейшую, исламскую эпоху будут обозначены термином «харам» («запретное»): они представляют убежище тем лицам, которые по той или иной причине не в ладу с обычным племенным правом<sup>1</sup>. В этих заповедных анклавах также иногда есть свои святилища.

Отмеченные рамки предполагают наличие в них социумов, не столь уж и различающихся от долины к долине. У них, у этих социумов, сложившихся в первоначально изолированных одного от другого вади, нет общего божества — за исключением разве что 'Асара, который почитается более или менее повсеместно, и у них нет общего языка, который внятен всем. Зато у всех у них явственно выступают черты тождественного, в основе, социального строя, социальной организации. У всех южных аравитян одна и та же письменность и одна и та же традиция — украшать архитектурные памятники монументальными надписями. Они возводят здания, которые при всех местных различиях между собою все же схожи, и декорируют их более или менее одинаково; они, наконец, ведут торговлю на очень протяженных маршрутах, а это предполагает четкую социальную организацию, гарантирующую сохранность товаров, отправляемых за тридевять земель, и справедливый раздел прибыли. Чувствуют ли они свою принадлежность к некоторой сверхобщности?<sup>2</sup> В любом случае образ их жизни очень схож.

### *Племенная организация*

Греко-латинские авторы признают: обитатели юга Аравии не кочевники, а оседлое население, подразделяющееся по племенам. То же самое можно сказать и о нынешнем Йемене, однако именно древние его племенные структуры лишь с трудом поддаются реконструкции, если ей поддаются вообще. Современные исследования едва-едва приоткрывают материальную культуру древнего южноаравийского демографического массива, но ничего не говорят о его социальной дифференциации и структурах. По давнейшей исторической традиции, семитские племена

на приходят с севера Аравийского полуострова и обосновываются на его юге, смешиваясь со старожилами, заимствуя у них как бытовые навыки, так и религиозные верования. Таким образом, вполне правдоподобно предположение, согласно которому некоторые формы нынешней социальной организации восходят к очень отдаленным эпохам.

Племя в южноаравийскую эпоху — это довольно крупная общность, насчитывающая порой десятки тысяч человек. Оно занимает более или менее обширную территорию, которую орошает и возделывает. Территория эта порой совпадает с долиной вади — в той ее части, где вади вырывается из горного ущелья на простор равнины, то есть на кромку пустыни. Иногда она же охватывает две или более подобных же долин. Земледелие в вышеописанных природных условиях предполагает наличие коллектива, коллектив же невозможен без внутренней организации, а последняя в качестве своего элемента включает в себя, пусть и минимальный по численности, но все же управленческий аппарат. Известны шесть основных племен: Харам и Ма'ин в Джауфе, Саба' в вади Зана, Катабан в Байхаме, Авсан в Мархе и Хадрамаут в одноименном вади. Племена состоят из родов (кланов), довольно рыхлых объединений, связанных узами родства. Численность каждого из последних не может быть слишком велика, так как, достигнув некоторой критической величины, он начинает распадаться на свои составляющие. Каждый индивид попеременно выступает в двух ипостасях: во-первых, как член рода, связанного узами крови, и, во-вторых, как член территориальной единицы (например, города) с соответствующими правами и обязанностями.

Для определенности рассмотрим племя Ма'ин, осевшее на небольшой площади, величиной всего в несколько сотен квадратных километров. С востока ареал его постоянного проживания ограничен территорией независимого города Харам, отстоящего от города Ма'ин менее чем на 5 километров, и — Камной на расстоянии от Ма'ина в десяток километров;



границы его с севера и с юга — горные отроги; на юго-западе он простирается до территорий городов в вади Рагван. Фактически же на территории племени Ма'ин — всего два города: сам Ма'ин и Баракиш. Эти два да еще несколько деревень с окружающими их поливными полями — вот и все коренные земли племени. Каждый из этих двух городов невелик по занимаемой им площади. Ма'ин расположен на 5 га, Баракиш — на 8 га. Общая численность племени, по наивысшей оценке, не превышает нескольких десятков тысяч<sup>3</sup>. Племя делится на кланы, называемые «ахль» (буквально «люди»), которые подразделяются, в свою очередь, на субкланы, обозначаемые тем же термином «ахль». Но и субкланы имеют свое внутреннее деление — на линии родства. Каждая такая линия связывает несколько семейств, уже небольших по численности своих членов. Так как члены клана селятся в обоих городах и в различных деревнях, клан не располагает своей собственной территорией: он, стало быть, зиждется на узах кровного родства, которые связывают каждого его члена с легендарным или действительным основателем рода.

Попробуем же определить идентичность некоторых минейцев. Семейство Са'ад хорошо известно: оно достаточно богато, чтобы снаряжать караваны. Оно принадлежит, как и ряд других семейств Ма'ина, к линии родства Аб'амар. Линия эта приводит к субклану 'Аманов ('Аман). Общее число этих субкланов в области Ма'ин весьма велико — от 30 до 40. Поднимаемся еще на пару ступеней: субклан 'Аман входит составной частью в могущественный клан Габа'ан — без сомнения, в царский род, сооружающий башни и куртины в Баракаше. И наконец, примерно два десятка сравнимых по силе и влиянию кланов образуют вершину племени Ма'ин, ныне обосновавшегося в городе Карнав (на месте руин древнего Ма'риба). Ни одна из племенных фракций не дала своего имени городу в качестве его названия, так что мир каждого минейца — его клан и его племя.

На Высоких Землях (на плоскогорье) ступени племенной пирамиды те же самые, только они связаны

и с определенной территорией. Так, царство, племенная конфедерация, федерация, само племя, наконец, суть объединения, имеющие четко выраженную территориальную определенность, территориальные границы. Племя входит в более широкий социум, который обозначается тем же самым словом — как «племя»: «ша'аб». Именно первое племя (в более узком смысле) представляет собой наиболее устойчивую и наиболее долговечную ступень пирамиды, но у него нет имени собственного, то есть оно несет на себе название той территории, которую оно заселяет. Некий За'д именует себя «Йафа'ий», так как в Йафа' арендует ферму у «сеньоров Йафа'»; некий Ма'дикариб заявляет, что он — из племени Хавлан (Хавлан — это пункт юго-восточнее Саны); там он роет колодцы с целью орошения земель; Ллиса'ад и его четыре брата зовутся «бакилитами» (из Бакиля), а также «'амранитами» (жителями города 'амран). В противоположность минейцу, член горного племени идентифицирует себя либо по городу, либо по местности, причем возможна и двойная идентификация. Племенная организация, бывшая вполне сложившимся социумом еще в эпоху античности, пролагает себе путь через века с поразительными устойчивостью и последовательностью. Многие древние племена существуют поныне: Бакиль, Хашид, Синхан и др. Некоторые из них мигрировали. К примеру, Бакиль, жившее первоначально западнее нынешней дороги Сана — Саада, переселилось на восток, а племя Хашид продвинулось в противоположном направлении. Имена таких племен, как Хадрамаут и Радман, совпадают с занимаемыми этими племенами территориями.

### *Социальная иерархия*

Итак, южноаравийское общество являет собой пирамиду, каждая из ступеней которой обеспечивает сплоченность целого. На ее вершине — несколько больших благородных семейств. Эти «гранды» проживают по городам, между тем как их богатство про-

истекает из их имений за чертой города; каких-либо титулов они, видимо, не носят. Монархи — выходцы из этих больших семейств. Они носят высокий титул, но абсолютной властью не пользуются. Им в повседневной работе помогает городской «совет» (из 12 членов в Баракише и из 8 — в Хараме), в важных случаях созывается собрание племени. Эти политические институты издают, во главе с царем, указы, а также установления, имеющие силу закона.

На Высоких Землях племена также образуют свою пирамиду, центром тяжести которой и связующим звеном всей системы выступает город. На каждой ступени — свой фиктивный или действующий орган, ответственный за выполнение обязанностей, возложенных на данную ступень, то есть на данную социальную группу в целом. Среди такого рода обязанностей запомним: снаряжение военных и торговых экспедиций, работы по строительству гидротехнических сооружений и по ирригации, а также, вероятно, отправление культа<sup>4</sup>. Эта автономия соответствует потребностям страны горной, в которой области обособлены, а пути сообщения трудны. Второй уровень власти (в эпоху близкую к нашей эре) проходит по межплеменной конфедерации, возглавляемой королем (царем) и его баронами («благородными» — «кайл»), советом и ассамблеей конференции. В социальной иерархии ниже благородных располагаются стоящие во главе кланов и племенных фракций нотабли. Они — «клиенты» больших семейств, представителей которых они почитают как своих «сеньоров». На еще более низком уровне — члены кланов и фракций, а на самом низу общества, уже вне племенной пирамиды, — раб ('адам). Он принадлежит не отдельному господину, но — семейству или целому клану; он может владеть землей, работать на ней или в каменоломнях, но у него нет права ни на свободное перемещение, ни на ношение оружия<sup>5</sup>. К началу нашей эры его судьба не представляется драматичной.

Об этой иерархии свидетельствует характер деятельности различных социальных групп. Благородные поглощены войной или ведением сельского хо-

зайства в своем домене; члены племен могут посвящать себя торговле или ремеслу. Коммерцией, стало быть, пренебрегает аристократия таких больших племен, как Саба'и Катабан. Минейцы, напротив, на торговле специализируются, что и служит косвенным указанием на то, что они не были на равной ноге с первыми. Несколькими веками спустя земледельческое в основном общество Йемена смотрит презрительно на всякого рода меркантильную деятельность. Возделывание земли, напротив, высоко ценится как средство обеспечения независимости в области производства продуктов питания; торговцы находятся в зависимом от членов племени положении. И в наши дни термин *кабили* (член племени) совпадает с понятием «земледелец».

### *Место женщины*

Роль и место женщин в южноаравийском обществе трудно очертить. И то и другое представляются более значительными, чем в современном йеменском традиционном обществе, но и там, в древней Аравии, женщины не достигали равенства с положением мужчины. Некоторые тексты (немногочисленные, сказать по правде) упоминают женщин, которые пользуются относительной финансовой независимостью: Абиразад, которая построила одну башню и одно надгробие, правда, с помощью своего мужа и сыновей, но все же в основном на свои собственные денежные средства; или Хальхамад, повелевшая построить дом<sup>6</sup>. В Кар'я аль-Фав, на севере Надждрана, некая женщина жертвует божеству алтарь для воскурения фимиама, украшенный дарственной надписью в его честь, что служит свидетельством ее финансовой состоятельности и социального престижа<sup>7</sup>. Другие женщины приносят в святилища подобные же дары. Любопытная подробность: в дарственных посвящениях отсутствует упоминание о вкладе в дар мужчины. Другие возводят надгробия и на облицовочной керамической плитке велят, как, например, в Тамне, запечатлеть свои имена в знак верности

памяти усопших. Женщины испрашивают, в письменной форме, благосклонность и милости у божеств, причем ожидаемые благодеяния должны излиться на лиц даже и вне семейного круга просительницы. И наконец, некоторые женщины выступают и на общественной арене, но — в виде редкого исключения. Здесь напрасно искать аналогий с царицами Северной Аравии, которые, случалось, вели свои войска в бой: царица Савская явно не из разряда воительниц. Если говорить о южноаравийском обществе в целом, неоспорим вывод: господствующая роль в нем принадлежит мужчине.

Генеалогия ведется по отцовской линии, но одиночные изъятия из правила все же имеются. Феномен, отмеченный у набатейцев, наблюдается и в Южной Аравии. Свидетельством тому — три надписи. В первых двух сабейский царь повелевает включить некое семейство в более широкую племенную группу. Примечательно то, что тексты по именам называют не только мужчин «с их братьями, сыновьями и прочими родственниками», но и женщин — «с их сестрами, дочерьми и прочими родственницами».

В третьей надписи три женщины со своими дочерьми из одного и того же семейства (вкуче они обозначены так: «те, что из семьи Гурхум») торжественно извещают всех о том, что посвящают своим детям, одному мальчику и трем девочкам, четыре статуи — одну мужскую и три женские. То, что публичное заявление об акте дарения легитимизирует переход собственности из рук в руки, — это понятно. Труднее осмыслить то, что женщины *и их дочери* нечто дарят *своим дочерям* — как это? Недоразумение, возможно, разрешается тем соображением, что замужняя часть клана Гурхум одаривает ее незамужнюю часть, не вдаваясь в такие подробности, как уточнение степени родства<sup>8</sup>. Примечательно то, что, несмотря на присутствие мальчика в числе одаряемых, все они наречены «дочерьми тех, что из Гурхума». Соответственно тем же текстам, мужчина вполне мог бы проживать в доме своей супруги. Не о пережитках ли матриархата идет речь?

Другой любопытный текст, на этот раз из сочинений Страбона, вроде бы подтверждает догадку о наличии в Южной Аравии его времени матриархальных отношений:

Все мужчины одного семейства имеют женой одну и ту же женщину. Всякий, кто к ней входит ради полового сношения, оставляет перед дверью палку, так как каждый мужчина, согласно обычаю, должен ходить с палкой. Ночь она, однако, проводит только со старшим в семье. Все ее дети считаются между собой братьями и сестрами. Мальчики, достигнув половой зрелости, также совокупаются со своей матерью. Неверность мужчины, который предпочел женщину из другой семьи, карается смертью<sup>9</sup>.

Но можно ли верить Страбону, слишком уж отдаленному от Аравии наблюдателю?

Этнологи проявляют интерес к нравам бедуинских племен Южной Аравии в связи с поисками пережитков генеалогии по женской линии. В полукочевом племени Хумум, обосновавшемся на плато к югу от Тарима<sup>10</sup>, женщина может иметь внебрачных детей, которые в таком случае носят имя матери или имя своего дяди по материнской линии, а ее внебрачные связи не влекут за собой кару за супружескую измену. Однако ее неверность осуждается, напротив, очень строго, когда ее муж «у очага», то есть дома, не в отлучке. Как бы то ни было, женщины из племени Хумум пользуются большой сексуальной свободой как до заключения, так и после заключения брака. А каковы обычаи в этой области у других йеменских племен? По сообщениям некоторых средневековых путешественников, женщина из племени Сару могла взять себе любовника, когда муж в длительном путешествии; по другим источникам, в ряде деревень было принято, в качестве гостеприимства, предлагать гостю на ночь женщину. Все это, как кажется, указывает на то, что йеменская женщина не была стеснена слишком строгой моралью, что она могла становиться любовницей по собственному

выбору и что ее дети оставались под опекой ее брата (как правило, старшего). Нужно ли считать такие обычаи анахронизмом, пережитком доисламского прошлого? В любом случае они характерны для этнических меньшинств.

То же самое следует сказать и об упоминаниях о палиандрии и о временном браке. Халхаман, имея двух мужей (двух братьев?), заказывает постройку дома и оказывает финансовую помощь своим мужьям, уплачивая тысячью монет их долг. Две другие замужние женщины из того же семейства, не имеющие детей, пользуются сексуальными услугами еще одного мужчины, не из числа их мужей, и возносят хвалу богам, когда одной из них удастся забеременеть<sup>11</sup>. Инициатива всего предприятия явно исходит от двух жен, а не от мужа (или мужей?), но идет ли здесь речь о заключении временного брака?

Из этих отрывочных известий трудно вывести с уверенностью какое-либо заключение о свободе нравов в древней Аравии. Может быть, они, сведения, относятся только к исключениям в кочевой среде? Трудно, в самом деле, предположить, чтобы в государствах, подобных Сабее, в главном русле общественной жизни сосуществовали столь различные обычаи<sup>12</sup>. Несомненно одно: в древнем обществе огромное большинство исчисляет свою родословную по отцовской линии; женщины же, выйдя замуж, принимают имя семьи мужа и переходят жить к нему.

### *Крестьяне*

В южноаравийском обществе преобладает сельское хозяйство; чтобы в этом отдать себе отчет, довольно взглянуть на надписи. Сколько текстов, посвященных строительству фермы, окультуриванию поля или насаждению пальмовой рощи! Столкновения между государствами, в общем-то, мало изменяли основные условия жизни крестьянского населения — тяжелой жизни, текущей в русле традиций.

Здесь, на кромке пустыни, паводки задают ритм крестьянской жизни. В их ожидании крестьяне гото-

вят свои поля, умножают работы по установке и восстановлению подъемных затворов шлюзов, водораспределителей, гребней плотин и т.д. Именно крестьяне, никто иной, являют собой тот ресурс рабочей силы, без которого немислимо сооружение плотин или отражающих стенок, направляющих поток в шлюзовые водонакопители. Паводок на несколько часов собирает все крестьянское население на берегах вади. Ответственный за орошение служащий общины распределяет воду между крестьянскими наделами, пуская ее на каждый из них в течение равного отрезка времени. Ночью время определяется по движению созвездий, днем — по числу шагов по отбрасываемой деревом или столбом тени. Текст на дереве сообщает, что два клана отдают часть своей квоты на воду в зимние месяцы какому-то частному лицу — скорее всего, служащему, ответственному за ирригацию<sup>13</sup>, который получает тем самым возможность перераспределить полученную им воду в пользу других ее потребителей. Одно из имен таких «хозяев воды» в Нашке (аль-Байда) дошло до нас из III века до н.э.: Вахаб'авам сын Авсима<sup>14</sup>. В сухие сезоны крестьянами предпринимаются долгосрочные работы. Надписи упоминают, что один колодец вырыт на четверть, другой полностью. Или что вырыто несколько колодцев и над полями построен акведук из глины. Помимо того, проводятся и малые работы — такие, как проведение оросительных канав, канализационных стоков, сооружение водосточных воронок и цистерн. Ремонт гидротехнических сооружений, насаждение пальмовой рощи, нивелирование полей неоднократно служат сюжетом для посвящений богам. Но еще более многочисленны мольбы о ниспослании дождя и о спасении от стихийных бедствий.

В основном крестьяне выращивают зерновые — пшеницу, ячмень и сорго. Зерно, как водится, мелют в муку, из муки пекут пироги. Из сезама получают масло. Только два вида древней пшеницы идентифицировано: это — *aethipicum* и *diccosum*<sup>15</sup>. Чечевица и бобы входят существенной частью в меню. На оро-



шаемых землях крестьяне, как кажется, предпочитают, по большей части, возвращать фруктовые деревья, нежели производить зерновые и овощи. Один текст дает приблизительное представление о пищевых запросах индивида: некто просит своих корреспондентов послать ему две (неизвестные) меры сезама, мешок муки, пять мер соли и чечевицы<sup>16</sup>. Двумя тысячелетиями позднее те же сельскохозяйственные продукты обозначаются теми же словами: мука всегда называлась «дакык», сезам — «гильгилан» или «гульгулан», соль — «милх» и чечевица — «бильсин».

Самые престижные культуры, как кажется, — это виноград и пальма. Из винограда делают вино. Технология его изготовления и его роль в повседневной жизни остаются неизвестными. В одном тексте говорится о трех сотнях верблюдов, которые нагружены бурдюками с вином двух сортов, предназначенным для рабочих, которые заняты починкой Ма'рибской плотины. Такой ремонт признавался, судя по каравану, делом чрезвычайной важности. Но пока ни один давяльный пресс не обнаружен. Пальмовые рощи обычны в оазисах и в их окрестностях. Орошаемые поля Ма'риба и Райбуна и в наши дни нуждаются в очистке от пальмовых пней и корней. Пальма — дерево с многоцелевым применением. Несмотря на свои исключительные твердость и неподатливость в обработке, оно используется в строительстве — особенно крыш, ферм и других хозяйственных помещений. Финики давно уже высоко ценятся; по Плинию, из них гонится вино, готовится сорт хлеба, а некоторые племена скормливают их скоту. Возделывание пальмы требует больших забот: разбивают питомники, где растения пересаживаются сначала через год, затем через два года, причем их необходимо через определенные промежутки времени искусственно оплодотворять:

Утверждают, что пальмы женского пола, лишенные общения с пальмами мужского пола, не могут плодоносить и что обычно финиковые пальмы-самки во множестве обступают со всех сторон пальму-самца и

клонятся к нему своими кронами, чтобы ласкать его своей листвой; оно же, мужское дерево, стоит, напротив, очень прямо, топорща листья; своим гордым видом, своим дыханием и своей пылью (sic!) оно оплодотворяет своих подруг. Пальмы настолько сексуальны, что человек нашел способ искусственно их оплодотворять: собрав с пальмы-самца цветы, пушок, а также пыль у его подножия, он посыпает всем этим пальму-самку<sup>17</sup>.

Некоторые крестьяне отдают предпочтение пчеловодству. Мед как всегда был, так и остается поныне, высоко ценимым продуктом. Во многих долинах Хадрамаута неглубокие углубления между скалами дают приют ульям, сооруженным из дерева и глины. В Йасуфе же (в вадии Джирдан к югу от Шабвы) в подобного рода впадинах можно обнаружить не только кое-как прикрепленные улья, но и их изображение, выполненное по камню белой краской и подведенное темно-красной чертой. К тому же изображаемый на скале улей с характерной для него здесь башенкой, увенчанной зубчиками, помещается в самое средоточие каких-то черных точек... Приглядевшись, зритель догадывается: да это же пчелы! Художники, каждый на свой вкус, разнообразят картину: один пишет под нарисованным какие-то имена собственные, другой находит для дела полезным добавить еще слово «мед» («за'бас»), третий воспроизводит на камне столь любимых им верблюдов, четвертый предпочитает рисовать пасущихся антилоп и подкрадывающихся к ним охотников<sup>18</sup>... В другой местности Хадрамаута ульи собираются из деревянных дощечек, скрепленных строительным раствором; в таких ульях — два отверстия, обведенные красной краской; иногда улей декорирован под шахматную доску с красными и белыми полями.

В Хадрамауте нынешние потомки древних пчеловодов под ульи приспособляют небольшие скальные пещеры, причем используют их в двух различных, но связанных между собой целях: в сравнитель-

но низких и легко доступных пещерах хранятся запасы меда, сами же ульи расположены наверху. В той же местности ульи иногда устраиваются в выдолбленных древесных стволах, иногда — в длинных деревянных ящиках. В южноаравийскую эпоху пчеловодство было выгодным промыслом, о чем свидетельствует и Страбон («плодородная страна с множеством ульев»), и Плиний («сабейцы... производят мед и воск»).

Дать обзор развития античного земледелия нелегко. Древнейшей формой земельной собственности была, по-видимому, собственность коллективная: городские и сельские общины владели землей, скорее всего, именно в этой форме. В одном и том же наделе чередовались земли, отведенные под пальмовые рощи, с теми, что отдавались под зерновые. Ряд царских указов в период между IV и II веками до н.э. позволяет проследить тенденцию к постепенному сужению общинной собственности на землю и к расширению прав индивидуальных держателей земельных наделов. Указы, более того, открывают путь и к индивидуальному пользованию пастбищами, хотя община продолжает распределять участки под выпас скота и сохраняет общий контроль над ними. На пороге нашей эры частная земельная собственность, как нам представляется, уже преобладает, при этом правовое различие между возделываемыми землями и пастбищами проводится очень четко. Эти изменения в правовой области отражают глубинную социальную трансформацию<sup>19</sup>.

Даже грубо приближительная оценка урожайности, а также доходности различных отраслей сельского хозяйства выходит за пределы возможного. Остается неизвестным и то, внедрялись ли в изучаемый нами период какие-либо новые сельскохозяйственные культуры (культивировалось ли когда-либо в Йемене в сколь-либо широком масштабе, скажем, оливковое дерево?<sup>20</sup>) и доходили ли до региона какого-либо рода усовершенствования и изобретения в области агротехники. Система орошения посредством сооружения подземных галерей для сбора и вы-

вода на поверхность грунтовых вод была введена в действие до нашей эры, но более точная датировка остается гадательной<sup>21</sup>: часто называют V век, но достаточных оснований у такого мнения нет.

### *Скотоводство*

Скотоводство занимает видное место в сельском хозяйстве. Крестьяне дарят божествам фигурки своих домашних животных и просят доброго здоровья для их оригиналов. Чтобы составить список и приблизительно оценить количество домашних животных, следует, как это ни странно, обратиться к повествованиям о войнах Кариб'иля Ватара в VII веке до н.э. Они упоминают большое число захваченных верблюдов и другого скота: 150 тысяч было отогнано у племен к северу от Джауфа, 200 тысяч, включая крупный рогатый скот, ослов и мелкий рогатый скот, — у племен в районе Наджрана. Вообще, мелкий рогатый скот представлен весьма широко в рассказах о войне и прочих грабежах, что и позволяет судить о его высокой значимости. Раскопки в Райбу-не (Хадрамаут) показывают, что выращивание мелкого рогатого скота занимало центральное место в экономике района.

Скот, скотоводство часто фигурируют в написанных на нервюрах пальмовых листьев договорах о сдаче внаем. В одном из них говорится: три члена клана Ран'ан сдают внаем три взрослые овцы сроком на один год женщине по имени Бара'; Бара' обязывается ухаживать за животными, а их приплод и их шерсть будут по истечении срока договора поделены между двумя сторонами. Контракт уточняет, что семейство Ган'ан берет на себя риск, связанный с непредсказуемыми обстоятельствами — такими, как болезнь, засуха или бесплодие. Бара' должна будет следить за тем, чтобы овцы не причинили какого-либо ущерба (соседям?) и не были бы сожраны (дикими зверями?); в случае возникновения в связи с ними судебной тяжбы она должна выступать ответчицей. По завершении года взявшая на себя заботу об овцах

станет их полной собственницей; что же касается произошедшего от них потомства, то оно будет и в дальнейшем делиться по раз принятой пропорции<sup>22</sup>. Этот далеко не единичный текст отражает медленное распространение коммандитных договоров в области скотоводства.

Два животных заслуживают особого упоминания. Прежде всего это, конечно, верблюд, незаменимый в караванной торговле, единственной, кто в состоянии преодолевать огромные пустынные пространства со скоростью 300 километров в день. Верблюд наиболее из всех животных представлен в статуэтках из обожженной глины, из камня или из бронзы. Только он один упоминается прямо в посвящениях, только он один имеет многоцелевое назначение.

Лошадь появляется в Южной Аравии гораздо позднее верблюда — никак не ранее второй половины I века н. э. Надписи свидетельствуют о ее медленном распространении: четыре, пять, а потом с десятков лошадей задействованы в боях. Они будут насчитываться десятками в III веке н.э. и — сотнями в войнах IV века.

### *Экономика сельской местности*

Сельская местность лучше всего изучена, с точки зрения экономики, в Катабане — благодаря своду землепользования, начертанному на юго-западных воротах Тамны и на утесах среди полей.

В вадии Байхан землевладельцы неправомерно расширили обрабатываемые зоны, осваивая пустыри, принадлежащие общине и царскому домену. Указ, изданный царем Йада'абом Зубьяном в III веке до н. э., предписывает прекращение строительства ирригационных сооружений, запрещает возделывание некоторых участков, рытье колодцев и т. д. Другой эдикт сужает права на проведение ирригационных работ, ограничивает использование пастбищ на некоторых землях, принадлежащих одновременно царю и общине. Утесы, на которых эти тексты высечены, служат на местности вехами упомянутых зе-

мель, расположенных на самом краю вади<sup>23</sup>. Другой указ решает проблему с пальмовой рощей: ей не хватает воды, а чтобы водоснабжение улучшить, требуется проложить каналы по землям другого племени. Во всех случаях землепользование регламентируется царями и племенными собраниями. Так, по крайней мере, дело представляется исследователю.

Наконец, некоторые катабаниты владеют землями, расположенными в Дасине; чтобы до них добраться, требуется несколько дней пути. Некий фермер, Кахад, эксплуатирует находящийся в Дасине надел, взимая арендную плату в различных формах натуральной и денежной ренты<sup>24</sup>. Две надписи уточняют задним числом заключенные ранее соглашения и предусматривают создание ассоциации катабанийских землевладельцев в Дасне, которое выберет доверенное лицо («амина») по сбору всех видов ренты. Этот эталон будущих соглашений помещен под изображением божества, выступающего в роли патрона как землевладельцев, так и их арендаторов. В один из текстов включено царское соизволение на установление (разумеется, высеченных на камне) образцов «типового контракта» между землевладельцами и съемщиками в ряде городов, включая и столицу, Тамну. Роль царя — в данном, по крайней мере, случае — сводится всего лишь к регистрации и санкционированию соглашений, заключенных ранее между частными лицами.

В сотне километров к востоку от Тамны в вади Дура' длинная катабанитская надпись сообщает о том, что один человек из племени Касамум освоил для своей семьи и для своих родственников восемь тысяч единиц земельной площади (чему равна такая единица, остается неизвестным). Освоил, наладив на этих землях систему орошения. Перечисляются: колодцы, каналы, низинные пахотные земли, террасы, насаждения. Все это превратило часть долины в IV веке до н. э. в цветущий оазис<sup>25</sup>.

Дошедшие до нас документы не дают возможности хоть как-то оценить тяжесть налогов, лежащих на крестьянстве. Было ли оно раздавлено под их бреме-

нем? Исследователь скорее склонен предполагать, что землевладельцы, цари и частные собственники все же находили с земледельцами общий язык. В текстах отсутствуют какие-либо указания, прямые или косвенные, на крестьянские бунты или на избиения крестьянами сборщиков податей и рентных платежей. Тексты на дереве, в частности, создают, напротив, впечатление урегулированности отношений между сторонами, то есть достижение такого социального порядка, при котором возникающие по разным поводам разногласия не успевают разгореться в серьезный конфликт, а своевременно тушатся новыми краткосрочными соглашениями, которые восстанавливают поколебавшееся было равновесие. «Издание» царских указов во многих «экземплярах», «публикация» заключенных новых контрактов в нескольких «копиях», высеченных на скалах, достаточно ярко характеризуют социальный аспект сельской жизни в III—II веках до н. э.

В период архаики единственной или, во всяком случае, явно преобладающей формой торговли оставалась меновая торговля, в ходе которой производился обмен товара на товар без посредничества денег. В дальнейшем (и чем дальше, тем больше) меновая торговля вытеснялась денежной формой товарообмена. Образцом для первых монет местной чеканки, появившихся в обращении не ранее последних десятилетий IV века до н. э., послужила афинская серебряная тетрадрахма старого стиля. Копии от своего оригинала отличались только тем, что к имевшимся изображениям добавлялись одна или несколько букв, одна или несколько монограмм, символ Альманаха или легенда из шести букв. Так как добыча золота по размерам была ничтожна, на первых порах единственным монетарным металлом служило серебро, но и из него в течение IV века было отчеканено не более нескольких тысяч монет.

Что касается монет из бронзы, то они в обращении появились значительно позже, медленно распространяясь как в городе, так и в деревне. В окрестностях Шабвы на двух фермах ныне обнаружено бо-

лее сотни бронзовых монет, одна из которых — эллинистической чеканки первого века до н. э. Датировка монеты позволила раскрыть и приблизительный период существования по крайней мере одной из двух упомянутых ферм — той, на которой была найдена монета. Как видим, на рубеже нашей эры бронза в качестве монетарного металла заметно потеснила серебро.

В заключенных в Джауфе контрактах встречаются неоднократные ссылки на платежи особой монетой по имени «балат». Так, в одном тексте говорится об уплате за зерновой хлеб двумя монетами «балат» хорошей пробы. В другом автор записи обязуется уплатить храму некую сумму в монетах «балат»<sup>26</sup>.

Две надписи дают достаточно полное представление о товарообмене в южноаравийской деревне в последние века до нашей эры<sup>27</sup>. В первой из них Урйан'ат и Тав'ум, два землевладельца, поручают своему фермеру принести в жертву их божественному покровителю некое малое домашнее животное — овцу или козу. Они благодарят божество за благополучное прибытие мускуса, товара, который они намереваются реализовать и на который уже определили цену. Они заявляют об отправке ими груза сезама и сообщают о своем ожидании возвращения каравана с товарами равной стоимости. Во второй — женщина по имени Амвасан посылает своей сестре четыре корзины и два мешка благовоний, а также — муку, чечевицу и несколько корзин льняного семени<sup>28</sup>. Продукты сельского хозяйства превращаются, следовательно, в деньги, а благовония, такие, как мускус, импортируемый в Южную Аравию, в товар.

### *Экономика городов*

Попытка реконструировать отношения между городским ремеслом и сельским хозяйством встречает на своем пути непреодолимые трудности. Лишь один царский указ, изданный в Тамне, позволяет уточнить реалию рынка в южноаравийском контексте. Указ предписывает сосредоточить все виды тор-



говых сделок на рынке по названию Самар, ограничивая тем самым товарообмен между катабанитскими деревнями. По соображениям явно фискальным, первая статья объявляет Самар единственным рынком и ставит его под надзор должностного лица. Другие статьи вводят различия между катабанитами и иностранцами: последние должны при въезде в город платить пошлину и заручиться покровительством одного из катабанитов. В деревнях же розничную торговлю могут вести только катабаниты, получившие на этот вид деятельности специальное разрешение. В городах домовладельцы, принимающие к себе на жительство иностранцев, обязаны платить особый налог. Ночная торговля запрещается... из-за сложностей контроля над ней. Указ имеет целью оказать покровительство всем вообще катабанитским коммерсантам, защитить, в частности, мелких торговцев в их неравной конкуренции с их более богатыми коллегами и, наконец, пресечь товарообмен между иностранными купцами. Такой законодательный акт явно продиктован корпоративными интересами торговцев Тамны.

Торговцы и земельные собственники этого города образуют независимую городскую общину, автономную в ведении своих дел и способную противостоять, в случае необходимости, самой царской власти. Государь может осуществлять свою власть над горожанами и проводить в жизнь любое свое решение относительно города лишь при посредстве этой общины. Подобные же отношения между городом и царем отмечены в эллинистических монархиях Малой Азии, но, принимая во внимание разрыв в датах, невозможно предположить, что греческие учреждения были каким-то образом завезены в Южную Аравию.

### *Хрупкость городской экономики*

В экономике, в основном аграрной, город предстает прежде всего как рынок. Продукты питания продаются на этом рынке в рамках четкой регламен-

тации, иллюстрацией к которой служит только что упомянутая Тамна. Торговля такого рода обогащает, без сомнения, некую социальную категорию, которая не обязательно совпадает с той, которую принято обозначать как земельную аристократию. Крупные землевладельцы, которые руководят работами по ирригации и освоению целинных земель и которые взимают арендную плату и поземельные налоги с владений, иногда расположенных очень далеко от города, скорее всего, пренебрегают скромной торговлей пищевыми продуктами, предпочитая инвестировать денежные ресурсы в большую коммерцию. Итак, правдоподобно предположить, что сколь-либо выгодная торговля продуктами сельского хозяйства освоена перекупщиками-иностранцами, минейцами в первую очередь. В конце концов, поливная система земледелия позволяет лишь узким слоям населения непосредственно эксплуатировать отнюдь не обширные земли. Разумеется, кочевое и полукочевое скотоводство может принести дополнительные продукты, но основное богатство имеет своим источником именно оазисы. Между тем экономическая отдача оазисных земель, весьма переменчивая в силу зависимости от нормы годовых осадков, находится еще в зависимости и другого рода — от эффективности в организации и от слаженности в работе населяющей оазис сельской общины. Если последняя не в состоянии успешно восстанавливать все то, что периодически разрушается паводками, и противостоять наступлению ила на поля — площадь обрабатываемых земель сокращается. Поскольку время от времени вспыхивают вооруженные конфликты и свирепствуют эпидемии, поля не возделываются столь же усердно, как в лучшую пору, а земельная аристократия далеко не всегда располагает свободными средствами для новых инвестиций.

На фоне этой постоянной неустойчивости концентрация ресурсов, необходимая для обеспечения процветания городского общества, зависит как от местных факторов, так и, наверное, еще в большей мере — от факторов внешних. Благосостояние горо-

дов связано с развитием караванной торговли, с безопасностью пути и, в особенности, с политическим равновесием на территориях, по которым караванные пути пролегают. Между тем войны, не столь уж и редкие между соседними государствами, должны прерывать торговые связи на более или менее продолжительные промежутки времени и тем самым приостанавливать получение ожидаемой торговой прибыли. Вообще, соотношение между сельским хозяйством и большой торговлей не так уж просто уловить — из-за отсутствия каких-либо количественных показателей. Нет доказательств того, что торговые прибыли в массовом порядке вкладывались в земледелие. Напротив, они наверняка позволяют финансировать строительные программы, гражданские и культовые. В том, что некоторые из последних так и остались незавершенными, видна переменчивость фортуны.

По всей видимости, города, расположенные по караванным путям ладана, как раз и служат всего лишь точками этого транзита да еще — станциями перераспределения по новым маршрутам товаров, прибывших издалека. Им, этим городам, нечего экспортировать, и ремесло занимает в них, как представляется, лишь незначительное место. Археологи так и не натолкнулись на образцы какой-нибудь парадной ткани местного производства, а иконография демонстрирует всего лишь одежды из обыкновенного льна. В конечном счете хорошо известны лишь профессии, связанные со строительными работами. Да еще — с письмом.

### *Строительные профессии*

Строительство поглощает очень большую, если не большую, часть той рабочей силы, что получила предварительную профессиональную подготовку (о крестьянах, работающих на строительстве гидротехнических сооружений, здесь речь не идет). Существует целая лестница строительных ремесел, а на самой нижней ее ступеньке — камнеомы.

Это они сопровождают вырубленные ими же в карьерах глыбы из известняка в подъеме на вершину одного из тех холмов, что высятся над Шабвой. В то время как бригада других рабочих — строителей-дорожников — готовит дорогу на крутом склоне, ведущем к городу, для спуска громоздких блоков, они тут же, на вершине, и превращают бесформенные глыбы в блоки, придавая им вчерне форму куба или прямоугольного параллелепипеда.

В каменоломнях Джауфа они же из известняково-ракушечной породы вырубают огромные монолиты, которые пойдут на строительство святилищ. Многие более или менее обтесанные блоки уже дожидаются, когда подойдет их черед, у выезда из карьера. На них нанесены какие-то знаки, очень напоминающие маркировку собственника. К сожалению, ничего определенного нельзя сказать ни о способах транспортировки таких махин (вес которых, если судить по примеру храма Асара в аль-Савде, достигает 6—7 тонн), ни о том, как они монтировались.

Доставленные из карьера блоки, лишь отдаленно напоминающие своим контуром прямоугольный параллелепипед, сваливаются у подножия стены строящегося здания<sup>29</sup>, чтобы подвергнуться здесь дальнейшей обработке. Строители уже следующей специализации, специализации камнетесов, устраняют лишь самые грубые отклонения от нормы у тех блоков, что лягут в фундамент. Те же блоки, из которых будут слагаться, например, стены, подлежат обтесыванию более тщательному.

Следующий этап гораздо сложнее двух предыдущих. Задача состоит в подготовке блоков к наиболее, по возможности, плотной их стыковке друг с другом. Она предполагает огранку блоков так, чтобы «грань ожидания» одного в точности соответствовала «грань приложения» другого, что требует, конечно, куда более квалифицированного труда — труда огранщиков. В Ма'ине и в аль-Байде огранщики отказываются от простейшего решения — от создания на смежных гранях двух блоков абсолютно ровной и гладкой поверхности. Нет, они идут по более трудоемко-

му пути, добиваясь того, чтобы выпуклости грани приложения в точности вошли в проделанные ими углубления на грани ожидания. Таким образом, несмотря на неровности поверхностей обращенных одна к другой граней или, вернее, благодаря этим неровностям, блоки сочленяются так плотно, что между ними невозможно просунуть лезвие ножа. Такая техническая доблесть несомненно ошеломила бы нынешних каменотесов, узнай они о ней.

Затем надлежит поднять эти блоки, весом в среднем в полтонны, на верх стены, высотой от 8 метров, как в Ма'ине, до 14 метров, как в Баракише. Плотники, без сомнения, использовали сквозные отверстия в стенах для установки временных помостов и более легких конструкций. Как только блоки заняли положенное им место, начинается последний этап строительства: общая зачистка стены с ее верха до основания с помощью особых лопаток, а также покрытие внешних зачищенных граней блоков насечкой. Этот тонко выполненный орнамент по камню представляет собой характернейшую черту южноаравийского зодчества. По завершении зачистки граверы могут приступить к начертанию монументальным шрифтом соответствующих надписей.

Одновременно и параллельно с каменных дел мастерами работают плотники. Открытие в развалинах царского дворца в Шабве великого множества балок (они исчисляются многими сотнями) показало, что все элементы деревянного каркаса изготовлялись и заготавливались заблаговременно — до начала строительства или проведения капитального ремонта. Стандартизированные по размерам продольные брусы и стояки были сложены у подножия строящегося здания и использовались в ходе монтажных операций, скрепляясь посредством штырей, входящих в гнезда. В тех случаях, когда балка оказывалась короче, чем требовалось, ее наращивали, камуфлируя сочленение двух отрезков каким-нибудь украшением, чаще всего традиционными зубчиками, окрашенными в красный цвет. Подготовительные к монтажу работы и сам монтаж производились, по всей

видимости, разными бригадами строителей, действия которых координировались главным руководителем стройки.

Такие большие стройки, как возведение городских крепостных стен или царских дворцов, задействовали, причем на длительные сроки, огромное количество квалифицированной рабочей силы, предполагая вместе с тем и очень значительные финансовые усилия. Насколько тяжелым было давление этих двух факторов на местную экономику? Относительно первого стоит заметить: стройки эти, как ни были они велики, все же не приводили к отрыву крестьян от их полей. А вот финансовые ресурсы порой опускались до нулевой отметки. И тогда строительство прекращалось. Так, большие участки крепостных стен Ма'ина и ас-Савды никогда не подвергались зачистке<sup>30</sup>, этой обязательной операции, которой завершается строительство. Неудивительно, что возведение этих укреплений продолжалось при жизни нескольких государей; в Баракише строительство крепостного пояса затянулось на два столетия — на VI и V века до н. э.

Со строительством так или иначе связано множество профессий, которые нельзя признать строительными в полном смысле слова. Одни ремесленники заняты изготовлением алебастровых рамок, используемых для украшения окон или слуховых окон (последние весьма обычны во внутренних деревянных блоках). Скульпторы прилагают немало стараний к тому, чтобы украсить фриз головой ибекса или верх крепостной стены — фантастическими сюжетами или лестницы — бронзовыми изваяниями. Другие тщательно полируют блоки, чтобы пустить по ним поясной карниз с надписями, или создают подлинные шедевры — большие алебастровые плиты с изображением присевших на задние ноги или стоящих каменных баранов, плиты, служащие украшением храмов в Бар'ане и Ма'рибе. Некоторые художники в своих мастерских вырезают из известняка статуэтки, столь обычные в святилищах и на надгробиях. Головы из алебастра с инкрустированными глазами

из полудрагоценных камней и с буйной шевелюрой очень характерны для этой отрасли южноаравийской скульптуры, тесно связанной с архитектурным декором. Специалисты по бронзе отливают из нее статуэтки, статуи в натуральную величину (подобные тем, что мы встречаем в храме Аввама в Ма'рибе), изготавливают из нее же множество шкатулок с внутренними перегородками, лампы, статуэтки быков и верблюдов, тарелки и маленькие вазы.

### *Писцы и архивариусы*

Уже давно высказывались предположения относительно того, что тексты первоначально составлялись писцами и только потом воспроизводились монументальным шрифтом на камне. Имелся всего один текст, в известной мере подтверждавший догадку: царь Катабана повелел опубликовать свой указ на дереве и на камне, но его подпись, видимо, была на дереве. Недавнее открытие сотен исписанных пальмовых побегов пролило совершенно новый свет на ремесло писца. Отныне стало очевидным, что скриббы-профессионалы писали на дереве, а потом эти тексты сдавали в архив.

Эти писцы выбирали нервиоры пальмовых ветвей в зависимости от их качества, сдирали с них кору и начинали на них писать, придерживая их за одну из оконечностей. Они, очертив поля, писали справа налево относительно оси палочки, поворачивая их в соответствии с длиной текста, заканчивали текст ко-со и иногда подписывались своим именем. Эти микроскопические буковки свидетельствуют о ловкости и уверенности руки, которые даются лишь профессионалам. Их инструмент известен: тонкие и очень острые стержни, «стили», из железа и бронзы. Стили из слоновой кости обычно подразумевают письмо на деревянных дощечках, покрытых воском, а эти писцы учились писать на палочках. Один из них пытается вырезать по порядку весь алфавит, но ошибается в самом начале, вновь начинает сбоку и останавливается на двадцать третьей букве<sup>31</sup>. В такого рода

упражнениях неправильное начало, а затем повторение «всего сначала» не столь уж редки.

В том обществе, которое в подавляющем большинстве своем состоит из людей неграмотных, писец играет роль незаменимого посредника. Частные лица прибегают к его помощи при составлении договоров. Автор письма, обращаясь к своему адресату во втором лице, сам себя называет в нем в третьем, что подразумевает посредничество писца. Этот непрямой эпистолярный стиль хорошо известен на Древнем Востоке. То, что профессия, связанная с таинством письменности, была достаточно престижна, — разумеется само собой. Но пользовались ли ее представители высокой репутацией, общественной признательностью — это уже другой вопрос.

Тексты сразу же после их написания подлежали классификации. Сквозь нервы пальмовых веточек проделывалось отверстие — несомненно для шнура, который позволял и повесить текст в удобном месте, и составить связочку из нескольких текстов, посвященных одной и той же теме. В одном из текстов речь идет о некоем документе, скрепленном печатью на воске. Время от времени писец или архивариус, собрав прошедшие через его руки документы, их классифицирует. Так, одна разветвленная палочка представляет собой контракт, составленный в двух экземплярах, подписанных отправителем; получатель должен был один из них, подписав и скрепив печатью, вернуть экспедитору, а второй оставить у себя<sup>32</sup>. Стало быть, должны существовать архивы, публичные или частные, в которых бы хранились такого типа документы: надежда на то, что они где-то хранятся и однажды откроют перед исследователями свои тайны, придает первым переводам с текстов на дереве исключительную значимость.

Нужно, наконец, упомянуть и ремесленников, которые специализировались в письме на бронзе. Они умели делать надписи рельефными буквами монументального шрифта, понижая, вытачивая поверхность, которая их окружала. Такие надписи производились на прямоугольных бронзовых пластинах с



отверстиями для крепления к стене. Эти бронзовые дощечки предназначались для заявлений о каких-то ценных пожертвованиях в пользу храма и, как правило, вделывались в его стены. Подобного же рода рельефные надписи, выражающие обращение к бо-жеству, встречаются также и на некоторых бронзо-вых вазах.

### *Стены и пустыни*

Хотя оазисы со своими городами играют важную роль в экономике страны, они тем не менее занимают всего лишь ничтожную часть ее территории. Засушливые зоны представляют собой природную среду обитания в Южной Аравии по преимуществу, что и роднит ее с Срединной Аравией, с Северной Аравией и, наконец, с восточным Средиземноморьем. Экономика на этих обширных пространствах служит всего лишь дополнением к экономике оазисов.

С точки зрения античных авторов, все это пространство от восточного Средиземноморья до Индийского океана — страна Сценитов («тех, кто живет в палатках»). Это, к примеру, то название, которое Страбон дает арабам Месопотамии, арабам, расселившимся между Евфратом и Сирией, а также — сирийским арабам, которые жили в области Апомеи Сирийской. Палатка — их первый атрибут. Кочевники и полукочевники, они легки на подъем, без сожаления бросают едва насиженное место, но — уязвимы, как только палатки их уничтожены. Вот одно из средств борьбы с ними. «Я нанес ей сокрушительное поражение, сжег ее палатки и захватил ее, живую, в плен»<sup>33</sup>, — сообщает Ашшурбанипал в своем рассказе о войне с царицей Адиа.

Второй атрибут арабов — стадо, оно рассматривалось древними как их, арабов, сущностное отличие от прочих народов. Все эти авторы в первую очередь упоминают мелкий скот — коз и овец. Геродот повествует о том, что «у арабов — два вида баранов, каждый из которых достоин восхищения и не встречается нигде больше. Животные, принадлежащие к пер-

вому виду, наделены очень длинным хвостом (курдюком?) — величина его достигает трех локтей; если бы они волочили его по земле, он быстро покрылся бы язвами; однако всякий пастух прекрасно знает, как помочь беде: он мастерит из дерева маленькие повозочки, на которые и возлагает бараньи хвосты, привязывая последние к первым крепко-накрепко. Бараны второго вида имеют, напротив, хвосты весьма широкие — до одного локтя и более»<sup>34</sup>.

.. Так арабские овцы представлены в легендах; что же касается исторической истины, то она открывается с первого взгляда, брошенного на нынешних весьма тощих животных. Этот тип скотоводства возможен лишь на «бордюре» пустыни, но никак не на ее внутренних просторах. То есть там, где годовая норма выпадения дождей колеблется между 100 и 150 миллиметрами и где колодцы не столь отдалены друг от друга. Другими словами, выращивание мелкого рогатого скота становится главным занятием обитателей «бордюра» пустыни, который в то же время является «бордюром» земледельческой зоны, с которой он связан тесными узами обмена продуктами. На этой основе кочевые и оседлые племена поддерживают свои экономические отношения.

Однако «стержневым» животным всего кочевого хозяйства безусловно является верблюд: это подтверждается всеми дошедшими до нас текстами, от ассирийских надписей IX века до н. э. до Страбона. Верблюд вторгается в военное искусство в 853 году до н. э. в ходе битвы при Каркаре в Сирии: Джиндубу Арабая вводит в бой тысячу воинов верхом на верблюдах. В ту же эпоху верховые верблюды, одногорбые и двугорбые, украшают собой барельефы Каршемиша и Телл Халафа, а также бронзовые створы ворот Балавата. Итак, начиная с IX века в области «Благодатного Полумесяца» верблюд используется уже не только как источник мясной пищи, но также как средство передвижения и транспортировки грузов и как боевое животное. Впоследствии, в эпоху царствований Тиглата-Паласара III, Саргона II, Сеннахериба и Эзархаддона, племена «Ариби» (арабов)

ведут свои войны, не слезая с верблюдов. Ассирийцы захватывают верблюдов или получают их в качестве дани от арабов. Редкие цифровые данные представляются знаковыми: царица Самси теряет в битве тридцать тысяч верблюдов, что свидетельствует о росте верблюжьего поголовья в сирийской пустыне, по крайней мере до VII века до н. э.

Это распространение верблюда как средства транспорта и войны может быть поставлено в зависимость от развития караванной торговли, пересекающей своими маршрутами всю Аравию, с севера на юг. Правдоподобно предположить, что пути эти прокладывались именно с севера, а не с юга<sup>35</sup>. Вопрос о датировании начала этой торговли остается открытым. Возможно, ладан достигал восточного побережья Средиземного моря уже в IX веке, но — лишь время от времени, довольно случайно. Только в VIII—VII веках такие поставки учащаются, становясь даже регулярными. Ладан, прибывающий в Ассирию, обозначается в ту эпоху южноаравийским словом «либней». В Хиндану на Среднем Евфрате в IX—VIII веках до н.э. имелся склад ладана. Южная Аравия, по-видимому, приняла эстафету от сирийской пустыни в деле выращивания верблюжьего молодняка: именно там с тех пор стали составляться большие караваны, отправляющиеся на север. Воздействие этой торговли на экономическую жизнь окраин пустыни было значительным. Страбон, а за ним Диодор говорят об этом, приводя в качестве примера племя Дебов, живущее на севере Йемена:

Эта страна, сообщают они, населена кочевниками, которые живут или, точнее говоря, выживают благодаря своим верблюдам, которые служат им одновременно и для войны, и для путешествий, и для перевозки грузов, давая им вместе с тем молоко как питье и свое мясо как пищу<sup>36</sup>.

Верблюдоводство находило в большой караванной торговле постоянный и надежный рынок сбыта по высоким ценам. Каждый год караваны задействовали верблюдов тысячами, а за ними нужно было

ухаживать и их кормить: на этой основе верблюдоводы и оседлое население завязывали взаимовыгодные отношения. Посредством нее кочевники арабы входили во все более регулярные контакты с южными аравитянами в городах и деревнях. Первые служили вторым как проводники и как солдаты. Хотя «кочевников» и «арабов» эти аравитяне обозначают разными словами, нет никакой уверенности в том, что между ними когда-либо проводилась четкая граница: арабы и были пастухами-кочевниками.

---

## БОГИ И ИХ ХРАМЫ

Боги Южной Аравии неотделимы от оазисов. Их личностные характеристики и их культы так или иначе тесно связаны с земледелием: все они, предположительно, дают дождь или способствуют орошению. Отсутствие у них специализации, разделения труда между ними уходит корнями в обособленность каждой данной долины: сияние того или иного божества не выходит за пределы четко очерченной области, а иногда область эта сводится всего лишь к одному городу, подчас даже к одной деревне.

Только одно божество в южноаравийскую эпоху почитается повсеместно: 'Астар. Всем государствам региона он известен под одним и тем же именем, и имя это всегда при перечислении богов называется первым. Когда Саба' расширяет свое господство почти до пределов всей Южной Аравии, культ Альмакаха становится обязательным во всех племенных группах, успевших к той поре обзавестись собственным пантеоном. Такого рода возвышение одних божеств за счет других вряд ли способствовало рационализации теологических концепций. Упоминания божеств в сабейских надписях исчисляются многими десятками; большинство из них относится к самой Сабее, но некоторые из сабейских божеств почитаются и в других царствах<sup>1</sup>.

Наше знание южноаравийского язычества жестко сдавлено пределами наличной документации, а она, в свою очередь, сводится к данным всего лишь эпиграфики да археологии, к весьма скудным данным, несмотря на видимое обилие надписей. Число последних, если суммировать высеченные на камне со сделанными рельефными буквами на бронзе, приближается к восьми тысячам (!), однако монументальный шрифт, используемый в обоих случаях, плохо, как видно, приспособлен к передаче литературных и религиозных текстов: религиозные обряды, списки богов, составлявших местные пантеоны, магические заклинания и речения оракулов — все это и многое другое из религиозной практики остается неизвестным. Всего лишь один (!) религиозный рифмованный гимн дошел до нас, да и то далеко не из седой старины, а всего лишь из I века н. э. Если иметь в виду эпиграфику, то данные этой науки позволяют в лучшем случае соотнести имя или эпитет такого-то бога с таким-то храмом или идентифицировать божество на основе анализа обращенных к нему посвящений или молений.

Раскопки, ведущиеся вот уже более двух десятилетий, выявили немало святилищ. Однако они молчат о том, какие же священнодействия развертывались в этих святилищах. Изваяния богов вполне могут быть антропоморфными; беда, однако, в том, что статуи людей, которые могли бы, при некотором усилии воображения, сойти за изображение божеств, крайне редки. Ни одной бронзовой статуи не удалось извлечь из-под обломков двух больших храмов — Саййина в Шабве и Бар'ана в Ма'рибе. Декоративные элементы фризов часто воспроизводят фигурки каменных козлов, сидящих или стоящих, быков, газелей, но представителями каких именно божеств эти животные выступают — этот вопрос остается открытым. Довольно абстрактные божеские символы могли бы быть распознаны, так как они сопровождают надписи, содержащие в себе имя божества. К сожалению

нию, такого рода надписи, во-первых, немногочисленны и, во-вторых, весьма скудны по содержанию. В глубокой древности религиозная иконография, вообще, довольно однообразна. Лишь в начале нашей эры появляются изображения божеств, вдохновленные греко-римским искусством. Однако импортные боги не обозначаются в надписях своими иноземными именами, и то, с какими местными божествами они оказались ассимилированы, остается неясным<sup>2</sup>.

К этим неуверенностям добавляется и расплывчатость эпиграфических данных. Положим, иерархия богов более или менее известна благодаря «заключительным воззваниям»: посвящение богам каких-либо лиц или объектов всегда завершается призывом к богам взять под свое покровительство это лицо или этот объект — призывом ко *многим* богам. Таким образом, можно из общего их списка выделить пары богов одного и того же пола или противоположных полов. Однако имя женских божеств не обязательно имеет грамматическую форму женского рода: подчас неизвестно, идет ли речь о боге или о богине. Другая двусмысленность: ассимиляция южноаравийского пантеона с бедуинской триадой — Отцом-Луной, Матерью-Солнцем и Сыном-Венерой<sup>3</sup>. Хотя некоторые божества — такие, как 'Астар (близкий к месопотамской Иштар) или как Шамс (богиня, а не бог Солнца), — имеют явно выраженный астральный характер, они в этом отношении скорее исключение, чем правило. Южноаравийская религия, если ее взять в целом, представляется совершенно чуждой всяким астрономическим заботам и занятиям. В отличие от ассиро-вавилонских верований она не держит в себе никакого культа небесных светил.

Античные источники не идут далее внешних наблюдений и аналогий. Пытаясь сблизить южноаравийских богов с греко-римскими божествами, Геродот, Диодор Сицилийский, Плиний Старший, Плиний Младший нагромождают материалы, которые не годятся для использования. Что касается арабских источников, то они вспоминают об «эпохе невежества» только для того, чтобы ее сурово осудить.

## *Бог 'Астар*

Бог 'Астар, почитаемый всеми племенами Южной Аравии, занимает в пантеоне первое место. Это бог грозы и естественного орошения — дождя, в противоположность искусственной ирригации засушливых зон; это бог грома, часто называемый «Шарикан» («Восточный»); это бог-мститель, к которому взывают, чтобы он покарал осквернителей погребений. Среди ритуальных действий, посвященных 'Астару и его спутнику, другому божеству по имени Кирвам, в первую очередь воспроизводится охота. Сабейские государи прибегали к этому роду священнодействия, чтобы испросить у бога дождя: по-видимому, именно так газель становится атрибутом 'Астара. Этот бог занимал первое место и в церемониях федерации, имевшей целью объединение различных племенных общин в Сабейском государстве.

## *Бог Альмаках*

Альмаках формально не входит в число богов первого ранга, и это потому, что 'Астар и Хавбас уже закрепили за собой высшую иерархическую ступень еще в предыдущие эпохи. Однако он — главный бог у сабейцев. Альмаках — бог земледелия и искусственного орошения и, быть может, бог ирригации — в первую даже очередь, так как именно искусственное орошение позволило превратить Ма'риб в цветущий оазис. Атрибут этого бога — бык и в некоторых случаях виноградная лоза. Альмаках — солнечное божество, символизирующее собой мужское начало и мужскую мощь, между тем как Шамс (Солнце) — богиня, выступающая в двойной роли супруги Альмакаха и покровительницы царского рода Сабы.

Роль же самого Альмакаха была осевой в процессе образования Сабейского государства, о чем и свидетельствуют две большие надписи в Сирвахе, выполненные по повелению Кариб'илия Ватара. Сабейская народность называется в них «потомством Альмакаха», а Альмаках занимает, стало быть, место мифиче-



ского предка всех сабейцев. Сабейская экспансия распространяет культ Альмакаха на другие племена, побежденные или даже союзные. Царь Камны, возведший башни в кольце крепостных стен города Нашк, посвящает их Альмакаху, царям Мар'яба (Ма'риба) и Сабе. Когда сабейцы овладевают городом Нашшан, они обязывают его обитателей построить внутри его стен храм, посвященный Альмакаху: это символ подчинения. Племена Высоких Земель при своем присоединении к Сабе, без принуждения с ее стороны, сооружают святилище Альмакаха, которое становится местом благочестивого паломничества для всех жителей этой области. Таким же образом многочисленные святилища Альмакаха возникают на землях племени Бакиль, к северо-западу от Саны, ближе к Амрану и Райде<sup>4</sup>.

На приграничных с пустыней землях святилища в честь Альмакаха возводятся во множестве. Больше всего их — в самом Ма'рибском оазисе, а самое величественное из последних — тот храм, что в надписях называется «Аввам» (ныне «махрам Билкис», то есть «храм Билкис», легендарной царицы Савской) и посвящен «Альмакаху Сахвану, господину Аввама». Именно здесь ежегодно в июне собирались толпы паломников.

Второй большой храм находится довольно близко от только что упомянутого, в местечке аль-Амйад («Столбы»), он именуется в надписях «Бар'ан», а ныне местными жителями — «Арш Билкис» («Трон Билкис»). Бог, который здесь почитается, носит титул: «Господин Маската и Тот, кто пребывает в Бар'ане»<sup>5</sup>. Третий храм должен бы находиться в крепостной стене, опоясывающей Ма'риб, но точное место его расположения до сих пор не обнаружено. В тридцати километрах к югу от Ма'риба высится огромное святилище аль-Масаджид, называемое также «Ма'рибум»<sup>6</sup>. Это — огороженное священное пространство размером 110 метров на 46 метров, к которому подводит монументальный портал с колоннами, ныне разрушенными. Посреди него расположен собственно храм в обрамлении внутреннего двора, образуе-

мого портиками и крылом того же храма, крылом, в котором находятся целлы (внутренние святилища, содержащие в себе скульптурное или живописное изображение божества).

### *Хавбас*

Хавбас — божество малоизвестное. В одних текстах оно — бог, в других — богиня. Но, как бы то ни было, в надписях оно появляется ранее Альмакаха, чем и доказывает свое старшинство по отношению к нему. Его имя украшает собой вырубленные в скалах бассейны на одной из вершин Джебеля Балак, возвышающегося над Ма'рибом. Это божество затем исчезает из надписей эпохи мукаррибов для того, чтобы появиться вновь к VI веку до н. э. Его введение в официальный пантеон совпадает, без сомнения, с введением в Сабу новых племен. И наконец, Хавбас — в большой чести у сабейцев, обосновавшихся в Эфиопии: до нас дошло несколько их посвящений ему<sup>7</sup>.

### *Главные национальные божества*

В царстве Ма'ин главное божество его народа называлось «Вадд» — «Любовь». Происходя, вероятно, из срединной или из северной Аравии, оно, тем не менее, почиталось в ряде царств на юге полуострова. Это — лунное божество, называемое иногда попросту «Луной». Вместе с тем оно — мужского пола, это — бог-покровитель, который, в качестве мифического родоначальника, призывается на помощь магической формулой Вадд-Абб («Вадд — отец»), высеченной на множестве амулетов вместе с его символом — с лунным полумесяцем со звездой (эта «звезда» — планета Венера). Животное-атрибут у Вадда — змея, символизирующая собой плодородие почвы, а также всякую плодовитость — людей и животных.

В Катабане национальное божество носит имя «'Амм» — «Дядя» (со стороны отца), что указывает на его функцию и на его место в пантеоне, но скрывает его подлинную сущность. Катабаниты называют се-

бя, помимо этого имени, еще и «детьми 'Амма», то есть «происходящими от Дяди». Понятие Государства у катабанитов выражается двойственно: «'Амм и Ан-би». Последнее божество занимает третье место, после 'Астара и 'Амма, в катабанитских заклинаниях. Поскольку 'Амм рассматривается как общий покровитель, можно предположить, что катабанские цари подразумевали под этой восходящей линией родства все разнообразие племен, составивших Государство. 'Амм, таким образом, в первую очередь является покровителем катабанитской династии, и от его имени государь руководит земледельческими и связанными с земледелием работами, разграничивает собственность и дарует права на обладание ею. Согласно этимологии, 'Амм — это «тот, кто объявляет»; и он, следовательно, мог бы быть сближен с вавилонским богом Набу, который, в свою очередь, отождествляется с планетой Меркурий<sup>8</sup>.

В Хадрамауте национальное божество называется «Саййин», что означает «бог-Солнце». Так же, как и в Катабане, жители Хадрамаута суть «дети Саййина», Государство обозначается формулой, в которой фигурируют два божества: «Саййин и Хавл и Йада'иль (царь) и Хадрамаут», что соотносится, возможно, с двумя племенами. Греко-римские авторы дают о Саййине и его культе очень скудную информацию. Теофраст рассказывает, что ладан свозится в храм Солнца, который им, по ошибке, помещен у сабейцев<sup>9</sup>. Плиний Старший сообщает, что жрецы взимают с продажи ладана пошлину в пользу бога «Сабис», так как это божество потчует чужеземных купцов бесплатными яствами в течение определенного числа дней.

В Хадрамауте Саййину посвящено множество храмов. Главный из них находится в Шабве: прислонившись торцом к крепостным сооружениям аль-'Акаб, он возвышается над главной улицей города. С наружной стороны крепостной стены, уже вне ее, но «лицом» к ней на холме располагается еще одно святилище, вероятно, того же Саййина. В Хадрамауте бог Саййин частенько к своему имени добавляет тот или

иной эпитет: так, известен Саййин зу-Хальсум (Саййин местности Хальсум), имеющий храм в Бакитфе, к востоку от Тирама, известен Саййин зу-Алим (Саййинбритуальных пиршеств) недалеко от Шибама и т. д. Как правило, культу этих божеств посвящена пара храмов — один в ограде города, другой за его чертой, но в ближайших окрестностях. Однако Саййин может служить предметом поклонения одновременно и горожан, и жителей сельской местности. Точно так же он может выступать как синкретичное божество: в одном из храмов, построенных вне города Райбуна, Саййин отождествляется с 'Астаром и с зат-Хамйамом.

### *Другие божества*

Не все божества принадлежат к официальному пантеону того или иного царства, даже в случае, если их культ получил широкое распространение. Есть боги, которые почитаются только одним племенем, одним городом, одной местностью. К таковым относятся, например, Сами, ареал почитателей которого охватывает Джауф и Высокие Земли в Йемене в области Райда. В районе к северу от Саны с очень ранних времен отмечен культ Кухалья, который был упразднен, когда сабейцы утвердили там свое влияние. Некоторые боги могут быть всего-навсего домашними божествами. Их обозначают довольно темным термином «шамс» (не следует путать это имя нарицательное с именем собственным «Шамс» — богини Солнца), который означает нечто среднее между «заступником» и «хозяином дома». В доме имеется священное пространство для принесения им жертв, чем и объясняется наличие в жилище алтарей для воскуривания фимиама и столов для совершения возлияний<sup>10</sup>. Иные боги известны лишь своими родственными узам с более знаменитыми: «мать 'Астара», «сын Хавбаса», «дочери иля» (то есть дочери некоего незнаемого божества) и «служитель Альмакаха»<sup>11</sup>. Стоит, в заключение, уточнить, что южноаравийские государи, в противоположность эллинистическим,

никогда не обожествлялись. Они не могут быть объектом никакого культа, так как они — всего лишь «служители богов».

### *Боги без человеческого облика?*

Имели ли южноаравийские божества облик и подобие человека? Ответ далеко не очевиден. Во всяком случае, на воспроизведение человеческого облика не был наложен запрет так, как это произошло позднее, уже в эпоху ислама. В ходе раскопок обнаружено довольно большое число статуй, а также украшенных фигурками панно, однако ни те ни другие никогда не сопровождаются текстами, разъясняющими, кто же именно здесь представлен. Многие святилища в Джауфе украшены изображениями каких-то персон, вероятнее всего женщин, но их имена никогда не появляются в надписях, высеченных на колоннах. Те же храмы подарили археологам бронзовые статуэтки и скульптурные головы из алебаstra, но это скорее приношение в храм по обету, а не образы богов.

Различно влияние областных традиций. Наиболее древние храмы Джауфа, восходящие к VIII веку до н. э., являют собой яркое развертывание сложных декоративных программ. В каждом из них колоннада портиков и колонны внутри здания покрыты декоративными панно с изображениями животных, растений и каких-то персонажей. Это декоративное буйство характеризует в первую очередь храмы 'Астара в ас-Савде и Матабнатийан в Хараме. В сабейских областях храмовая архитектура, напротив, более сдержана в своем отношении к декору. Ни одно из больших святилищ Ма'риба и Сирваха по своему внутреннему убранству не идет ни в какое сравнение с храмами в Джауфе. Элементы орнамента (украшение фризов, пластины с изображением каменных козлов и др.) присутствуют, но они не смягчают общей суровости архитектурного стиля. Пусть сабейские святилища полнятся статуями из бронзы, надписями на стелах — им не дано произвести на зрителя такой эффект, какой производят культовые памят-

ники Джауфа. Внешнее различие между ними проистекает из глубинного расхождения в концепции пространства вообще, священного пространства в частности. Сабейская традиция в некоторых отношениях близка к обычаям Северной Аравии<sup>12</sup>. Что касается катабанитских святилищ, то они, насколько известно, еще менее декорированы, чем сабейские.

Животные многообразных видов представлены как в храмовых изображениях, так и в прочих произведениях искусства. И прежде всего — рогатые животные: быки, буйволы, антилопы, каменные козлы. Некоторых из них распознать легко — лежащих быков, ориксов с длинными изогнутыми рогами, страусов... Распознавание других сложнее, особенно если представлены всего лишь их головы. Ибекс (или каменный козел) узнаваем, впрочем, с первого же взгляда по неповторимому изгибу его длинных рогов. Он был, несомненно, некогда широко распространен в горах Йемена. Ныне он встречается только в Хадрамауте, где охота на него разрешается лишь в исключительных случаях. Ибекс (чаще всего в лежащем положении) украшает собой те алебастровые доски, что служат элементами внешнего декора на сабейских храмах Ма'риба и Джебеля ал-Лавза; встречается он — стоя или присев на задние ноги — и на пилонах и архитравах святилищ в Джауфе; изображения его головы анфас проходят нескончаемой чередой по фризам, венчающим собой стену храма в Сирвахе. Ибекс считается животным Альмакаха, и это так. Но он же входит в декор святилищ 'Астара в ас-Савде и Матабнатийан в Хараме. Он, следовательно, атрибутивное животное не одного-единственного, а двух, по меньшей мере, богов.

Бык символизирует прежде всего Альмакаха. Однако и другие боги (например, Сами) представляются в виде того же животного. В храмах 'Астара с его изображением анфас сталкиваешься чуть ли не на каждом шагу. Не следует, стало быть, рассматривать его как атрибут какого-то конкретного бога. Скорее он выполняет функцию символа в отношении некоторых свойств, которые присущи многим богам, бо-

гам как таковым. С образом быка связываются, очевидно, такие представления, как сила и надежда на возрождение после смерти. В областях Катабана и Сабы бычья голова — обычный элемент декора, причем не только храмового. Так, великолепные изображения быка часто встречаются на алебастровых плитах, входящих составной частью в надгробные комплексы I века до Р. Х. — I века после Р. Х. (наиболее яркими образцами этого художественного жанра следует признать находки археологов в Тамне). Бычьи головы украшают собой даже водосточные трубы, пущенные по углам как культовых, так и не имеющих отношения к культуре зданий. Только в развалинах царского замка в Шабве обнаружены десятки такого рода сливных труб, над воронкой которых на крыше гордо высилась бычья голова.

Орел, напротив, служит символом только одного определенного божества, а именно — бога Саййина. Саййин на хадрамаутских монетах высокого достоинства предстает в образе орла, а на мелкой бронзовой монете — в образе быка.

Посвященные богам надписи часто сопровождаются символами. Наиболее распространенный из них — полумесяц; часто над ним виден и маленький кружок, который истолковывается как образ планеты Венера. Эти взаимосвязанные символы встречаются в самых различных контекстах: на плитах с надписями, на алтарях, предназначенных для возкурения ладана, на стенах домов и храмов. Иногда к этим двум добавляется и третий, указывающий на то или иное божество — в этом случае мы имеем дело, скорее всего, с талисманом. Впрочем, список выявленных символов не позволяет с уверенностью говорить об однозначной связи каждого из них с тем или иным конкретным божеством.

### *Экономика храмов*

Южноаравийская эпоха открывается напряженной строительной деятельностью на кромке пустыни. Этот строительный «бум», продолжавшийся в те-

чение довольно длительного периода, был настолько высок, что большинство храмов, откопанных ныне из-под земли, относится, по времени своего возведения, к отрезку между VIII и V веками до н. э. Именно тогда во множестве строились великолепные храмы по городам, куда более скромные — в сельских местностях, иногда даже — на скалах. Первые сооружались с великим тщанием, вторые — по более простым технологиям, с более широкими допусками.

Храмы демонстрируют богатство своих строителей. Если такие маленькие царства в Джауфе, как Нашшан или Харам, способны возвести храмы, поражающие и ныне высотой своей строительной инженерии и архитектурного искусства, то святилища, сооружаемые Сабейским государством между VII и V веками до н. э., превосходят все созданное в области храмового зодчества во всей Южной Аравии по своему размаху и своему величию. Те, кто финансировал строительство храмов, по его завершении передавали им более или менее значительные дополнительные вклады на их дальнейшее обустройство и нормальное функционирование. В итоге всей благотворительной деятельности храмы выступают в новой роли — в роли собственников. В их собственности — орошаемые земли, пастбища, пальмовые рощи. Земельные владения либо сосредоточиваются в окрестностях храма (как в Бар'ане Ма'рибском или в зат-Химйаме в Райбуне), либо, напротив, рассеяны по всему оазису. В последнем случае затраты на ирригацию покрываются за счет различных оброков. Эксплуатация земель сплошь да рядом передается третьим лицам, но администрация храма зорко следит за соблюдением прав верховного собственника, скрупулезно фиксируя получение причитающихся храму оброков — по всем их статьям и в должном размере.

Помимо земель, святилище владеет и большими стадами мелкого рогатого скота, коз и овец. К тому же оно взимает со всех верующих десятину, поступающую на имя почитаемого божества и идущую на



содержание жречества и на проведение в храме ремонтных работ. На те же цели расходуются и особые подати с ремесленников и с купцов. Так, святилище Бар'ана в Ма'рибе и храм Саййина в Шабве собирают с продажи благовоний десятину. Наконец, немалую долю доходов храма составляют пожертвования паломников и местных верующих, вымалывающих у божества заступничество. В надписях упомянуты такие дары, как быки, мелкий скот, лошади и т. д.

Совершение религиозных обрядов и поддержание благоустройства храма составляют обязанность жрецов («рашав») и управителей («кийан»). Хотя священнослужители по своему социальному происхождению вполне однородны как представители «больших семейств», они не образуют ни всемогущего класса, ни замкнутой корпорации. Они — члены гражданского общества, не более того. Они всего лишь совмещают свои жреческие обязанности с разнообразной политической ответственностью. Кроме того, надписи свидетельствуют об относительной немногочисленности жреческого сословия. Для служения в больших святилищах Сабы жрецы избирались из очень узкой группы семейств. Служители 'Астара зу-Зибан, чьи имена упомянуты в списках эпонимов Ма'риба, происходили всего из двух линий кланового родства. Лицо, вступающее в должность жреца, дает свое имя соответствующему году и тем самым, согласно очень правдоподобному предположению, само становится эпонимом Сабы. Этот первоначальный порядок позднее был сменен другим: дата определяется уже по именам четырех жрецов — эпонимов, одновременно исполняющих должность.

Вокруг жрецов образуются культовые ассоциации «пользующихся покровительством божества» (но не его «рабов»!). Эти лица, скорее всего, прислуживали в храме, помогая жрецу в отправлении культа. Наиболее известное общество такого типа — ассоциация, посвятившая себя культу 'Астара зу-Йахарика в одном из храмов Баракиша<sup>13</sup>.

Верующие, поклоняясь своему божеству, посвящают ему отдельные предметы; физические лица; имущество.

Под «предметами» следует разумеать прежде всего такие архитектурные элементы святилища, как пилоны и даже стены. Это, далее, каменные изделия, входящие в храмовую утварь: алтари, столы для возлияний, курильницы для фимиама. И изделия металлические, такие, например, как бронзовые доски разных размеров с надписями посвящения. В дар божеству верующие приносят и многочисленные бронзовые статуэтки людей и животных. В храме 'Астара в ас-Савде очень плоские (толщиной всего в 3—4 миллиметра) статуэтки людей с вытянутыми вперед руками воткнуты между камнями стены. Имеется целая серия подобных фигурок, составленная в ходе нелегальных раскопок. Все они, скорее всего, были обнаружены в других святилищах Джауфа. В больших сабейских храмах верующие приносят богу бронзовые и серебряные скульптуры покрупнее, одну краше другой. Два офицера жертвуют Альмакаху серебряную статую в благодарность за спасение их слуги и просят бога охранить их от дурного глаза, коварства, хитростей и клеветы их недругов. Другие военные посвящают статуи Альмакаху в знак признательности за то, что он вывел их из битвы живыми и невредимыми, даровав им при этом победу. Каменные и бронзовые (иногда, но редко из серебра) статуэтки обычно изображают быков и верблюдов, причем быки посвящаются Альмакаху, верблюды же — зу-Самави. Помимо сабейских храмов, статуэтки верблюдов обнаружены также в храмах Саййина в Шабве и в зат-Химйам в Райбуне. В одном из посвящений говорится о даре богу золотой статуэтки верблюда — в благодарность за спасение дарителя и его верблюдов, а также статуэтки (из золота) его любимой верблюдицы, как легко догадаться, во здравие оригинала. В посвящениях упоминаются довольно часто изваяния лошадей, мулов и других животных.

В эпоху архаики в дар божеству приносятся и физические лица, начиная с особы самого дарителя. Причем жертвы такого рода стоят во главе списка прочих пожертвований. Один из верующих жертвует 'Астару себя самого, свою супругу и своих детей. Впрочем, подобные «жертвы» — всего лишь благочестивая формула, так как действительного кровопролития не предусматривают. Другой верующий, подданный царя Хадрамаута, приносит в жертву Саййину и другим божествам Шабвы «себя самого, свои способности, своих детей, свое имущество, ясность своих глаз и признательность своего сердца за Его (Саййина) помощь и покровительство»<sup>14</sup>. Наконец, третий приносит богу «свою дочь и свое золото»: человеческое «жертвоприношение» такого рода в некоторых случаях может означать всего лишь вхождение упомянутого в посвящении лица в одну из храмовых ассоциаций, сходную с той, наличие которой в Баракише было отмечено выше.

Верующие вопрошают бога, просят у него совета в сложных житейских вопросах. Божество обычно открывает им свою волю через одного из его служителей, выполняющего по совместительству обязанности оракула. Если предсказание оказывается благоприятным, верующие не поскупятся на возведение в память о нем стелы. Так, некто Аммикариб после совещания с оракулом дарит богу Та'алабу статую в благодарность за то, что тот спас его от кровной мести. Другим воля божья открывается посредством жребия, игральной кости или во сне. Магия тесно связана с религиозной практикой, но, к сожалению, ни одно заклинание до нас не дошло. Только граффити на скалах сопровождаются иной раз магическими знаками и изображением ладони с раздвинутыми пальцами, которая отталкивает злую судьбу. В других текстах говорится об обереге от дурного глаза и о надежде на рождение ребенка под благоприятным сочетанием небесных светил.

Святилища области Ма'ина дали исследователям ряд надписей, которые могли бы быть названы «ритуальными признаниями». В них обычно выражает-

ся раскаяние дарителя в совершении тех или иных прегрешений, обычно связанных с нарушением ритуальной чистоты. Текст всегда начинается следующим образом: «Такой-то (такая-то) исповедуется и приносит свое покаяние богу (имярек)»; затем идет изложение того, в чем состоит грех; потом следуют слова покаяния и в заключение выражается надежда на прощение. В признании речь может идти о грехах как личных, так и коллективных. Так, восемь магистратов Харамы и служителей порядка над сельской округой этого города признаются в богохульстве, которое было совершено всего лишь одним из них, но ответственность за которое ложится на всю корпорацию. Другой пример такого же рода. Некто 'Ам-мийаса и его люди похитили из святилища в Баракише плиту с посвящением богу. Царь Ма'ина, хотя к воровству ни в коей мере не был причастен, тем не менее приносит публичное покаяние, раздирает лицо ногтями и пр. из-за того, что великий грех падает и на него, равно как и на раскаивающихся в содеянном воров. Еще один человек вместе со всем своим кланом приносит публичное покаяние в том, что отогнал стадо скота, принадлежащее богу Халфану, и вот теперь, после паломничества в его храм, торжественно возвращает богу похищенное. Что до женщин, то они повинны прежде всего в чисто личных, то есть не требующих коллективного покаяния, грехах. Так, Ухаййат грешила и у себя дома, и в храме: она направилась на его паперть (?) не в состоянии ритуальной чистоты и совершила несколько других, менее крупных прегрешений. Другие женщины признаются в том, что целовались с мужчиной (мужчинами?), грешили в храме, явившись туда в состоянии нечистоты, и грешили ночью (?). Хавлийат, служанка, выказывает раскаяние в том, что явилась «пред лицом господ (богов) зу-'Анийата и зу-Самави» в грязном, изношенном и заштопанном ею платье, хотя могла бы надеть одежду поприличнее. Еще одна женщина в услужении признается в том, что входила в незаконную интимную связь с некоторыми из своих нанимателей, что и отвратило от нее благосклонность божества<sup>15</sup>.

Во всех случаях публичная исповедь должна быть изложена в письменном виде либо на бронзовой табличке, выставленной в святилище, либо на каменной стеле, воздвигнутой в самом храме или недалеко от него. Исповедь восьми магистратов Харама завершается выражением желания узреть бога Халфана, который, без сомнения, наказал город и племя, лишив их дождей, и испросить у него возвращение его благодеяний. Любопытно то, что признание в богохульстве считается, вероятно, не столь уж великим грехом, раз не влечет за собой никакого искупительного ритуала и никакого денежного штрафа. Легко предположить, что требовалось большое мужество на то, чтобы признаться публично в своих грехах, а затем видеть их изложение на табличке, выставленной в храме; однако следует заметить, что коллективный грех обычно еще задолго до покаяния становился, так сказать, достоянием общественного мнения. Что касается грехов и прегрешений сексуального характера, то южные аравитяне склонны были смотреть на них скорее как на правонарушения, нежели как на нарушения норм морали. То же самое следует сказать и о различении между мирским и священным, между нечистым и чистым — тут границы были проведены четко. Храм назывался *махрам*: слово производно от корня *хрм*, а выражаемое последним понятие приложимо к запрету, заповеди, запретному, заповедному и т. д. Так, женщины не могли (не имели права) посещать храм в состоянии ритуальной нечистоты, не могли в нем общаться с мужчинами. Твердо держащаяся буквы закона администрация храма немедленно приступала к публичной аттестации, если можно так сказать, правонарушителей, которые, уже в свою очередь, спешили принести публичное покаяние и понести связанные с ним денежные издержки.

Надписи — в основном, из Джебея ал-Лавза — упоминают «ритуальные трапезы» или «ритуальные пиршества». Торжественное застолье находит свое отражение в такой примерно формуле: «Устроив ритуальную трапезу в честь 'Астара зу-Зибана, он (не-

кто) преподнес ему (богу) жертву в огне Тараха». Насколько известно, в честь каких-то иных божеств, кроме упомянутого, пиршества не устраивались. Правда, в области Ма'риба маленькое святилище в Диш аль-Асваде включает в себя центральный зал, уставленный двумя рядами скамей (общим числом 14); двери зала открываются во внутренний двор, где тоже имеются скамьи; однако остается неизвестным, какому именно богу храм этот был посвящен<sup>16</sup>. В той же области известен и другой «банкетный» зал, в Баб аль-Фаладже, однако самый знаменитый храмовый комплекс находится все же в Джебеле аль-Лавзе, на горе, которой замыкается с севера долина Джауфа<sup>17</sup>. У подножия скалистого пика в форме головы сахара два очень больших здания предлагают для ритуальных пиршеств уставленные скамьями залы под открытым небом. Одно из них, длиной в 98 и шириной в 41 метр как минимум включает в себя два зала, к которым с востока подводят ряды пилонов. В каждом из залов — ряды низких и широких скамей, между которыми поставлены скамьи более узкие. Вполне возможно, что такой порядок расположения позволял, хотя и без особых удобств, принять, ради угощения яствами, большое число верующих. К востоку от этих зданий узкая тропа, идущая вверх по крутому склону, приводит к расположенному среди скал почти на самой «сахарной голове» святилищу Мушджи, которое, вероятно, и есть античный «Тарах». Те 65 стел, что недавно были подняты из праха, несут на себе надписи, высеченные в очень отдаленные времена: лишь государи ранних эпох, по-видимому, находили в себе силы подниматься так высоко. Кариб'иль Ватар посвящает надписи, ритуальные пиршества и жертвоприношения в «огне Тарах» одновременно 'Астару зу-Зибану, Хавбасу и Альмакаху. Вслед за ним другие государи, цари Сабы и зу-Райдана, возглавляют подобные же церемонии.

Эти ритуальные трапезы имеют место не столь уж часто; скорее всего, они устраиваются для празднования актов единения. Здесь имеется в виду формула объединения нескольких племен, заложившая в

древнейшую эпоху краеугольный камень Сабейского государства. Мукаррибы в память этого события собирают представителей всех составляющих Сабу племен, союзных и покоренных, сажают за общий стол, приносят от имени всех присутствующих жертвы 'Астару и Альмакаху в знак общего признания этих божеств. Любопытен союз этих двух богов: 'Астар остается верховным богом, всегда занимающим первое место в коллективных молениях, однако это его первенство уже несколько стерлось, так как подлинным богом-покровителем становится Альмаках. Из признания обоих божеств представителями всех входящих в Сабу племен следует и политический союз в том же составе. Трижды сабейские мукаррибы заключают федеративные пакты: при Кариб'иле Ватаре, сыне Замар'али, при Йада'иле Зарихе и при Йаси'амаре Байане в VII веке до н. э. Ничто не мешает предположить, что первый пакт соответствует созданию Сабейского государства Кариб'илем Ватаром, а два других служили всего лишь его подтверждением при новых государях. По случаю заключения этих пактов сабейский царь приглашает на ритуальное пиршество всю племенную знать, причем, вероятнее всего, он ее принимает в больших залах Джебеля аль-Лавза. Эти церемонии предоставляют государю возможность укрепить свои личные связи с племенной верхушкой, провозгласить меры по обеспечению коллективной безопасности, обнародовать указы. Можно предположить также, что в декретах трактуется неприкосновенность, святость некоторых мест, даже некоторых лиц, а также регламентация торговых сделок и обеспечение безопасности торговли и купцов<sup>18</sup>. Многие надписи свидетельствуют о том, что и позднее VII века, вплоть до III века до н. э., проходили церемонии, связанные с заключением федеративного союза. Они, как представляется, имели целью поставить те или иные святилища под коллективное покровительство всех вообще племен, составляющих федерацию. Еще позднее, в I веке до н. э., Замар Али Ватар, первый царь новой федерации — Сабы и зу-Райдана,

организует торжество по случаю заключения этого нового пакта. Мы не в состоянии, к сожалению, уточнить, шла ли речь тогда о возобновлении забытой было церемонии или о продолжении регулярной практики.

Сабейские цари также возглавляют и ритуальную охоту. С самого начала Сабейского государства охота имела явно выраженную религиозную значимость, так как проводилась в честь божеств — 'Астара и Кирвама в Сабе, богини Солнца Шамс в Катабане. Государь лично руководит охотой, которая требует строжайшего и подробнейшего соблюдения ритуала. В надписях ни одно из животных, ставших добычей охотников, не названо прямо по его имени. Приводится только их число: десять, двадцать, пятьдесят, шестьдесят, сто пятьдесят, две сотни, четыреста шестьдесят и тысяча — в текстах области Йала<sup>19</sup>. Ибекс, как представляется, наиболее распространенное дикое животное, а потому он, по преимуществу и становится добычей. Одна поздняя надпись упоминает четыре тысячи ибексов, убитых во время одной охоты на высокогорном плато. Но, конечно, и другие животные дополняют собой общую картину: дикие быки, молодые верблюды, гепарды (или пантеры), львы и т. д.

В честь божеств организуются большие паломничества. Наиболее многочисленные из них — в честь, несомненно, Альмакаха в Ма'рибе. Направлялись ли пилигримы к храму в Авваме? Это возможно, это даже вероятно. Исходя из такой посылки легко объяснить и общие размеры здания, и его конфигурацию, и наличие широкого пространства, обнесенного стеной овальной формы<sup>20</sup>. Паломничество происходило примерно в июне, то есть во влажный сезон. Его участники выполняли ряд обрядов, чтобы испросить дождя (современные арабы эту церемонию моления о дожде называют *истика'*). Другое паломничество к Альмакаху отмечено в Амране, к северу от Саны. Еще одно — в зу-Самави, в Баракише. В Хадрамауте большие толпы странников направляются к храму Саййна в Шабве.



Иконография святилищ предлагает изображения таких персонажей, о которых невозможно сказать с уверенностью, боги ли это или же верующие. Одеты они, как правило, в длинные туники, вероятнее всего, сшитые из льняной ткани. Туники иногда ниспадают до ступни, иногда прикрывают ногу до половины икры, иногда ниспадают свободно, иногда на талии схватываются простым поясом. Первые статуэтки сидящих мужчин смутно указывают на то, что длинное одеяние спускается до босых ступней. Женское платье едва обрисовывает груди. На яйцевидном лице сильно выступают нос и надбровные дуги, обрамляющие в форме ромба глаз с отверстием на месте зрачка. Эти статуэтки очень многочисленны, но их происхождение остается неясным. Что касается их дат, то они, вероятно, восходят к началу первого тысячелетия до нашей эры. Другие статуэтки представляют стоящих персонажей, одетых в ту же облегающую тунику, спускающуюся до половины икры и подпоясанную куском обмотанной вокруг талии ткани, край которой свисает между ног. Простое ожерелье располагается не ниже основания шеи.

Помимо этой серии статуэток, наибольшее число изваяний персонажей обнаружено в самых древних святилищах Джауфа. Прежде всего надо упомянуть те, что украшают собой колонны в храмах ас-Савды, Харамы и Ма'ина. Высотой примерно двадцать сантиметров, шириной — не более десяти, этот персонаж всегда гордо высится на пьедестале<sup>21</sup>. Он стоит в фас, но его ноги — в профиль; он носит длинное, украшенное нашивками и стянутое в поясе одеяние; на его ногах, чуть выше лодыжек, — кольца. Еще одна мода: платье, поддерживаемое, как кажется, двумя перекрещивающимися бретельками, имеет на рукавах разрезы, так что спадает с них двумя складками, оставляя предплечья обнаженными. Голова, за исключением симметрично расположенных с двух ее сторон пучков волос, наголо обрита. В правой руке — какое-то, иногда раздвоенное на конце оружие; левая

же сжимает длинный загнутый сверху посох. Если не считать грудей, которые едва помечены маленькими кружками, ничто не указывает на принадлежность персонажа женскому полу.

Фигурки представлены в нескольких вариантах. У одних из них — платье «колоколом» расширяется внизу, причем его контур оттеняется отброшенным назад покрывалом. У других — оно гораздо короче и украшено внизу зубчиками.

С некоторых колонн храма в ас-Савде на нас взирают персонажи явно мужского пола: коренастые, в короткой юбочке, выступающей из-под туники, с взъерошенными волосами. Эти фигурки всегда в правой руке держат какой-то изогнутый, в форме угла, инструмент — на конце иногда раздвоенный, иногда нет. Что это за орудие или предмет, остается только догадываться. Может быть, это — скипетр. Может быть, это — мотыга или кирка. Все эти персонажи занимают центральное место в декоративных программах, которые развертываются в храмах, построенных в VIII веке до н. э. Некоторые признаки косвенно указывают на то, что фигурки эти восходят к еще более седой старине, нежели украшаемые ими святилища. За их плечами — древнее наследие, быть может, вводящее к эпохе освоения ткачества.

На некоторых каменных блоках в святилищах Ма'ина изображены персонажи еще более странные. На одном из них представлена процессия танцоров (?) или музыкантов, разделенных на два регистра. Изображенные в профиль фигуранты одеты либо в туники, либо в звериные шкуры с опущенным сзади хвостом зверя. Их наголо обрита голова, с круглым и чрезмерно подведенным глазом, с чересчур выдающимся подбородком, к которому, как кажется, подвязана накладная борода, странно отброшена назад. Два музыканта играют на коротких арфах, расположенных горизонтально; между тем как другие танцоры поднимают этот инструмент (очень похожий, кстати, на те согнутые углом инструменты, которые мы уже встречали в ас-Савде) над собой. На другом блоке из той же серии — персонажи, одетые не менее

экстравагантно. Один из фигурантов намного выше ростом шести прочих, опять распределенных между двумя регистрами<sup>22</sup>. Он, с обнаженным торсом и одетый только в очень короткую плиссированную юбочку, держит в руке длинную палку (посох?) с продольными желобками. На других — звериные шкуры с загнутыми назад хвостами. Четверо поднимают вверх эти согнутые углом инструменты правой рукой, между тем как их левая покоится, как кажется, на рукоятке кинжала. Пятый персонаж опирается на прямую трость, а шестой держит вазу с распустившейся ветвью. Эти два панно воспроизводят, быть может, торжественные процессии в честь одного из божеств Ма'ина.

Использование в качестве одежды звериных шкур представляется столь же почетным, сколь и символическим. Бронзовая статуя Ма'дикариба, найденная в храме Аввам в Ма'рибе, изображает собой бога или человека в короткой тунике, на которую наброшена шкура льва с перекрещенными лапами — одна пара на плечах, вторая на ногах. Туника, целиком испещренная каким-то длинным текстом, по талии схвачена широким поясом, за которым заткнут кинжал в изукрашенных ножнах. Этот способ ношения холодного оружия повторяется и в других изображениях; иногда к кинжалу добавляется и прямой меч.

В южноаравийском изобразительном искусстве женщины представлены в числе ничуть не меньшем, чем мужчины. На так называемых «пластинах, посвященных богине», повторяются поясные изображения женщин, которые в левой руке держат колосья пшеницы, а правую поднимают благословляющим жестом. Они одеты в туники, декольтированные до середины плеча и основания шеи и смутно обрисовывающие формы женской груди. Рукава туники иногда не спускаются ниже локтя, иногда покрывают руку целиком. Некоторые туники украшены аппликациями или декоративными швами. На шее женщина носит ожерелье, составленное из наложенных одно на другое колец или из нанизанных на ленту пластинок. Самые дорогие кольца состоят из извая-

ний голов антилоп с рогами, опущенными параллельно шее. На весьма схематично представленных лицах — в обрамлении густых ресниц глаза со зрачком из полудрагоценного камня. Слегка выющиеся волосы разделены пробором посреди головы. Некоторые исследователи признают в таком изображении богиню зат-Химйам, другие, напротив, усматривают в нем молящуюся богине женщину, третьи — одну из служительниц храма<sup>23</sup>. Этот тип женского облика, характерного для областей Катабана в последние два века до нашей эры, претерпит с ее наступлением глубокие изменения под воздействием внешних влияний.

### *Святилища периода архаики*

В свете недавних археологических изысканий очертания древнейших южноаравийских святилищ предстают перед глазами исследователей все более четко и ясно. Как это ни странно, именно эти древнейшие храмы служат самыми высокими образцами всего того, что было создано в области храмового зодчества в течение всей южноаравийской (доисламской) эпохи. Суть дела в том, что уже в седой древности был достигнут тот высокий уровень строительной техники, который далее, на протяжении почти целого тысячелетия, оставался практически неизменным. К тому же, если считать с начала уже нашей эры, в Южной Аравии ни один большой храм не то чтобы не был построен, но даже и попыток большого строительства не предпринималось.

Прекрасны были эти храмы посреди возделанных полей и густой сети ирригационных каналов под освещающей сенью деревьев! Однако священнослужители, как и их паства, вполне отдавали себе отчет в том, что внешняя среда, столь благостная в настоящем, таит в себе серьезные угрозы в будущем. Паводки, если их своевременно не укротить, затопят храмовые комплексы, а постоянное, год за годом, заиливание почвы неуклонно повышает ее общий уровень вокруг них. Ничего не оставалось, как надстраивать

храм, когда наносы подходили к верхнему краю его крепостной стены. Те святилища, что были воздвигнуты на горных склонах или в городах, находились в относительной безопасности, чем и объясняется малая, сравнительно с первыми, высота: цокольная часть здания да еще один этаж над ней. В городе они как бы терялись среди теснившихся вокруг них высоких домов.

Храмы последнего типа в большинстве своем очень походили на крепости: огороженные высокими и толстыми, с очень узкими проемами, стенами, они, как представляется, больше стремились сохранить свою отрешенность от внешнего мира, нежели приветить толпы паломников; их один-единственный, причем очень узкий, вход в глубине портала давал доступ к «святая святых» вовсе не всякому желающему, но — только избранным и, вероятно, заранее приглашенным.

Одно из самых древних святилищ в долине Джауфа, храм 'Астара зу-Рисаф в ас-Савде<sup>24</sup>, являет собой лишенный какого-либо внешнего декора куб с ребром в 15 метров. Верующий, подойдя к нему с запада, останавливается перед десятью трапециевидными стелами, не имеющими ни надписей, ни орнамента. Далее он проходит через первый портал между пилонами, которые покрыты с вершины до основания высеченными в камне рисунками. Если смотреть сверху вниз, это: переплетающиеся змеи, копыя, присевшие на задние ноги ибексы, персонажи (речь о них уже шла выше), вазы и другие сосуды, бычьи головы анфас, снова ибексы, снова змеи и снова копыя; далее следует вереница идущих один за другим ибексов; основание колонны украшено изображением каких-то растений с длинными стеблями. Из двух надписей на портале можно заключить, что храм возведен Аба'амаром Садиком в VIII веке до н. э.

Далее посетитель попадает в вымощенный плиткой внутренний двор, обрамленный идущими по его сторонам портиками. Он может присесть на скамью, установленную между двумя колоннами или укрыться от лучей палящего солнца в тени навеса, состав-

ленного из таких же плиток, что и пол дворика. Он может и постоять перед врезанными в камень панно с уже знакомыми ему по пилонам мотивами декора. Может даже попытаться прочитать большие надписи посвящения, оставленные царем Нашшана Сумхуйафа' сыном Лаб'ана, а также — его братьями и его сыном. Затем он, поднявшись на две ступени, окажется на довольно обширной платформе, которая уставлена блоками сидений, образующими в совокупности полукруг. Эти семь блоков, на каждом из которых выгравировано имя Лаб'ана, предназначены, предположительно, либо для священнослужителей храма, либо для членов некоего совета. Далее верующему идти некуда — он наталкивается на массивный глухой кессон, который первоначально мог быть гробницей. Характернейшая черта этого святилища: оно не содержит в себе ни одной целлы, то есть особого помещения с изваянием или с живописным изображением божества.

Нельзя сказать, чтобы верующие, посещавшие этот храм с VIII по IV (?) век, загромождали его великим множеством приношений. Один паломник установил алтарь для возжигания ладана у подножия кессона, другой — поместил сходный в портике, сопроводив свой дар краткой надписью: «...этот алтарь преподносится 'Астару зу-Рисафу». Некий землевладелец благодарит божество за полученный земельный надел и за помощь в его окультуривании и освоении. Правдоподобнее всего предположить, что каменные и керамические вазы не относятся к числу даров, принесенных в храм верующими. Какие обряды выполнялись в святилище? Какое участие в них принимали женские (?) персонажи, изображенные на колоннах? На эти вопросы ныне невозможно дать хотя бы частичного ответа.

Архитектурная схема, по которой построен этот храм, получила определенное распространение в Джауфе VIII века до н. э. В соседнем Хараме возводится, соответственно тем же принципам, святилище Матабнатийан<sup>25</sup>. К несчастью, от него остались только колонны да обвалившиеся архитравы, чей выре-

занный в камне декор еще более роскошен, чем в храме ас-Савды. На фризах маленькие персонажи чередуются с головами ибексов с загнутыми рогами и с какими-то растениями — длинные ветви последних отягощены фруктами, птицы же, сидя на ветвях, эти фрукты склевывают. Этот декор своей удивительной свежестью наводит на мысль об очаровании садов долины на самой границе с пустыней и о том гимне благодарения за плодородие, который возносился всем божествам одновременно.

В десяти километрах к западу от ас-Савды высятся величественные руины храма, расположенного в непосредственной близости от Ма'ина. План его подобен двум вышеупомянутым: окружающая его мощная стена имеет всего один проем, с западной стороны; проем этот оформлен как парадный вход, через который посетитель попадает во внутренний, под чистым небом, двор, обрамленный колоннадами портиков. Парадный вход, несущий на себе явный отпечаток египетского влияния, представляет собой архитектурное целое, включающее в себя следующие элементы: первый портал, крытый переход и меньший по размеру второй портал. Самые древние из колонн двора покрыты резьбой по камню на уже известные нам темы: животные, растения, персонажи. В ходе одного капитального ремонта первый портал был расширен, причем в его оформлении нашли применение ранее декорированные блоки; во дворе были установлены новые колонны, которые, в отличие от старых, были покрыты текстами, относящимися к религиозным постановлениям.

### *Храмы Джауфа и Хадрамаута*

К VI—V векам до н. э. в Джауфе появляется новый тип святилищ. Архитекторы того времени перешли от идеи центрального внутреннего двора к сооружению зала с колоннадой, полностью покрытому каменной плиткой. Храм божества Накрах в Баракише являет собой наиболее заверченный и наиболее известный образец этого типа<sup>26</sup>. Внешняя мощная сте-

на, охватывающая кольцом святилище, открывает доступ в него только с западной стороны через монументальный портик, который вводит в малый колонный зал. Шестнадцать каменных колонн делят пространство зала на пять нефов, подпирая собой кровлю, выложенную изнутри очень красивой и точно пригнанной одна к другой плиткой. Первоначально нефы были пусты, но позднее в западной части зала, названной «местом ритуальных пиршеств», было установлено три длинных стола, украшенных головами каменного барана; два из них именовались «осенью» и «весной». Верующие, сидя на каменных скамьях за столами, вкушали освященное кушанье. Сделав несколько шагов к востоку, попадаешь в поперечное пространство, которое очерчено одной ступенькой, ведущей в чуть приподнятую зону. Именно здесь божеству приносились жертвы, чья кровь по системе желобов стекала наружу здания. Далее находилась глубинная часть святилища, разделенная на пять целл, в которых располагались изображения божеств. Каждая целла представляла собой замкнутое пространство — за деревянной дверью<sup>27</sup>. В III или во II веке до н. э. входной портик подвергся переделке, а за южной стеной храма была сооружена двухэтажная пристройка. В обломках ее второго этажа и были обнаружены гипсовые статуи с человеческими головами, культовые сосуды, декорированные фигурками животных, а также — многочисленные надписи. Надписи подтверждают важность культа Накраха, бога-покровителя Минейского государства, и свидетельствуют о том, что верующие посвящают ему даже храмовые колонны<sup>28</sup>. В них же подчеркивается роль некоего Басиля, сына Ма'са, который велел изготовить два стола для угощений, два каменных цоколя в зале с колоннами, а также — установленную вне храма каменную тумбу. Иначе говоря, тексты очень скупы относительно подробностей храмовых ритуалов.

К счастью, святилище Дарб ас-Саби, недалеко от Баракиша, дает некоторые указания, касающиеся культа Накраха<sup>29</sup>. Старые, больные, умирающие лю-



ди, женщины, с которыми случился выкидыш или которые готовятся рожать, испрашивают у божества избавление от мук — исцеления или смерти. Другие публично исповедуются в своих грехах и спрашивают совета у храмового оракула. Храм — скромное здание под кровлей, сложенной из каменных плиток. Он окружен небольшим двориком под открытым небом. Перед ним установлена высокая стела с высеченной надписью: «бог Накрах в ответ на вопросы оракулов повелел отметить каменными тумбами священное пространство; всякая женщина, страдающая от выкидышей или преждевременных родов, должна, преступая священные границы, пожертвовать храму буйвола с двойной упряжью и белого козленка; тот, кто подвергает грубому обращению женщину; у которой случился выкидыш, или женщину, которая готовится родить, или человека, страдающего смертельным недугом, — должен быть изгнан с территории храма-убежища; если же женщина после преждевременных родов или выкидыша умрет, ее родственники должны принести богу в жертву козла или барана». Бог-исцелитель, бог-исповедник и бог-покровитель — таким нам является Накрах в различных храмах области Баракиш.

В Хадрамауте святилища встречаются в городах, селениях, а также на склонах тех холмов и гор, которые высятся над теми и другими. Все они построены по одному и тому же плану: широкая лестница ведет на высокую платформу, на которой и расположены одно или два низких небольших здания с колонным залом внутри.

Чтобы совершить священнодействия, жрец, прежде чем войти в храм зат-Химйам в Райбуне, должен подняться по длинной и крутой каменной лестнице<sup>30</sup>. Пройдя через монументальный крытый портик, он оказывался перед двумя маленькими помещениями. Справа, за тяжелой деревянной дверью — храмовая сокровищница. Слева — лестница, выводящая на высокую террасу. Жрец может там налить себе воды из высоких кувшинов или положить несколько кусочков ладана на каменные алтари. Спустившись по

более короткой лестнице в зал с двадцатью четырьмя деревянными колоннами, он мог пройти по нему между этими колоннами к столу приношений. Только что в жертву была принесена коза, и ее кровь стекала наружу, за пределы храма по длинному каменному желобу. Ее туша уже разделана для приготовления пищи. Затем жрец подходит к центральному алтарю (?), большому деревянному кубу, заполненному галькой внутри, а снаружи полностью покрытому тканью, и взбирается к нему по трем крутым ступеням. С этого возвышения он может вознести мольбу к божеству или обратиться с проповедью к верующим. Здесь он возлагает некоторые приношения: маленькое бронзовое зеркало, золотой амулет, украшенный зеленым стеклом, бронзовую статуетку животного, изделия из голубого стекла, каменные четки, керамические чаши с дарственными надписями.

Наверху особенно остро чувствуется всепроникающий аромат фимиама: ладан воскуривается тут же, на вершине небольшой колонны, установленной прямо перед алтарем. Клубы благовонного дыма охватывают алтарь, а затем током воздуха выносятся через отверстие, проделанное в крыше.

Недалеко от храма высится строение на деревянном каркасе. Первоначально оно состояло главным образом из обширного зала, потолок которого подпирался 25 деревянными стойками; позднее этот зал был поделен надвое. В восточном отделении на высоком помосте — два очень больших кувшина. Другие приношения устилают помост: наконечник стрелы, бронзовый кинжал, алтарь для воскуривания ладана, изделия из керамики. В западном — множество скамей из камня и необожженного кирпича. Там же — большой очаг, а в нем — фрагменты глиняных горшков, явно предназначенных для варки пищи. Кроме того, в скопившемся мусоре обнаружены кости козы и ибекса. Торжественные собрания, очевидно, происходили в восточном приделе, а по их завершении участники переходили в западный для принятия обрядовой трапезы.

В другом святилище, расположенном недалеко от упомянутого, найдены бассейны, которые, должно быть, служили для омовений, а на плитках пола — крупницы ладана, оброненные со стоящих тут же алтарей.

Итак, наиболее сохранившиеся храмовые комплексы недвусмысленно указывают на связь между святилищем и ритуальным принятием пищи.

Недавние раскопки в этом районе позволяют восстановить внешний вид этих святилищ. Напомним, что они возводились вокруг деревянного остова, обкладываемого необожженными кирпичами. Панно между этими деревянными конструкциями закладывались плиткой из известняка как снаружи, так иногда и изнутри. На этих простых опорах удобно было делать дарственные надписи, часто к тому же выделяемые яркой красной краской. Внутри святилищ немало статуй, из которых, сказать по правде, сохранилось в более или менее цельном виде совсем немного. А из тех, что сохранились, наибольшее число относится к изображению животных — быков, верблюдов, буйволов, орлов (образ Саййина). Все же большинство цоколей этих статуй несет на себе имена высокопоставленных лиц, таких, как, к примеру, Илмахаву, сеньора Райбуна<sup>31</sup>. Неизвестно, содержал ли в себе тот маленький домик, который находился в главном нефе храма и был археологами обозначен как «алтарь», — содержал ли он в себе изображение бога Саййина. В случае положительного ответа этот «домик» или этот «алтарь» был не чем иным, как приподнятой на платформе храмовой «святая святых», но и в этом случае такая конструкция могла бы быть связана с ассирийской традицией, широко распространенной на Ближнем Востоке<sup>32</sup>. Помимо статуй, имеются и другие декоративные элементы. Так, в храме Рахбана в Райбуне полихромные фрески, изображающие персонажей, растения и рыб, украшают колонный зал<sup>33</sup>. Алтари покрыты тканями; на стенах — преподнесенное в дар богу оружие, а также другие сходные подарки; большие кувшины, столы для возлияний и корзины, наполненные ладаном, за-

громоздят собой пол, застланный сотканными из пальмовых волокон циновками. Это внутреннее нагромождение контрастирует со строгим внешним видом святилища.

При всем своем своеобразии все эти архитектурные типы святилищ имеют некую общую основу. Общими чертами следует признать следующие элементы: мощную внешнюю ограду, часто глухую, без единого отверстия, кроме входа; замкнутое оградой пространство являет собой как бы единый зал, разделенный осевой линией, идущей от входа; пропилены со множеством колонн; стелы и алтари. Все же сравнение между храмами архаического периода в Джауфе (с центральным двором под открытым небом и без целл), храмами Хадрамаута (с колонным залом и с подиумом) и, наконец, со святилищами позднейших периодов (с колонным залом и с целлами) демонстрирует не только известное развитие архитектурного стиля, но и глубокую региональную многовариантность. Сабейцы, без сомнения, отказались от более древних типов святилищ с их цветущим декором, чтобы последовательно внедрять каноны, связанные с культом Альмакаха. И все же трудно различить их влияние на культовое зодчество в Хадрамауте.

Алебастровые статуэтки и стелы «с глазами», составляющие основу публичных и частных коллекций, вроде бы имеют местом своего происхождения городские некрополи. Однако абсолютное большинство среди элементов надгробного комплекса и предметов захоронения, ставших достоянием музеев и коллекций, принадлежит к разряду добычи грабителей или, в лучшем случае, к разряду случайных находок. Так это или иначе, но их истинное происхождение остается очень темным, а сколь-либо достоверное установление его — делом, по большей части, безнадежным.

В течение ряда лет археологи все же пытаются раскопать могилы, но их надежды обнаружить хотя бы одно нетронутое захоронение почти всегда остаются тщетными. За исключением могил в Хайд ибн 'Акиль, некрополя в Тамне и храма в Авваме в Ма'рибе надгробное зодчество Южной Аравии пребывает окутанным мраком неизвестности.

Отражая, без сомнения, раздробленность различных социальных субкультур в рамках любого общества, захоронения в нашем случае принадлежат столь различным моделям, что становится почти невозможным определить то общее, что их всех объединяет, и наметить, хотя бы пунктиром, путь их эво-

люции. Вообще-то говоря, мир мертвых отделен от мира живых: нет ни одного некрополя в черте города. Однако могилы вдруг обнаруживаются в выдолбленных утесах, в мавзолеях и в башнях-склепах, даже в иле, заполняющем собою вади. Это разнообразие отражает, как кажется, множественность как происхождения всех этих видов захоронений, так и концепций загробного мира. Две главные трудности ожидают археолога. Во-первых, древние склепы после первого захоронения использовались по тому же назначению, как представляется, не один раз и даже не дважды. Во-вторых, уже изъятый из могил материал предлагает мало поучительного о погребальных обрядах. Стелы с изображением традиционных странных персонажей упоминают лишь имя и генеалогию усопшего — и это в лучшем случае. Ни один документ — даже те, что свидетельствуют о сооружении надгробия или приобретении могилы, — словом не обмолвится о погребальных церемониях. Ни один текст не дает представления о том, какой именно потусторонний мир предстал перед мысленным взором аравитян и испытывали ли они, вглядываясь в него, страх смерти?

### *Наследие прошлого*

Как это ни парадоксально, такой наиболее распространенный на кромке пустыни вид захоронения, как круглая башенка, отнюдь не является особенностью южноаравийской эпохи. Эта форма, восходя к захоронениям III и II тысячелетий, встречается впервые в горных районах Южной Аравии. В I тысячелетии, то есть уже в южноаравийскую эпоху, этот тип не отличается в главных чертах от своего предшественника эпохи бронзы<sup>1</sup>. Он являет собой круглую конструкцию высотой 0,7—2 метра и диаметром максимально в 2 метра. Такого типа склепы изнутри имеют вид комнаты, наклонная кровля над которой опирается на каменные плитки, поставленные ребром. Комната имеет выход наружу через оставленный в окружающей ее стене проем. Стена сложе-

на из небольших грубо отесанных каменных блоков, известковый раствор не применялся. Раскопки в области Ма'риба могил такого типа особого успеха не принесли: гробницы оказались уже разграбленными. И все же в них были обнаружены морские раковины, фрагменты ожерелья, куски железа и фрагменты скелетов. Все это датируется в очень широком диапазоне — между VIII и I веками до н. э.

Могилы такого типа никогда не бывают на местности одиночными, но всегда образуют более или менее густые скопления. Они десятками, одна за другой, тянутся по хребтам, которые господствуют над Йалой, Сирвахом, Ма'рибом и над соединяющими эти пункты караванными тропами. В области Шабвы гребни над вади Ирмы и Джирдана покрыты сотнями могил, вытянутых в одну нить и отделенных одна от другой примерно равными интервалами; некоторые из них археологами раскопаны, но раскопки не принесли ощутимых результатов. В 1936 году Сейнт-Джон Филби обнаружил сотни могил, выстроившихся по линии гребней Рувайка и 'Алама, этих двух осей, соединяющих Шабву с Джауфом<sup>2</sup>. Карта местонахождения этих могил показывает ясно: они, подобно вехам, отмечают собой на востоке маршрут 'Ирма — Шабва — Баракиш — Джауф, а на юге — Сирвах — Ма'риб — Баракиш. Иначе говоря, ими помечены обе основные оси страны. Связь между их географическим распределением и караванными путями очевидна. Этот тип склепа, отличный от того, что был принят южноаравийскими городами, принадлежит, по-видимому, к иной эпохе и иной культуре.

Мумифицирование мертвых — очень древняя традиция. В Египте эта практика и необходимые ее ингредиенты известны с III тысячелетия. В Южной Аравии имелись потребные для этой цели ароматичные растения, однако вопрос остается вопросом: когда там приступили к бальзамированию трупов? Мумии были найдены в различных областях Йемена, причем главным образом на Высоких Землях: в Шибаме аль-Джирасе (к северо-востоку от Саны), в Суле, в Тавле и Махвите; захоронения «с башенками», что

ближе к Ма'рибу, также отмечены некоторыми следами практики мумифицирования. В двух пещерах-гробницах в Шибаме обнаружены трупы с изъятыми внутренностями; образовавшиеся в результате операции полости заполнены каким-то ароматическим составом; трупы старательно забинтованы льняными повязками, а затем завернуты в сшитые между собой шкуры<sup>3</sup>. Найдены парадные сандалии с декорированными ремешками, сандалии повседневного употребления, сплетенные в косу ремни и т. д. Вокруг мумий разложены миниатюры на дереве, амулеты, железное острие копья, охотничья сумка из кожи и рогатка (?)<sup>4</sup>. Указанные могилы датируются началом второй половины I тысячелетия, однако сама практика мумифицирования восходит, по меньшей мере, ко II тысячелетию. Эта практика отражает культуру йеменских горцев, что не мешало ей, разумеется, испытывать на себе и египетские влияния. И напротив: метрополии, расположенные по краю пустыни, к этому типу захоронений прибегали редко.

### *Могилы-пещеры*

В некоторых областях — например и даже прежде всего, в Хадрамауте — преобладает способ погребения в могилах-пещерах. Географическая и геологическая среда тому способствуют: поселения ютятся у подножия или на горных склонах, сложенных из относительно мягких известняковых пород. Породы эти позволяют вырубать в них без особого труда пещеры. Впервые захоронения такого типа были обнаружены британской исследовательницей Кэтон-Томпсон в 1938 году в Хурейдхе<sup>5</sup>. Проникнув в отверстие под скалой глубиной в 8 метров, англичанка очутилась в середине довольно большого (диаметром тоже в 8 метров) круглого захоронения, перегороженного каменной скамьей. В подземном помещении были разложены 42 черепа в различных положениях. Скелетов обнаружено не было. Черепа принадлежали в основном подросткам в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет. Одно время ученые



полагали, что находка выводит на какие-то ритуалы коллективного захоронения; однако в данном случае вряд ли термин «захоронение» вполне удачен — речь идет не о захоронении, а об оссуарии, так как общая могила никогда не обходится без скелетов. Покойные, представленные здесь только своими черепами, были преданы земле *вторично* — на этот раз, вероятно, возрастными группами или семьями. Среди прочих находок фигурируют: полусферические чаши на высокой ножке, сосуды с широким «брюшком», сосуды с ручками по бокам, каменные горшки с выгравированными на них надписями, морские раковины, каменные четки. Вблизи от этой могилы англичанка отыскала еще одну, тоже круглую. В ней покоилось только два трупа, что и послужило основанием для догадки о том, что она подверглась ограблению, причем в очень древнюю эпоху. Ни в одной из этих двух могил не было найдено ни целых статуэток, ни их фрагментов. Прочие обнаруженные в них предметы позволяют установить приблизительную дату обоих захоронений: VII—V века до н. э.

Громоздящиеся над Райбуном известняковые холмы хранят в себе сотни могил. Археологи обследовали группу захоронений в окрестностях храма Майфа'ан и обозначали ее как «Райбун XV»<sup>6</sup>. Все захоронения соответствуют двум встречающимся здесь моделям: это — либо маленькая четырехугольная пещера с парой боковых скамей, либо подземное помещение, куда более обширное с приподнятыми боковыми нишами. Всего лишь одна из этих могил, а именно — номер 2, предоставила исследователям некоторый материал, способствующий реконструкции погребальных обрядов древности. В ней обнаружены следующие предметы: дюжина алтарей для воскуривания фимиама, каменные жернова, различных видов морские раковины, изваянные из камня человеческие головы, каменные четки, точило, гирия, разнообразная посуда. Коллекция дает довольно точное представление о материальной культуре тех зажиточных племен, что заселяли Хадрамаут между VI и IV веками до н.э.

Над Шабвой, с севера и северо-востока, высится «холм мертвых». Входы в десятки подземных усыпальниц, довольно часто выделяемые каменной кладкой, хорошо видны снизу, из зоны искусственного орошения. В своем большинстве эти гробницы, разграбленные еще в давние времена, ныне служат всего лишь местом хранения кормов для скота. Кладбище демонстрирует полный набор всех видов погребений одного и того же типа — от простой полости-пещерки до подлинного подземелья с целым рядом ниш. Впрочем, только две могилы из всех откопаны по-настоящему, а из этих двух — наиболее любопытна идущая под номером 1. В нее вводит вестибюль, с большим тщанием облицованный плитками. Боковые стены вестибюля выглядят как лицевые: деревянными планками они разделены на четырехугольники, в которые вделаны панно, украшенные резьбой на красном, первоначально, фоне<sup>7</sup>. Из вестибюля деревянная дверь открывается на лестницу в несколько ступеней, по которой посетитель сначала проходит в первый подземный зал, разделенный на две части, затем — во второй, вырубленный на 2,6 метра ниже первого. В последнем помещении разбросанные кости и разбитые сосуды показывают ясно: место для сравнительно недавно усопших здесь без всяких церемоний расчищалось за счет усопших ранее. Многократное использование могил находит во втором зале наглядную иллюстрацию. К несчастью, практика повторного использования делает невозможным изучение эволюции обрядов погребения, так как их вещественные компоненты, старые и новые, либо систематически смешивались между собой, либо старые безжалостно выбрасывались.

Способ вырубания могил в скалах часто встречается и на Высоких Землях. Вокруг Саны, на недоступных для проходящих внизу высотах, гробницы поныне зияют своими входами. Наиболее известные из них находятся на хребте Шибам аль-Джирас, который тянется вдоль дороги, ведущей в Ма'риб: именно там были обнаружены первые мумии. Восточнее ряды гробниц украшают собой утесы Шибама-Кавка-

бана, Хабабы и Тавлы. Недалеко от Замара — могила Хиррана, обширное подземелье, которое состоит из множества комнат, выходящих в центральный зал<sup>8</sup>. Нечего и говорить о том, что подавляющее большинство гробниц были разграблены. Тем не менее некоторые из них, сосредоточенные главным образом в районе Махвита, заслуживают внимания археологов<sup>9</sup>.

### *Мавзолеи*

Кромка пустыни, то есть область, где некогда процветали метрополии, богата на надгробные сооружения, подчас весьма внушительные. Они всегда притягивали к себе взоры как путешественников, так и грабителей, суля скрытые в них сокровища.

Некрополь Тамны, расположенный к северу от города на пике горы Хайд ибн'Акиль, расширялся постепенно, образовав, в конце концов, большой погребальный комплекс из могил, храма и колодца<sup>10</sup>. Мавзолеи карабкаются вверх по крутому склону от подножия пика до высоты в 45 метров, если считать от подошвы; тесно прижавшись один к другому, они составляют обширные массивы, обычно разделяемые ровно посередине аллеей-лестницей. Затрудненность доступа к ним, вследствие крутизны, предполагает особое искусство террасового зодчества.

Каждый мавзолей в плане — прямоугольник. Осью ему служит коридор, в который дверями выходят расположенные по обе его стороны комнаты. Число комнат с одной из сторон колеблется между 4 и 8. Каждая из комнат разделена, в свою очередь, на отсеки, между собой сообщающиеся и имеющие общую дверь в коридор; число помещений-ячеек в мавзолее, следовательно, возрастает втрое — по меньшей мере. Отсеки в пределах одной комнаты разделяются хрупкими перегородками из сланцевых плиток. Последние монтируются на небольших каменных блоках, в совокупности составляющих как бы цоколь перегородки. Склеп, длиной от 1,5 до 2 метров, вмещает покойника и ряд сопутствующих предметов; после захоронения отверстие склепа навсегда запеча-

тывается плитой. Такова семейная гробница, типичная для многих стран Ближнего Востока.

У подножия этого веера гробниц археологи откопали целый архитектурный комплекс, включающий прежде всего святилище. С самого начала подъема на него-то и натыкаешься. Рядом с кладбищенским храмом — очень глубокий колодец, куда близкие усопшего, прощаясь с ним, бросали маленькие бюсты, алтари для воскуривания ладана и прочие предметы, подобные тем, что кладутся в могилу. Наличие колодца почти уникально, так как еще один, подобный ему, имеется лишь в Самхаре, в области Зуфар.

Продолжая подъем, посетитель продолжает ознакомление с комплексом. Следующий его этап — мавзолей со стоящими перед ним скамьями из сырцового кирпича. Из-за мавзолея выглядывает храм, скромный по размерам, но — с целлой, к которой подводит портик из шести колонн-монолитов. Это святилище, как и первое, целиком специализировано на культе, связанном с миром мертвых: здесь происходило прощание с покойными, здесь их родственники оставляли статуэтки, надписи на основании которых разнятся между собой, но неизменно начинаются одними и теми же словами: «последний приют» такого-то или такой-то.

Установление хотя бы только оценочных дат для всего комплекса — дело отнюдь не легкое. Некоторые полагали, что самые древние из его строений и самые древние из найденных в них предметов (сосуды в первую очередь) восходят к VII веку до н. э.<sup>11</sup>. Другие же исследователи обращали внимание своих коллег на то обстоятельство, что подавляющее большинство стел и все, без исключения, алебастровые головы относятся к периоду I века до н. э. — I века н. э.

Если не считать Тамны, самые замечательные погребальные сооружения находятся в Ма'ине. Подлинной же жемчужиной этого жанра зодчества следует признать здание, расположенное напротив храма Аввам. Откопанное в 1951 году<sup>12</sup>, а затем почти полностью вновь занесенное песком, оно являет собой конструкцию, состоящую из внешней «оболоч-

ки», мощной стены с одним входом, проделанным в ней, и из внутреннего помещения, одной-единственной комнаты, квадратной в плане (8 на 8 метров) и высотой в 4 метра. Вдоль трех стен комнаты протянулись ряды саркофагов. Или, точнее, ярусы саркофагов, так как один саркофаг ставился на другой — и так до самого потолка (каменного потолка, подпираемого четырьмя колоннами с украшенными зубчиками капителями). Длина саркофагов разная. Обычно она варьируется между 1,4 и 1,8 метра, но имеются и саркофаги в 0,9 метра (это для детей?). Каждый из них навеки закрыт или, вернее, запечатан прекрасной плитой, на которой начертано имя покойного.

Помимо этой погребальной комнаты, заставленной до самого верха шестьюдесятью саркофагами, мавзолеей заключает в себе еще и подземелье — склеп, вырубленный в скальном грунте. Имена двух государей на двух закрывающих гробницы плитах могли бы послужить убедительным доводом в пользу идентификации подземного склепа в качестве царской усыпальницы.

В какой-нибудь сотне метров от этого выдающегося памятника погребального зодчества американские археологи из-под наносов высвободили частично еще один. Речь здесь может идти либо об отдельном здании, либо об элементе более обширного погребального комплекса. Здание это являет собой сложную структуру смежных комнат, выходящих на осевой магистральный проход, и проходов между отсеками внутри комнат. Город мертвых очень напоминает город живых, с его улицами, переулками и тупиками, — с тем, однако, различием, что первый спланирован куда более четко, чем второй. Комнаты, площадью от 4 до 9 квадратных метров, содержат десятки поставленных один на другой саркофагов. Ярусы гробниц, хотя не раз подвергались с эпохи древности основательному грабежу, смогли тем не менее предоставить археологам предметы и тексты, восходящие к VIII—VII векам до Р. Х.

В 1997 году увидели свет еще три массивные конструкции<sup>13</sup>. Эти три могилы выглядят как крепост-

ные башни, чьи глухие стены украшены погребальными масками — либо рельефными, либо, напротив, вырезанными в камень. В середине некоторых плит, закрывающих собой саркофаги, проделаны отверстия, в которых крепится алебастровая голова — украшение довольно обычное и для других южноаравийских надгробий. Всего в трех могилах-башнях погребено около 170 покойников — с их посудой, статуэтками и прочими предметами. Многочисленные надписи, назвав имя усопшего, извещают также о его происхождении и социальном положении.

Описанная выше надгробная архитектура имеет некоторые параллели на Ближнем Востоке — сначала эллинистическом, потом греко-римском. В Пальмире башни-усыпальницы снизу доверху заполнены подобного же типа погребальными комнатами<sup>14</sup>. Эти семейные могилы служили последним приютом многим поколениям, причем сохранялась неприкосновенность каждого индивидуального «жилища». Самые роскошные из них, Йамбилика и Елахбея, относятся к концу I века н. э., их предшественницы — к I веку до н. э., а насколько глубоко в прошлое уходят корни последних, остается неизвестным. Ряд ученых предположил: «дома мертвых» строились по образцу «домов живых». Однако им не хватало конкретного материала для подтверждения выдвинутой гипотезы, за исключением нескольких известных высоких и массивных зданий. Другие исследователи связывали пальмирские башни с некоторыми их предположительными прототипами в Западной Сирии. Открытие в Южной Аравии башен-домов и башен-усыпальниц (и те и другие относятся к VIII—VII векам до н. э.) могло бы предложить науке новые перспективы исследований; впрочем, не столь уж невозможно и то, что эстафету строительства такого рода надгробных сооружений Аравии передала Ассирия.

Сведения, проливающие хоть какой-то свет на стоимость строительства такого типа могил, очень редки. В Пальмире некто в надписи похвально тем, что он один, без посторонней помощи, воздвиг башню-усыпальницу и передал ее своему потомству по

наследству. В отношении же Ма'риба остается неизвестным, создавались ли там товарищества для финансирования строительства башен-могил или же эти башни строились отдельными лицами и потом распродавались по частям в розницу. Многие тексты свидетельствуют о приобретении четверти, трети или половины погребальной комнаты: некий Аби'амар приобрел и построил (?) четвертую часть ансамбля, состоящего из трех погребальных комнат; другое лицо купило один ярус из рядов саркофагов. Ввиду высокой стоимости башни-усыпальницы в Ма'рибе, более чем вероятно то, что строились они все же в складчину большим числом членов товарищества.

### *Образы усопших*

Какие дары приносила семья своему покойнику, провожая его в последний путь? В принципе, это такие миниатюрные предметы, которые могли бы уместиться в узком пространстве саркофага: алтари для возжигания ладана высотой не более 12 сантиметров, очень маленькие ложки-черпаки, бронзовые тарелочки, бронзовые статуэтки, малюсенькие косметические коробочки, вазочки из стеатита или керамики и т. п. Усопший уходил в мир иной в окружении тех же предметов, среди которых он провел свою жизнь, но только в очень уменьшенных размерах, чтобы они смогли сопроводить его в жизнь потустороннюю, вечную. Среди набора предметов, кладущихся в саркофаг, значительную часть составляют... стелы. Либо целиком из асбеста, либо это асбестовая плиточка, вставленная в ложе из известняка<sup>15</sup>.

Среди предметов потустороннего пользования безусловный приоритет отдается портретам. Долгое время шел спор, кого эти портреты представляют — богов или усопших. Ныне он, кажется, окончательно решен в пользу последних: именно они смотрят со стел, а рядом — их имена. Их разнообразие поразительно: головы на длинных шеях, вмонтированные в основания с надписями; поясные скульптурные порт-

реты, установленные на цоколях; статуэтки людей в позе молящихся и стелы в форме пластин, которыми запечатывается место хранения саркофага (установление даты последних остается под вопросом). Что касается голов на длинных шеях, вставленных в кубическое основание, то они, безусловно, относятся к классическому — сабейскому и катабанитскому — периоду. В ту пору катабанитские области (не только они, но они в особенности) во множестве производят такого типа алебастровые скульптурные портреты с указанием имени усопшего на их цоколях<sup>16</sup>: коренастые и не очень-то пропорционально сложенные тела, застывшие черты лица, «механические» жесты и костюмы, сводящиеся к простому платью, если портрет представляет не только голову, но и торс, хотя бы частично. Эти персонажи носят такие имена, как Лабу, Хайв, Абийада, 'Амми'али, Илишара... Другой тип, также весьма распространенный в Сабее и Катабане классического периода: портреты, стилизованные под погребальные маски, плоские и прямоугольные по форме. Алебастровая голова может быть либо замурована в нише из известняка, либо вмонтирована в ту пластину, что закрывает собой нишу для саркофага.

В более поздний период (I век до Р. Х. — I век после Р. Х.) на пластинах преобладают портреты. В отличие от моделей предыдущего периода их исполнение более искусно, одежда более легка, детализировка украшений и оружия более проработана. К этому типу принадлежит серия работ, которую археологи называли «К богине» и которая представляет приносящих божеству дары<sup>17</sup>. Моделирование груди под складками одежды очень напоминает некоторые бронзовые статуи, несущие на себе явный отпечаток греко-римского влияния. Пластина, ошибочно названная первоначально «пластиной с молодым богом», в действительности представляет некоего Гавс'илия сына 'Асма в профиль, одетого в струящуюся складками тунику, украшенного браслетом и вооруженного кинжалом и длинным мечом.

Из всех произведений этого жанра наиболее при-



мечательны алебастровые головы с чрезмерно увеличенными глазами, с глазами, в которые на месте зрачков вставлены цветные камни или стекло. Техника изображения бровей довольно сложна: алебастр на их месте вытачивался, выемка заполнялась минеральной смолой, которая, застывая, окрашивалась в желательный цвет. Рот узок, а борода иногда указывается мазками черной краски. Отсутствие головного убора объясняется тем, что шевелюра сначала формовалась из известкового раствора, а затем по ней, еще влажной, проводили гребнем. Доказательство, если в нем есть нужда, легко добыть при рассмотрении неповрежденных алебастровых голов, которых хватает в частных коллекциях. А вот самый известный пример: «Марьям» (фотография на обложке), найденная в 1950 году в некрополе Хайд ибн'Акиль. Ее глаза — инкрустированная ляпис-лазурь, укрепленная в голубой пасте; ее локоны должны были ниспадать на ее уши; ее прическа из гипса, спускающаяся по обе стороны лица, показывает хорошо уложенные волосы.

### *Последнее жилище*

Объем информации, собранной по некрополям, обнаддеживает. В нашем распоряжении и многочисленные надписи, и множество изображений, рельефов, стел, бюстов, алтарей для воскуривания фимиама, посуды. Дело за малым: всему собранному остается дать интерпретацию.

Так, посуды, найденной в могилах, конечно, хватает. Но где же хотя бы только следы элементов менее долговечных, а именно — пищи, которая могла бы вместе с посудой сопроводить усопшего в его путешествии в загробную даль? Помещенные в саркофаг предметы воссоздают, причем, скорее всего, в уменьшенных размерах, ту вещную среду, в коей покойный пребывал до своей кончины. Однако самой распространенной «мебелью» саркофагов остаются... стелы с именем покойного и, предположительно, с его изображением. Вместе с тем никак нельзя счи-

тать доказанным, что изображения на аравийских стелах (как и на подобных им у западных семитов) в самом деле передают действительный или хотя бы только обобщенно-идеализированный облик покойного.

Из всех терминов, обозначающих могилу, наиболее распространенный, по крайней мере в Тамне, — это «м'мр» («последнее жилище»). Семья почитает усопшего, сооружая для него, по возможности, долговечное «последнее жилище», в котором он пребудет и из которого ни в какое путешествие не пустится. Ничто в надписях не указывает на наличие веры в то, что духовное начало человека (его «душа» — «нафс») сможет отделиться от своей телесной оболочки. «Последнее жилище» — это жилище вечное, не оставляющее надежды на какое бы то ни было иное.

### *Мертвые, погребенные в иле*

Мавзолеи и прочие каменные гробницы воздвигнуты, очевидно, лицам высокого имущественного положения. Выходцев из менее обеспеченных слоев ожидало погребение в речных наносах. Хотя такого рода могилы оставляют мало следов на поверхности, некоторые из них были тем не менее обнаружены и открыты в Хадрамауте. Самый большой из известных некрополей простирается к югу от города Райбун<sup>18</sup>. А наиболее, пожалуй, причудливый способ погребения состоит в следующем: для тела вырывается небольшой — и по глубине, и по длине — ров; при погребении он, естественно, засыпается, но это не все: по всему телу покойного проделаны скважины, ведущие к нему с поверхности; эти отверстия или «колодцы» заложены сверху каменными плитками; иногда ров могилы оказывается короче тела — тогда (не всегда!) оно укладывается в него с согнутыми ногами. Предметы, извлеченные из погребений такого типа — железный кинжал, морские раковины, кожаный бурдюк, браслеты из железа, — свидетельствуют о скромном социальном и имущественном положении погребенных.

Множество могил этого же типа отмечено в вади Дура, к востоку от вади Марха. Все это — погребения очень скромные. Вообще тела покойных укладывались прямо в землю, а у головы, в качестве единственного загробного имущества, ставились два небольших горшка — один алебастровый, другой керамический. В некоторых, сравнительно более «богатых», могилах к этому обязательному минимуму еще добавляются: бронзовая разливательная ложка, осколки меча да вазы с волнистыми краями. Однако в некрополе Хаджпр аз-Зубийя прямо в ров, без гроба, закапывались персоны высокого социального ранга — с их оружием, посудой из бронзы, стекла и алебастра<sup>19</sup>. Эти погребения, будучи покрыты наслонениями толщиной в несколько десятков сантиметров, вновь потом откапывались, чтобы соорудить на них новые, во всем подобные нижележащим. Этому любопытному обычаю вряд ли следовали южноаравийские горожане; скорее всего, он укоренился в кочевой среде.

### *Могилы верблюдов*

Верблюды играли ведущую роль в экономике Южной Аравии, однако до самого последнего времени археологи ни разу не натыкались на верблюжьи могилы. Однако было известно, что такая практика — хоронить издохших верблюдов — получила в III тысячелетии довольно широкое распространение в Омани, а затем, уже к концу I тысячелетия до н. э., продолжала продвигаться вдоль побережья Арабо-Персидского залива. Ныне же успело набраться достаточное количество свидетельств того, что верный верблюд перешагивал бок о бок с человеком и порог, отделяющий жизнь от смерти. Эти погребения — одна из самых характерных черт погребальных обычаев у южных аравитян.

Примерно три десятка верблюжьих могил — одни в Райбуне, другие на Высоких Землях Хадрамаута, в местностях Балас и Баат — по большей части восходят либо к последним векам до нашей эры, либо к

первым — нашей. Они стали составной частью погребальной практики как кочевых, так и оседлых племен<sup>20</sup>. Речь прежде всего идет о захоронении цельных верблюжьих скелетов, положенных в двух позах. В первом случае они лежат на боку, с согнутыми ногами и шеей (вместе с головой), откинутой назад; во втором — верблюд погребался, стоя на коленях и с головой, повернутой всегда налево. Реже отрубленная голова помещалась между лапами животного. Иногда шея и таз отсутствуют: скорее всего, эти части тела были предварительно изъяты, чтобы потом пойти в пищу. Требовались, очевидно, большие усилия для того, чтобы придать телу умершего животного нужное положение и вырыть для него достаточно глубокую могилу.

Еще большее удивление вызывают верблюды, перед смертью обезглавленные. В семи могилах у Райбуна — верблюды с отсеченной и отделенной от корпуса головой, на месте которой иногда положен камень. Животное заводили в могилу, заставляли его встать на колени передних ног (задние связывались путами, а сухожилия на них, до смерти или после нее — это остается неизвестным, перерезались), после чего ему отрубали голову. Античные надписи об этом кровавом ритуале не говорят ровно ничего, а потому ради хотя бы только частичного раскрытия его смысла стоит обратиться к практике совсем недавних времен<sup>21</sup>.

При принесении животного в жертву, бедуины предпочитают верблюдов мелкому скоту. Возраст и пол жертвы не играют при выборе никакой роли, но важен ее окрас: белый верблюд в этом отношении ценится выше черного. Место, где жертва приносится, совершенно произвольно, однако глотку животного перерезают, повернув его голову всегда в сторону Мекки; кровь наполняет подставленные емкости и используется затем как краска для разного рода декоративных мотивов. Жертвоприношения происходят круглый год, соответственно ритму полевых работ, праздникам, требованиям хаджа, но также — и в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств:

неотложных нужд, важных событий и т. д. Таким способом стараются заручиться благоволением и содействием со стороны местных и астральных божеств, духов рангом пониже и ряда мифических личностей. Покойники, следует заметить, исключены из этого мистического круга: «Жертвоприношения во имя умерших вовсе не выражают собой какого-то культа мертвых, но служат всего лишь жестом социального долга живых по отношению к усопшим»<sup>22</sup>. К сожалению, существование подобных же обычаев в последние века до нашей эры и в первые — нашей не подтверждается ни одним из дошедших до нас текстов.

Люди и их верблюды могли обрести место вечно-го отдохновения, одни вместе с другими, либо внутри одного и того же погребения, либо в погребениях, расположенных в непосредственном соседстве, либо, наконец, в пределах одного и того же кладбища. В первом случае усопший погребался в «колодце», а верблюдов — над ним<sup>23</sup>. На животное смотрели как на собственность человека, и, в качестве таковой, оно хоронилось вместе со своим господином, делаясь тем самым одним из предметов погребального набора. Второй случай: могилы верблюдов непосредственно соседствуют с могилами их хозяев. Последний случай: верблюжьи могилы располагаются у подножия могил-пещер вдоль ряда утесов в окрестностях храма Майфа'ан<sup>24</sup>. Погребальный набор здесь, как и в могилах восточного Хадрамаута, состоит в основном из ножей, бритв, кинжалов и головных частей копья — все это пригодно для забоя животных. Вместе с тем тот же арсенал символизирует социальный ранг усопшего. Статус покойного измерялся также и числом верблюдов, сопроводивших хозяина в смерти<sup>25</sup>.

### *Новшества в погребальной практике*

Сменяющие одна другую формы саркофагов отражают действительную эволюцию сравнительно с сабейскими и катанитскими мавзолеями, а также — социально-политические изменения, пережи-

тые Южной Аравией. Начиная со II века до н. э. кочевые племена арабского происхождения в самом деле чем дальше, тем больше оседают в больших вади. Там они постепенно переходят от кочевничества к оседлости, принося с собой не только иные способы выживания и образы жизни, но и весьма отличные религиозные представления. Их проникновение в Джауф, недвусмысленно удостоверенное многочисленными текстами, протекало, по всей видимости, более интенсивно, чем — в вади Байхан, Марха и Дура. О последнем свидетельствуют не тексты, а изменения в погребальных обычаях. На Высоких Землях прошлые племена играют постоянно возрастающую роль и в конце концов образуют новую конфедерацию, ядром которой служит племя Химьяр. В течение I века Химьяр распространяет, шаг за шагом, свое влияние на Сабу — верный знак ослабления племен, живущих на кромке пустыни. Наконец, вовлечение Южной Аравии в морскую торговлю открывает двери страны перед греко-римскими изделиями, чей стиль довольно быстро перенимается местными художниками и ремесленниками.

Эта новая ситуация и, в первую очередь, появление кочевых племен находят отражение начиная с I века до н. э. в погребальных обрядах. Кочевники не строят новых мавзолеев, но утилизируют старые, не вырубаят могил-пещер, но кладут своих покойников в уже вырубленные. Вообще говоря, с прибытием кочевников связывается сооружение стел упрощенного типа — так называемых «стел с глазами». В Джауфе стелы нового типа изготавливаются в основном из дерева<sup>26</sup>, в вади же Байхан — из камня. Хайд ибн'Акиль, некрополь Тамны, буквально заполонен этими продолговатыми плитами из известняка с выступающей рамкой, внутри которой высечено два огромных глаза с хорошо обозначенными бровями, слишком вытянутым носом и малюсеньким ртом. Иногда, впрочем, рот и нос исчезают вовсе, а за их счет глаза делаются еще больше. Имена на них — северо-арабские, очень отличные от старых катабабитских<sup>27</sup>. Любопытно то, что ни одна из «стел с гла-

зами» не была обнаружена ни в Шабве, ни в Хадрамауте. Мы уже упоминали захоронения в вади Дура, где погребены военные вожди с их оружием и ценной посудой. Еще один тип могилы представляет собой сооружение из известняковых плит, укрепленных в аллювиальной почве; погребения такого рода довольно широко распространены в вади Дура (в Хувайдаре), в вади Марха (Хаджар Талиб), там, где эти вади граничат с пустыней. И еще — на Высоких Землях, около ад-Дали. Некрополь в ад-Дали (I век до н. э.) предоставил археологам весьма необычный материал — приносимые в дар божеству по обету (*ex-voto*) части человеческого тела: руки, ноги, ступни, даже женские груди. И все они — или из известняка, или из алебаstra. Имеются также стелы в форме человеческих тел или бычьих голов. Самая прекрасная из этой серии статуэтка, так называемая «дама из ад-Дали», совмещает несколько натянутую позу, характерную для архаичной скульптуры, с ожерельем и кулонами последней, для I века до н. э., моды<sup>28</sup>. Во всех некрополях продолжают выполнять свои функции кладбищенские храмы — в соответствии с очень древней традицией.

Ко времени открытия Южной Аравией греко-римского мира относится распространение стел с узорами и изображением человеческих фигур, заимствованных иногда из погребальных обрядов, иногда не имеющих с ними ничего общего. На них главный персонаж то сидит, то возлежит на парадном ложе в окружении музыкантов, слуг или своих детей. Архитектурный декор демонстрирует теперь колонну с канелюрами (а не пилон и не стояк), чью капитель украшают листья аканта, а не зубчики. Колонна подпирает арку, по которой пущен орнамент в виде виноградных листьев или вяза и т. д. Все эти архитектурные элементы вызывают в памяти сирийские модели, взятые, без сомнения, в качестве образцов, так как именно Южная Сирия двух первых веков нашей эры раскрывает перед Аравией веер новых возможностей в скульптуре и резного декора по камню<sup>29</sup>. Греко-римский Восток не забывает и тех, кто поми-

нает усопших за пышной трапезой: он им предлагает новые образцы столовых приборов и посуды. Именно тогда в моду входят разливательные ложки из бронзы, черпаки из серебра, кастрюли с замысловатыми ручками, чаши для омовения с изображением рук, совки для ладана<sup>30</sup>. Теперь уже нет такого города, в котором местные ремесленники не воспроизводили бы все эти символы престижа по сирийско-греко-римским образцам. С одним только отличием от оригиналов: копии покрывались надписями на южноаравийском языке. Не было и такой метрополии, которая не заводила бы у себя поминальных банкетных залов по греко-римским моделям<sup>31</sup>. Итак, в первые века нашей эры перед миром мертвых раскрывались новые горизонты.



---

## К НОВЫМ ГОРИЗОНТАМ

Когда Рим выступил преемником власти Селевкидов в Сирии и Лагидов в Египте, одним из направлений его внешней политики стало установление контроля над путями, уходящими далеко на юг. Потерпев неудачу в своей попытке овладеть страной, производящей благовония, римляне, достигнув берегов Хадрамаута, преуспели в другом дерзостном начинании. Ведь перед этим царством раскрываются широкие горизонты как в Индийском океане за островом Сокотра, так и в Красном море за проливом Баб аль-Мандаб. Государства на окраине пустыни, то есть там, где завязались первые узлы сети древних караванных путей, сразу же почувствовали на себе могучую руку далекого Рима, испытав сокращение своих торговых прибылей. В то же время центр тяжести этих государств стал смещаться в сторону Высоких Земель, а именно к той новой федерации, что вошла в историю под именем Химьяра. Саба, теснимая кочевыми арабами с северо-востока, поворачивается лицом к западным горам, заложив краеугольный камень своей новой столицы — Саны.

### *Возвышение Химьяра*

Даже в архаичный и классический периоды горы Йемена отнюдь не оставались недосыгаемыми для больших цивилизационных потоков. Сабейцы пер-

выми пошли на приступ этих плодородных земель. Колоны, солдаты и чиновники в довольно большом числе обосновывались начиная с VII века до н. э. в районе Саны и к северу от нее, до Хамира. В этой области, принадлежавшей племени Бакиль, культ Альмакаха укоренился настолько глубоко, что храм в Алаве, над Шибамом-Кавкабаном, носил имя подобного ему храма в Ма'рибе: Аввам. Племя Бакиль должно, следовательно, рассматриваться как одно из сабейских племен<sup>1</sup>. Между тем последующие века, лучше известные благодаря многочисленным надписям, становятся свидетелями подъема союзов местных племен. Так, к северу и к северу-востоку от Саны, в Архабе и Нихиме, возникает конфедерация племен Сум'ай. У этого объединения — свои цари, свои учреждения, свое летосчисление по именам эпонимов, свои, наконец, боги — Та'лаб и Наваш. Тем не менее оно, вслед за Бакилем, подпадает под господство сабейцев. Власть Сабы распространяется на уйму мелких племен, вроде Гаймана и Симхана, поселившихся рядом с Саной, не говоря уж о племени Файшан, которому суждено было блестящее будущее. Сабейцы основывают Сану в середине I века до н. э.: что бы ни говорили местные легенды, городу всего две тысячи лет.

Противодействие сабейской экспансии было оказано на юге, в области Замара и Йарима. Там племена горцев тоже объединились в рамках своей конфедерации под главенством местных нотаблей. Объединение это на первых порах было очень рыхлым, а нотабли не прекращали междоусобной борьбы за свое влияние. По неясным пока причинам, среднее и по численности, и, следовательно, по боевой силе племя Химьяр, катанитское по своему происхождению, стало постепенно продвигаться к вершине межплеменной иерархии. Где оно первоначально обосновалось и каковы источники его влияния — это неизвестно в точности. Достоверным фактом остается лишь то, что племя Химьяр удалось поставить межплеменной союз на более прочную основу и сделать его более сплоченным. Сплачивался же он

вокруг сеньоров замка Райдан в Зафаре, в нескольких километрах к юго-востоку от Йарима<sup>2</sup>. Так что династия, восходящая к власти, называла себя «зу-Райдан» — «те, что из Райдана». Первоначально ее господство простиралось на всю равнину Замара, вплоть до ущелья Йаслах. В отличие от конфедераций архаического периода эта основывалась не на общем культе какого-либо божества, к примеру 'Астара, а на верности общему сеньору. К 110 году до н.э. упомянутая территория преобразуется в независимое княжество. Оно расширяется, шаг за шагом, в западном направлении, достигая гор, расположенных даже за зоной водораздела, и в северном, где довольно скоро наталкивается на племена, находящиеся под сабейским господством. Перелом происходит в последней четверти I века до н. э., когда сеньоры Райдана провозглашают себя «царями Сабы и господами Райдана», а не только «господами Райдана». Очевидно, по той причине, что химьяритская династия овладела, скорее всего, Сабой.

И опять-таки причины столь большого успеха остаются загадкой. Территориально ядро Химьяра совпадает с «зеленым и цветущим Йеменом» равнины Замар и ее окрестностей. Обильные дожди (около 400 миллиметров в год в Замаре и более 900 миллиметров в Йариме<sup>3</sup>) и плодородная почва делают земледелие продуктивным, а скотоводство интенсивным. Приручение лошади в I веке после Р. Х., вероятно, имело серьезные последствия<sup>4</sup>. Довольно скоро, как кажется, создаются конные отряды — сначала легкой кавалерии, а затем и тяжелой. Что и отдало решающие победы в руки химьяритов, выступивших инициаторами создания нового рода войск. Не стало ли это процветание сельского хозяйства в горном Йемене своего рода магнитом, притягивающим к себе население, покидавшее насиженные места в пограничных с пустыней областях, областях, в которых нарастали трудности, связанные с ограниченностью возможностей традиционного поливного земледелия, и которые чем дальше, тем больше испытывали со стороны пустыни давление арабских коче-

вых племен? Эта соблазнительная гипотеза, увы, не подтверждается фактами. Отсутствуют какие-либо археологические данные, позволяющие утверждать, что предхимьярский период отмечен возникновением новых поселений или значительным расширением старых<sup>5</sup>.

Оригинальность и сила Химьяра кроются в другом: в его племенной организации. Маленькие племена, иногда называемые «простонародьем» («ша'аб»), обеспечивают территориальное сцепление обрабатываемых ими земель; наряду с такого рода землевладением имеет место и землевладение вождей, нотаблей, кайлей, которые, по всей видимости, обладают доменами с хорошо налаженным сельским хозяйством, что и позволяет им налагать на простой народ налоги и набирать войска. Образую совершенно особое и сплоченное сословие, кайли представляют собой новую социальную силу в рамках традиционного племенного общества. Иерархичность социума, сложившегося на Высоких Землях, служит залогом его сплоченности и пластичности, отличающих его от сравнительно обширных государств на кромке пустыни. Достаточно хорошо информированные латинские авторы отмечают подъем химьяритов. Плиний, передавая сведения, собранные в течение I века до Р. Х., указывает на то, что химьяриты очень многочисленны<sup>6</sup>. Позднее источники упоминают Зафар, большую метрополию, и его государя Харибаэля, законного царя двух племен — Хомеритов (Химьяритов) и их соседей, сабейцев<sup>7</sup>. Прежнее соотношение между этими двумя племенами, как видим, перевернуто: Саба — всего лишь «соседка». «Соседка», правда, все еще обладающая престижем, но уже, что ни говорите, второго ранга.

### *Саба', царственное племя*

Первоначально термин «Саба'» означал социум, сплотившийся вокруг культа Альмакаха, и, дополнительно, территорию, занимаемую этим социумом вокруг Ма'риба. В ходе сабейской экспансии в VII ве-

ке до н. э. этот термин был вытеснен новым оборотом «потомство Альмакаха», который предполагал наличие и новой общности: старое сабейское ядро обросло новыми племенами, а совместный культ Альмакаха стал символом более широкого объединения племен. Эта группа общин во времена мукаррибов отмечала память пактов своего единения в святилищах Джебель ал-Лавза. Постепенно старый термин «Саба'» начал применяться и к новой общности племен, волей или неволей подпавших под власть царей Мар'яба (Ма'риба); тогда говорили: «Саба и племена», — что предполагало более высокий статус царственного племени Сабы относительно других племен.

В последние века до нашей эры природа царской власти меняется<sup>8</sup>. Ее символическое выражение в религиозных обрядах и верованиях как бы стирается, а на первый план все больше и больше выходит личная верность царю. Эта политическая эволюция, по видимому, связана с увеличением удельного веса племен на Высоких Землях за счет падения влияния племен старых, заселяющих кромку пустыни. Новое соотношение сил приводит к постепенному понижению престижа сабейских царей: статус царей теперь сближается со статусом верховных вождей племени. Незадолго до начала нашей эры, один из царей Мар'яба, как сообщается в надписи, своих подданных обозначал как «Саба' и Файшан». Несмотря на свою фрагментарность, надпись все же бросает свет на новую организацию власти: продолжение текста явно указывает на то, что отныне царь рассматривается всего лишь как глава одного из племен наравне с прочими. Его власть распространяется только на два племени, которые, слившись, образуют фактически одно-единственное. «Дети Файшана» — родом с Высоких Земель, точнее с плато Саны: они-то и заселяют Сану, еще точнее — северные кварталы города, и Шибам-Кавкабан<sup>9</sup>. Пока неизвестно, как люди Файшана, составлявшие еще ранее, до своего укоренения на Высоких Землях, один из кланов какого-то племени в Ма'рибе или независимое мелкое племя, — каким образом ухитрились они подняться на самую

верхушку иерархии, то есть так высоко, что слились с царственной Сабой в одно племя. Но «Саба'», помимо племени и прочего, означала, как легко предположить, еще и старую сабейскую аристократию, связанную узами кровного родства с царским домом, — в ее-то ряды и вошли «дети Файшана».

Перестановки внутри племен были, кажется, довольно заурядным явлением, но на пороге нашей эры они производились не в пользу Сабы. Нынешняя историография приводит тому три причины. Это прежде всего давление кочевых племен на границы сабейского домена. Это, далее, римская военная экспедиция 26—25 годов до н. э., проложившая себе путь вплоть до стен Ма'риба. И, наконец, это — рост могущества Хадрамаута. Некоторые историки полагают, что равнодействующая этих трех факторов толкала теснимую с востока Сабу в объятия Химьяра, ее покровителя. Химьяр, очевидно, верховенствует, а Саба' находится в зависимом от него положении. И вот тогда-то химьяритские властители пытаются присвоить себе царский титул. Отныне цари «Сабы и зу-Райдана» председательствуют и предстоят на церемониях, посвященных юбилейным праздникам по случаю заключения пактов единения, на церемониях, которые разворачиваются в святилищах Джебеля ал-Лавза. Они возрождают угасшую было традицию таких церемоний — себе, разумеется, на пользу.

Что касается Ма'риба, он также теряет привилегию быть единственной столицей: Сана приобретает равный с ним статус. Во второй столице возводится и царский дворец Тумдан, величие которого должно соперничать со старым замком Салхин в Ма'рибе и который так воспеваётся йеменскими поэтами:

Вот гордый Гумдан, изливающий бальзам на страждущие сердца; высотой в двадцать этажей, он вздымается до самого верхнего неба, а вершину его окружает белый тюрбан из облаков. Его плащ — из мрамора, пояс — из алебаstra, его парча — из

оникса. Нужно видеть его медную крышу с орлами и львами по углам! Его сокровище — водяные часы (клепсидра), отсчитывающие время и дня, и ночи<sup>10</sup>.

### *Прибытие кочевников*

Арабоязычные, обычно называемые «арабами», расселяются вдоль естественных рубежей южно-аравийских государств и поддерживают с этими государствами разнообразные отношения по разным поводам и проблемам — пастушества, земледелия, вождения караванов и т. д. Привлекаемые процветанием оазисов и богатством городов, они мало-помалу пытаются проникнуть в ареалы оседлости.

Самые древние тексты (VI век до н. э.) определяют арабов как пастухов и кочевников: именно этот образ жизни отличает их от оседлых обитателей орошаемых земель<sup>11</sup>. Пока они держатся в стороне от городской жизни, гражданской или религиозной, в них не усматривают какой-либо опасности. Южные аравитяне не делают никакого различия между «кочевниками» и «арабами», так как последние — пастухи прежде всего. А среди арабов, с которыми Саба' связана более или менее регулярными отношениями выделяются лишь два племени: Наджран и Амир. Стоит вспомнить походы Кариб'илия Ватара против племен Муха'мир и Наджран. В ходе этих двух экспедиций у противников Сабы было отогнано огромное число верблюдов и голов крупного рогатого скота. Несмотря на одержанные победы, один из преемников Кариб'илия должен был предпринять новые походы против тех же двух племен, особенно непокорных<sup>12</sup>. Едва завязавшиеся связи между южноаравийскими государствами и их северными соседями оборачиваются, стало быть, конфликтом.

Долина Джауфа, в силу своей географической смежности, всегда поддерживала особенно тесные отношения с этими северо-западными племенами. Со II века до н. э. члены последних начинают оседать в долине. Расположенные на самом краю долины го-

рода 'Иннаба и Ма'ин должны бы быть затронуты этим приливом в первую очередь, однако археологи пока не обнаружили никаких его следов. Таковые впервые найдены, как это ни странно, в городе Харам, который весьма удален от приграничной зоны. Большое святилище, посвященное Матабнатайну, переходит к культуре Халфана и даже меняет свое название: оно отныне именуется «Арасат»<sup>13</sup>. По-видимому, прежнее население города оказалось вытесненным, по крайней мере частично, многочисленными пришельцами, которые не знали местного языка (мазабиесского), а говорили на смеси арабского с сабейским. Пришедшие арабы принесли с собой, помимо прочего, и свои божества, Халфана и зу-Самави, которые изгнали старых богов. Наконец, они заменили царя племенной ассамблеей. Изменение представляется тотальным, традиции кочевников во всех областях общественной жизни одерживают верх над обычаями оседлого народа. Арабы, продолжая свое постепенное продвижение вверх по долине Джауфа, обосновались немного позднее в Каминаху (Жамна), в Нашшане (аль-Байда) и в Манхийате (Хизмат Абу Савр). Такое проникновение протекало не всегда гладко, иногда вызывая сопротивление местного населения, принимавшее вооруженный характер; впрочем, столкновения носили характер, скорее всего, стычек, а не кровопролитных битв<sup>14</sup>. В области Ма'риба арабы завязывают все более прочные связи с сабейцами. Они даже, как кажется, располагают в столице своим собственным святилищем, которое отведено исключительно им. В катабанитских районах, заключенных между Байханом и Дурой, некоторые признаки указывают на медленное просачивание кочевников. Обнаруженная в Тамне бронзовая доска содержит посвящение катабанитов, обращенное к зу-Самави, божеству арабского племени Амир, в котором они благодарят бога за спасение верблюда (изображение чудом спасенного животного прилагается к тексту): племена старожиллов объединяются с новоселами в рамках отправления одного и того же культа<sup>15</sup>. Наконец, археологи приписывают этим им-



мигрантам строительство маленьких домиков, расположенных в форме короны: их керамика восходит, вероятно, к I веку до Р. Х. — I веку после Р. Х.

Как это ни странно, прибытие инородцев продолжает ощущаться и поныне в некоторых долинах Йемена. В вади Марха окрестности городка Хаджар Йахирр, бывшего в далеком прошлом столицей Авсан, до 1975 года оставались полностью безлюдными — всего лишь один колодец орошал один плодовый сад, около Зат-аль-Джар. Мало-помалу здесь оседают бедуины. Они разбивают палатки, вокруг которых бродят их козы и верблюды. Постепенно между палатками возникают ограждения из колючей проволоки, а сами они преобразуются в хижины, кое-как сооруженные из различных материалов — веток, досок и шифера. За десятилетие вырыта дюжина колодцев, владельцы которых принимаются за выращивание люцерны и овощей. Заключительный этап оседания ознаменован возведением глинобитных домов и появлением торговых лавок. Это освоение местности, пусть и пустынной, не могло обойтись — и не обошлось — без трений с соседними племенами.

Просачиваясь вверх по долинам, арабы достигли в конце концов и Высоких Земель. В I веке н. э. два больших местных племени Хашид и Йусрам, чья территория простирается к северу от Саны, почувствовали давление на ее границы. Волна иммиграции, принимая все более широкий размах, грозила захлестнуть Сабейское государство со всех сторон. Умножаются столкновения между арабами и южными аравитянами. Имеют место и некоторые успешные попытки поиска компромисса. Так, один из сабейских царей набирает вспомогательные войска среди арабов-бедуинов, а также арабских племен, осевших в Джауфе. Во II веке противостояния приобретают повсеместный и постоянный характер, причем отдельные их эпизоды далеко не всегда оканчиваются в пользу южных аравитян. Правда, некоторые южно-аравийские государства придерживаются более гибкой стратегии — вербуют или рекрутируют арабов в свои войска, формируя из кочевников особые части,

подобные входившим в римскую армию знаменитым конным «пальмирским лучникам»; другие, кроме того, находят применение арабским конным отрядам и во внутренних междоусобицах. Так или иначе, пусть и окольными путями, арабы постепенно входят в южноаравийское общество, приобщаясь к его обычаям и нравам.

### *Римская армия в Южной Аравии*

Поход римского экспедиционного корпуса в Южную Аравию (26—25 годы до н. э.) был предпринят в весьма сложной политической обстановке. Император Август после победы при Акциуме (31 год до н. э.), сделавшей его господином Египта, вознамерился распространить власть Рима на весь бассейн Красного моря, а заодно и разведать раскинувшуюся по его восточному побережью страну до крайних ее пределов. Проект исследования «Аравии Счастливой» преследовал, вероятно, и цель более отдаленную — положить конец той монополии в торговле благовониями, которая так обогащала аравитян. Август набрал два легиона общей численностью в 10 тысяч да еще присоединил к ним римские контингенты из Иудеи и Набатеи. Корпус был поставлен под начало Элия Галла, префекта Египта.

В 26 году корпус на судах пересекает Красное море и высаживается в Леуке Коме (ныне это либо Карна, либо Ваджх), расположенную в трехстах километрах к югу от Петры<sup>16</sup>. Там армия Галла, измотанная морским переходом, отдыхает и пополняет свои запасы в течение всего лета, всей осени и почти всей зимы. В конце зимы 25 года она, направившись к югу, проходит Ясриб (Медину), затем через окрестности Мекки и шесть месяцев спустя достигает рубежей «Аравии счастливой». Последуем теперь за Страбоном, который подробно рассказывает о дальнейших событиях:

Потребовалось пятьдесят дней для того, чтобы достичь города Негранес (Наджран) и окружающую его область, мирную и плодородную. Царь убежал, а город был взят

приступом. Еще через шесть дней он (Э. Галл) дошел до реки (вади Мазаб), где варвары завязали сражение: они в ней потеряли около десятка тысяч убитыми, римляне — только двух воинов; будучи совершенно неопытными в военном деле, они (варвары) крайне неумело владели своим оружием — луками, копьями, мечами, пращами; по большей же части они были вооружены топорами с двумя лезвиями. Вскоре он взял и город Аску (Нашк), который также был покинут своим царем. Затем на своем пути встретил город Атроулу, которым овладел без боя (Атроула=Йасилл=Баракиш). Оставив в городе гарнизон и пополнив свои запасы зерновым хлебом и финиками, найденными в нем, он продолжил поход вплоть до города Марсийаба (Ма'риб), принадлежащего племени Рхаманитов, зависимому, в свою очередь, от Илисароса (Илишарах). Обложив город, он осаждал его в течение шести дней, затем нехватка воды вынудила его вернуться. Если верить показаниям пленных, ему не хватило всего двух дней пути для того, чтобы добраться до страны благовоний. Шесть месяцев шел он к этой цели — по вине проводников. Лишь на обратном пути, то есть слишком поздно, понял он их заговор. Возвращался он уже иными дорогами. Через девять дней обратного пути он был уже у Неграна (Наджрана), где произошла битва. Затем он пересек пространства мирной страны (...) и дошел до Эгры (и до ее порта Леуке Коме), то есть вновь достиг отправной точки похода на берегу моря. На юг он шел шесть месяцев, а обратно добрался всего за шестьдесят дней.

Страбон свое повествование заключает так:

Эта экспедиция была не очень полезной, с точки зрения накопления знаний о стра-

не. И все же некоторый вклад в ознакомление с Аравией был внесен. Виновный в неудаче похода по имени Силла был в Риме предан суду. Несмотря на его заверения в дружбе к римскому народу, он был признан в этом преступлении виновным и обезглавлен<sup>17</sup>.

Требовалось найти виновного: Силла, организатор экспедиции, и был назван.

Плиний дает гораздо более краткую версию того же похода:

До настоящего дня римская армия вторгалась в пределы Аравии лишь один раз — под водительством Элия Галла, из сословия всадников. Галл разрушил по пути города, названия которых не встречаются до той поры у авторов: Неграна, Неска (Нашк) (...), Каминакум (Каминаху) и упомянутый выше Мариба, окружностью в 6000 шагов; он разрушил также Карипету (Хину аз-Зурайр, недалеко от Хариба), но далее он не пошел<sup>18</sup>.

Римская армия никогда, конечно, не доходила до южной оконечности страны. Император Август отметил ее подвиг весьма лаконично: «В стране сабейцев армия продвинулась до крепости Мариба»<sup>19</sup>.

Вряд ли стоит вдаваться в подробности этой кампании, но некоторые факты заслуживают объяснения. Безусловно, римляне обладали неоспоримым военным превосходством: искусные тактики, превосходные бойцы на открытой местности, накопившие к тому же огромный опыт в осаде городов, — они не находили равных себе по этим показателям противников. Наджран защищали кочевники, не искушенные в военном деле, а Баракиш был частично покинут своими жителями. Ма'риб, окруженный мощной крепостной стеной периметром в 4,5 километра, был более крепким «орешком», но римская армия, ослабленная долгим походом и болезнями, даже не попыталась взять его приступом и сняла осаду, длившуюся всего шесть дней. Присутствие в городе Рхамманитов, которые идентифицируются с племенем

нем Арийман, остается загадочным — точно так же, как и отсутствие царя Сабы в нем. Господствовали ли в Ма'рибе уже химьяриты, не перенесена ли была царская резиденция в Зафар? Это возможно. Но вот что совершенно очевидно: сабейское царство к этому времени оказалось очень ослабевшим.

В южноаравийских текстах римская экспедиция никак не отразилась. Однако в некоторых городах Аравии в течение нескольких месяцев оставались римские гарнизоны, а в иных из них некоторые легионеры и за этот краткий срок успели расстаться с жизнью. Так, к примеру, Публий Экв похоронен на кладбище Баракиша, расположенном за чертой города, к юго-западу от него<sup>20</sup>. Римские солдаты так или иначе завязывали какие-то связи с местным населением: одни из них — хотя бы для того, чтобы раздобыть продукты питания; другие оставляли после себя инструменты и предметы каждодневного обихода, которые потом послужили моделями для местных ремесленников; третьи, наконец, настолько сдружились кое с кем из горожан, что проникли в некоторые тайны караванной торговли. Экспедиция в конечном счете все же привела к накоплению информации о регионе. Сведения эти так или иначе оказались включенными в тот «инвентарий обитаемого мира», который использовался властителями Римской империи в делах их правления<sup>21</sup>. Страбон, первый из географов, отвечавших на запросы такого рода, с предумышленной точностью приводит названия городов, перечисляет естественные ресурсы такой-то и такой-то области, оценивает оружие одних из обитателей Аравии и подсчитывает прибыли других, извлекаемые из торговли по Красному морю.

### *Новые морские горизонты*

Страбон рассказывает, что истинной целью экспедиции, поставленной Августом, было обеспечение контроля над проливом Баб аль-Мандаб — «там, где Арабский залив, разделяющий арабов и троглодитов, очень узок; он (Август) задумал либо мирно до-

говориться с арабами, либо подчинить их». Элий Галлу потерял много времени на строительство военного флота... который был использован прежде всего для перевозки его войск в Леуке Коме. Тот ли самый это флот, что попытался затем неожиданным нападением овладеть Аденом? Действия Августа, их подробности остаются еще малоизученными.

Тем не менее его политика вписалась в историю судоходства по Красному морю. Вот уже более века моряки отваживаются проникать в него достаточно регулярно; к гораздо более раннему времени относятся спорадические попытки связать торговым путем, проходящим через знаменитый пролив, Египет с Индией. Однако в этой торговле арабы оказывались необходимыми посредниками: в Адене нужно было перегружать товары с одних судов на другие, так как индийские суда не достигали Египта. Приблизительно в 117 году до н. э. один моряк по имени Эвдокс из Цизики предпринял свое первое путешествие. С помощью двух лоцманов, одного индийца и другого грека, Гиппалоса, он прошел под парусом Красное море с севера на юг, преодолел бурный залив Баб аль-Мандаба, вошел в Аденский залив, но, не заходя в порт, удалился от берега у мыса Гардафюи (на сомалийском побережье) и прямо направился в Индию, которую и достиг в Баригазе (Броуч в Кабэйском заливе). В Красном море он использовал в целях навигации силу ветров, которые в июле дуют в основном с севера на юг; на обратном же пути он ловил парусом ветер, который в январе меняет свое направление и дует с юга на север — по крайней мере, в заливе и вдоль берегов Аравии. Ободренный успехом первой экспедиции, Эвдокс предпринял две другие в промежутке между 117 и 109 годами<sup>22</sup>. Разумеется, требовались годы, даже десятилетия для того, чтобы торговые связи приобрели регулярный характер, что, в свою очередь, предполагало выработку у моряков должных навыков приспособления к режиму муссонов. Страбон хвалит последних Лагидов за организацию больших флотилий, по два десятка судов и более, которые каждый год проходят пролив<sup>23</sup>

и устремляются в Индию, имея за кормой мыс Гардафюи, с тех пор обозначенный как «мыс благовоний». Еще сильнее восхваляет он Августа, уточняя, что отныне 120 судов отправляются под парусами из Миоса Хормоса (Абу Ша'ар)<sup>24</sup> в Индию. Уже в начале римской оккупации Египта число судов, участвующих в индийских экспедициях, увеличилось в шесть раз, сравнительно с эпохой последних Лагидов. Еще более оно возросло в правление Тиберия. Эти суда бросали якорь сначала у берегов Северной, затем Южной Индии. Наконец, они стали огибать ее и разгружаться в области Пондишери. Там они оставляли аретинскую керамику<sup>25</sup>, а брали на борт ценные камни, благовония, пряности и ткани.

Были ли южноаравийские государства в состоянии воспрепятствовать прямым торговым контактам между римским Египтом и Индией? Располагали ли они к тому необходимыми средствами? Сабейцы, как известно, никогда не выступали в роли морской державы, а другие южноаравийские государства хотя и вели морскую торговлю, никогда не спускали на воду военные флоты. Химьяритская конфедерация, располагавшая портами Музы, Оцелиса и, вероятно, Адена в непосредственной близости от проливов, так и не смогла блокировать последние или снарядить какую-либо карательную экспедицию. Конфедерация, впрочем, извлекала свою долю прибыли из этой египетско-индийской торговли, которая заодно наносила существенный ущерб интересам ее, конфедерации, противникам, сабейцам. Так, может быть, караванные царства просто не отдавали себе отчет в том, какой ущерб они терпят? Впрочем, их благосостояние основывалось, главным образом на торговле благовониями, а свою сухопутную монополию на нее они все же сохранили.

Славный период VIII—III веков до н. э. миновал. В I веке до н. э. исчезло караванное царство Ма'ин, частично захваченное кочевыми арабами, которые не располагали достаточным опытом в технике коммерции. После успеха римлян Баракиш, этот отпра-

ной пункт ранних торговых экспедиций на север, потерял всякое экономическое значение. В наибольшей степени от спада пострадали Саба и Катабан. Тамна, блестящий художественный центр еще в I веке до н. э., испытала непоправимый удар. Тогда царский двор вместе с культовыми учреждениями был перенесен из бывшей столицы в скромный городок зу-Гайлум, километров на двенадцать в глубь царства. Саба, утратив важные источники доходов, больше не берется за большое строительство.

Только Хадрамаут смог извлечь для себя выгоду из новой ситуации. К концу I века до н. э. он захватывает Са'калан (современный Зуфар). Жители покидают Шабву, чтобы поселиться в новом месте, почти на самом побережье Индийского океана в Самхаре (нынешний Хор Рури), более чем за 800 километров восточнее их старого города. Распространяя свой суверенитет над лесами ладанных деревьев, Хадрамаут становится главным производителем благовоний. Это — единственное государство региона, снарядившее свою собственную флотилию. Он организует каботажное плавание от Хор Рури на Кана', затем — караванную регулярную связь с Шабвой. Наконец, господство над островом Сокотра, куда могут заходить направляющиеся в Индию флотилии, открывает перед ним широкие океанские просторы. На суше он до последнего времени поддерживал полезные связи с Ма'ином, но упадок последнего вынудил хадрамаутцев без посредников вести свои караваны на север, вплоть до Наджрана; они научились обходиться и без катабанитского партнера. Эта широкомасштабная политика свидетельствует о подъеме могущества Хадрамаута. В начале нашей эры один из его царей, принявший престижный титул мутакарриба<sup>26</sup>, тем самым заявляет свою претензию на первостепенное положение в Южной Аравии: именно этот царь основывает порт Хор Рури, вмещивается, вероятно, во внутренние дела Джауфа и чеканит из бронзы большие монеты. Царство Хадрамаута переживало тогда длительный период процветания.



«Путешествие по Эритрейскому морю», странный документ, составленный в середине I века после Р. Х., раскрывает новые коммерческие горизонты. Анонимное произведение предлагает себя в качестве путеводаителя для римского негодянта, который пожелал бы пуститься в коммерческие путешествия по Красному морю и Индийскому океану<sup>27</sup>. Оно в самом деле охватывает совокупность потребных для торговли сведений: указываются наилучшие и допустимые маршруты, даются названия основных портов, приводится список имеющихся там-то и там-то товаров, описываются принятые в различных местах торговые процедуры, даже упоминаются имена царей и местных вождей.

Итак, «Путешествие» («Перипл») называет четыре самых крупных порта на побережье Аравии: Муза (Мавза', южнее современной Макхи), Оцелис (современный Шейх Саид), Аравия Счастливая (Аден) и Кана' (современный Бир Али). Первые два принадлежат «царям Сабы и зу-Райдана»: «Харибаэль» — это Кариб'иль, царь хомеритов (химьяритов) и Сапахара (столица Зафара). Владетели Адена не упоминаются, и нет никакой уверенности в том, что он все еще остается под господством катанитов. Что касается Кана', то порт принадлежит царю Хадрамаута Элиазосу (в южноаравийском варианте — Или'аззу). Текст уточняет:

За передовыми укреплениями мыса расположен другой приморский рынок — Кана', принадлежащий царству Элеазоса, что из страны благовоний. Напротив Кана', на расстоянии от него в 120 стадий, — два пустынных острова: остров Птиц и остров Труллис. А в противоположном направлении, в глубине земель, находится метрополия Саба'уа (Шабва), где и пребывает царь<sup>28</sup>.

Это — о политическом положении; что же касается мореходства, то с этой точки зрения Шабва описывается так:

Город как бы служит складским помещением для всего производимого в стране ладана, который сюда свозится на верблюдах, на судах и, наконец, на таких местных средствах транспортировки по воде, как связанные друг с другом бурдюки. Шабва поддерживает торговые отношения как с портами на побережье Индии — Баригазой, Скифией, Оманой (Оманом), так и с соседней Персией. Из Египта Шабва вывозит: пшеницу (в небольших количествах), вино, принятые у арабов ткани как из простого, так и из смешанного волокна, медь, олово, стиракс (...) И особо для своего царя — сосуды из чеканного серебра, монеты (в большом количестве), лошадей, статуи и роскошные ткани из простого волокна.

В обмен Кана' экспортирует ладан и алоэ. Археологи отметили следы от блоков ладана, которыми заполнялись корзины из пальмового дерева, предназначенные для транспортировки в судовых трюмах. На берегу эти корзины складировались в крытых обширных залах, которые частично располагались в полостях выдолбленных скал<sup>29</sup>. Такого типа строения, составляя в совокупности целые массивы, тянулись вдоль подножия «крепости Ворона» — горного и скалистого пика. На последнем обнаружены развалины домов, четыре водных резервуара и, если ученые не ошибаются, маяк. Из той же крепости русские археологи извлекли множество фрагментов амфор, в которых некогда хранились родосские или итальянские вина; снабженную печатями керамику, набатейские чаши. Если же говорить о всей совокупности находок в Кана', то она довольно четко очерчивает горизонты торговых отношений порта в I веке н. э. С одной стороны, он был связан со Средиземноморьем (причем не только восточным, но и западным), с другой — с Индией<sup>30</sup>.

«Путешествие» описывает и расположенный напротив Кана' остров Сококотру, называя его латинским именем — Диоскорида:

Это очень большой и очень болотистый остров, по которому текут реки и на котором водятся в великом множестве крокодилы, змеи и очень крупные ящерицы. Островитяне употребляют мясо последних в пищу, а вытопленный из ящериц жир используется как масло. Но на острове нет ни виноградников, ни хлебных полей (...) Остров богат также черепахами различных видов. Это подлинная черепаха; черепаха, обитающая на суше; особенно многочисленная белая черепаха, имеющая более широкий щит, чем вышеупомянутые; очень большая горная черепаха, имеющая толстый панцирь, со стороны брюха абсолютно не пробиваемый, а со стороны спины покрытый углублениями, напоминающими шкатулочки или доску для пирожных. Отсюда же вывозится киноварь, так называемая «индийская»; ее собирают с деревьев в виде капелек смолы (...). Остров — под властью того же царя, что и берег благовоний (Хадрамаут) (...). Он ведет торговлю с жителями Музы (...), а также со всеми, кто случайно пристаёт к его берегу. В ходе меновой торговли его жители предлагают рис, индийский лен и малочисленных там рабынь. Покидающие остров всегда берут с собой большой груз из черепах<sup>31</sup>.

Наконец, Зуфар, ставший к тому времени частью Хадрамаута, описывается как местность гористая, труднодоступная и покрытая туманом.

Ладанные деревья невысоки и невелики, они выделяют ладан, который застывает у них на коре. У нас, в Египте, некоторые деревья выделяют смолу точно таким же образом. Ладан собирают рабы царя и осужденные на смерть: местность, где произрастают ладанные деревья, заражена, она поражает чумой подплывающих к ней моряков и смертью тех, кто в этих рощицах работает (...).

«Путешествие» — кладезь познаний по географии вообще, а в особенности в том, что касается портов и их функционирования в середине I века н. э. или, если говорить точнее, в промежутке между 40 и 70 годами<sup>32</sup>. Помимо этого фундаментального компе-диума, другие документы — сказать по правде, не-многочисленные и разрозненные — также пролива-ют свет на торговые отношения. На египетском по-бережье Красного моря, в Леукосе Лимене (это са-мый близкий морской порт к Коптосу, на Ниле) най-дены следы пребывания одного химьяритского ком-мерсанта и одного негоцианта из Адена, которые специализировались на винной торговле между 57 и 70 годами. Южные аравитяне, вероятно, торговали бок о бок с сирийцами и индийцами и в самой Алек-сандрии, поставившей под свой контроль все торго-вые пути по Красному морю. Наконец, пребывание, по меньшей мере, одного купца (если не несколь-ких) из Хадрамаута на Делосе документально засви-детельствовано.

Итак, горизонты южноаравийской торговли рас-крываются очень широко. И не заставляют себя дол-го ждать ближайшие последствия такого рода рас-крытости — культурные заимствования.

### *Искусство-гибрид*

Большая торговля повлекла за собой, помимо прочего, установление связей между Египтом, Сири-ей и Южной Аравией и в области искусства. Когда купцы отправлялись со своими караванами в даль-ний путь или поднимались на борт готовых к отплы-тию судов, произведения разного рода искусств и ху-дожественных ремесел всегда их сопровождали, по-добно верным спутникам. Очень часто — не только произведения, но и их авторы: художники и ремес-ленники. По большей части такого рода импорт имел своим источником Александрию и Италию. Он состоял из повседневной утвари, имеющей, однако, и художественную ценность (кастрюли, чаши, брон-зовые тарелки и черпаки), и бронзовых статуэток

(эфебов, воинов, животных и богов)<sup>33</sup>. Вопрос о формах для отливки статуй остается открытым, так как ни одна из них до сих пор не обнаружена. Отливка копий с относительно простых оригиналов производилась и местными ремесленниками, однако сложное литье предполагало, конечно, присутствие иностранных специалистов. Иностранные специалисты, как видно по ряду признаков, в самом деле обосновались в крупных центрах ремесленного производства — в Ма'рибе, Тамне и Шабве. То были, по большей части, мастера второго класса с окраин Римской империи, привлеченные в южноаравийские города не столько обещанным вознаграждением, сколько жаждой приключений: их произведения иногда обличают не очень-то искусную руку.

Декоративный мотив, получивший наиболее широкое распространение как в зодчестве, так и в украшении домашней утвари, это — виноградная лоза с распутившимися листьями и с уже зрелыми гроздьями ягод. В I веке н. э. он вошел в моду. Более того, местные художники, воспроизводя его где только возможно, значительно усложняют его в угоду своему несколько вычурному вкусу: из виноградной лозы появляются... животные, самые разнообразные и изображенные, стоит заметить, весьма неумело.

Список заимствований возглавляется элементами греко-римского зодчества — колоннами с каннелюрами, коринфскими капителями, арками, фризами с зубчиками. В I веке это еще новшества, во II — это уже общепризнанный стиль.

Наиболее сложные работы заставляют думать о сотрудничестве местных и заезжих иностранных художников. Сотрудничестве, которое, вероятно, наладилось приблизительно с середины I века н. э. Среди значительных произведений той эпохи — херувимы верхом на львах, рельефно изображенные на бронзовой доске, найденной в Тамне. Искусствоведы полагают, что доска вместе с изображением была отлита на месте, в Тамне, художником аравитянином, но использовал он при этом литейные формы, привезенные извне<sup>34</sup>. Сидячая статуя «Дамы Бар'ат», хотя и

найденная почти там же, где были извлечены «херувимы на львах», демонстрирует тем не менее совсем иной стиль: тонко выполненная драпировка одежды, облегающей грудь, свидетельствует о сирийском влиянии<sup>35</sup>. Искусства в Южной Аравии, несмотря на свой консерватизм, стали мало-помалу прорастать иноземными влияниями. Еще очень робкие в начале нашей эры, влияния эти все больше и больше набирали силу в течение последовавших трех веков.

Когда князья, возглавившие химьритскую конфедерацию, овладели Сабой и провозгласили себя «царями Сабы и зу-Райдана», они подвели черту под историей одного из самых знаменитых южноаравийских царств. Конечно, Саба после этого акта не исчезнет полностью, она даже вновь обретет некоторую независимость во II веке после Р. Х., некоторые ее государи еще будут носить титул «царей Сабы» без всяких добавок; святилище Аввам в Ма'рибе еще в течение двух столетий будет привлекать толпы паломников, а паломники эти успеют оставить в храме множество посвящений и статуй. Однако реальная власть уже навсегда покинет Сабу, избрав своим местопребыванием Высокие Земли Йемена. Именно тогда племена Бакиль и Сами' примутся своими крепостными сооружениями создавать ландшафт вокруг Саны, а Химьяр вместе со своими составляющими, племенами Радман и Хавлан, займется тем же делом несколько южнее. Надолго утвердится иерархическая структура общества, состоящая на своей вершине из нескольких больших семейств, за которыми следуют нотабли, возглавляющие кланы, а за последними — члены кланов и подкланов. Военная аристократия, вышедшая из больших горных племен, завладеет реальной властью за счет традиционных династий. Вот почему трое аристократов из племенни Хашид смогут подняться на трон

Сабы. Фактически эти благородные горные племена следуют сабейскому образцу и претендуют на роль наследников Сабы — чтобы придать своей власти некоторую легитимность.

В возникновении и развертывании южноаравийской цивилизации ведущая роль, бесспорно, принадлежит Сабе, которая ее сыграла прежде всего благодаря своему языку. Самые ранние надписи на нем относятся к VIII веку до н. э., но и в 275 году н. э., уже после падения Сабейской державы спустя без малого три века, сабейский язык все еще остается живым. Химьяриты, преемники Сабы, высекают свои надписи на сабейском языке, хотя говорят, в большинстве своем, на иных диалектах; сабейским языком как языком культуры продолжает пользоваться в своем относительно узком кругу лишь химьяритская аристократия да религиозная элита, однако их писцы неукоснительно следуют образцам того монументального шрифта, который приобрел свое окончательное начертание несколько столетий тому назад. Итак, сабейский язык останется в употреблении и в IV, и в V веках н. э. Последние же документы, составленные на южноаравийском алфавите (но уже не на этом языке), относятся уже к исламской эпохе, точнее — к VII веку<sup>1</sup>. В том же столетии старый алфавит, прослуживший более пятнадцати веков, вытесняется новой арабской письменностью.

Но Саба — это также совокупность общин, первоначально сплотившихся вокруг общего культа Альмакаха. Позднее общность эта пополнилась за счет новых племен, признавших власть царей Ма'риба. Культ Альмакаха пронизывает собой всю историю Южной Аравии — вплоть до эпохи возникновения монотеистических религий. Еще накануне падения Сабейской державы святилища этого божества воздвигаются на горах к северо-западу от Саны. Десятилетия спустя, после того как падение это свершилось, Альмаках продолжает по-прежнему пользоваться особым почитанием. Ему в III веке преемники Сабы присваивают титул «Господина», «Сеньора», ему прихожане храма Аввам в Ма'рибе посвящают большую



часть своих приношений — лишь в самом конце IV века храм этот будет навсегда заброшен. Окончательный разрыв с сабейской религиозной традицией совпадет по времени с распространением монотеистических религий.

Саба, помимо прочего, служит еще символом государственности. Символом политических учреждений того славного царства, которое длилось тысячу лет и которое во времена первых мукаррибов распространило свое господство на всю Южную Аравию. Не вызывает удивления то, что химьяритские цари именовали себя «царями Сабы и зу-Райдана», даже если они пришли с гор: именно ссылка на Сабу давала им символическую легитимность. Роль царского дворца восходит к той же традиции. Подобно тому как в Сабе дворец Салхин выполняет важную, но все же не основную функцию, замок Райдан включает, конечно, и его обитателей, но все же прежде всего этим термином покрываются все те, кого объединяет власть их сеньора и сеньора замка одновременно. Химьяритские монеты, в свою очередь, несут на себе монограмму Райдана. В IV веке Саба — всего лишь имя, за которым более не стоит некогда выражавшаяся им реалья. Однако имя это занимает среди царских титулов первое место.

Вправе ли Саба претендовать на роль эталона «гидротехнического социума»? Разумеется, нет, поскольку и другие южноаравийские государства самостоятельно применяли очень схожие способы ирригации. Однако заслуга сабейцев в том, что они первыми представили в явном виде формулу уравнения между человеческим коллективом и культом, между коллективом и орошаемой территорией. Впрочем, Ма'рибский оазис вполне мог бы сойти за эталон процветания и за модель гидротехнического экспериментирования: именно здесь, напомним, в строительстве ирригационных сооружений стала регулярно применяться каменная кладка<sup>2</sup>. Вместе с тем самый большой южноаравийский оазис первым же и пал жертвой своего собственного успеха: ежегодное намывание на поля наносов влекло за собой

необходимость поиска места для водохранилищ и освоения новых площадей под земледельческие культуры на все более высоких уровнях вверх по долине вади. Перекрывающая русло вади плотина может, конечно, рассматриваться как чудо ирригационной техники, но она же являет собой и тупик в развитии последней, являет собой свидетельство узости технического мышления. Химьяриты, став господами Ма'риба, не принесли с собой ничего принципиально нового. И никакое иное государство так и не смогло найти решения такого рода проблем, если не считать отчаянных попыток очищать поля от заиления<sup>3</sup>.

И, наконец, Саба — это страница во всемирной истории искусств. Не прочитаны и, наверное, никогда не будут прочитаны предыдущие страницы — точно так же, как никогда не будет раскрыта тайна происхождения некоторых сабейских приемов в технике строительства. Зато не так уж и трудно догадаться о том, что Саба в эпоху своей экспансии навязала всей Южной Аравии свои художественные каноны. Навязала, как тоже очень легко предположить, не без задней мысли, не без невысказанного стремления подавить тенденции к партикуляризму. И каноны эти оказались сформулированными столь успешно, а следовали им столь прилежно, что невозможно отличить алебастровые головы архаического периода от тех, что были изваяны в классическую эпоху, или сабейские образцы — от катабанитских подражаний им. Что касается химьяритов, не успевших обзавестись своей собственной художественной традицией, то им ничего и не оставалось, как слепо следовать раз заданным сабейским моделям. У них не возводилось ни дома, ни дворца, ни храма, ни даже всего лишь надгробия, которые сколь-либо отклонялись бы от сабейских или катабанитских моделей. Последние служили для химьяритов в равной степени и эталонами эстетического вкуса, и учебником строительной инженерии. Вот почему повсеместно встречаешь одни и те же порталы святилищ с одними и теми же монолитными суживающимися кверху колон-

нами, увенчанными непременными зубчиками. Конечно, выход в греко-римский мир значительно обогатил и изобразительные искусства, и так называемые искусства прикладные, но заимствования не затронули древнего художественного ядра, не исказили традиционной архитектурной формулы, а всего лишь послужили новым способом ее выражения или, скорее, новыми одеяниями более чем тысячетлетней традиции.

В исламскую эпоху память о Сабе не изгладилась полностью. Ряд писателей упоминают химьяритские племена, считающие себя по происхождению сабейцами. В глазах видного многостороннего ученого X века Хасана аль-Хамдани Ма'риб остается вечным «городом Сабы» и пятым чудом Йемена. Остатки плотины и «двух садов» служат для него свидетельством великолепия древней столицы и технического мастерства ее обитателей. И он заключает: «В небытие ушли цари Сирваха и Ма'риба: после этого кто сможет чувствовать себя уверенно в этом мире?»<sup>4</sup>

## ПРИМЕЧАНИЯ

### ВВЕДЕНИЕ

<sup>1</sup> См.: Агатархид, писатель II в. до Р. Х.

<sup>2</sup> Перевод Баб аль-Мандаб, то есть названия пролива, до которого в южном направлении простирается Красное море.

<sup>3</sup> Volkoff O. V., D'où vient la reine de Saba?, IFAO, Le Caire, 1971 et Bonnet J., La Reine de Saba' et sa légende, Roanne, 1985.

<sup>4</sup> По вопросу об иконографии царицы Савской см.: Daum W., Die Königin von Saba'. Kunst, Legende und Archäologie zwischen Morgenland und Abenland, Belser, Zurich, 1988.

<sup>5</sup> Faure P., Parfums et aromates de l'Antiquité, Paris, 1987.

<sup>6</sup> Pirenne J., A la découverte de l'Arabie, cinq siècles de science et d'aventure, L'aventure de passé, Paris, 1958.

<sup>7</sup> Phillips W., Qatabân and Sheba. Exploring Ancient Kingdoms on the Biblical Spice Routes of Arabia, Londres, 1955 (trad. franç. par Rives G., Qatabân et Sheba, Paris, 1956).

<sup>8</sup> Раскопкам в Шабве посвящены два тома уже вышедшего из печати (в 1990 и 1992 гг.) совместного труда Ж. Пиренна и Ж.-Ф. Бретона. Третий том готовится к изданию.

### САДЫ САБЫ

<sup>1</sup> Agatharchide de Cnide, éd. C. Müller, Geographi Graeci Minores, parag. 95, traduit par J. Pirenne, Le Royaume sud-arabe de Qatabân... 1961, p. 82.

<sup>2</sup> Kessel J., Fortune carrée, Paris, 1932, pp. 3—4.

<sup>3</sup> Sources: Surface Water Resources, Final Report, vol. I—III, High Water Council, Sanaa, 1992.

<sup>4</sup> Cf. A. de Maigret, The Bronze Age Culture of Hawlân at-Ttyal and al-Hada (Republic of Yemen). A first general Report, IsMEO, Rome, 1990. Voir aussi: Wilkinson T. J., Edens C., Gibson M., «The Archaeology of the Yemen High Plains: a Preliminary Chronology», AAA, 1997, pp. 99—142.

<sup>5</sup> Сообщение, сделанное Б. Фогтом. Пользуюсь случаем, чтобы выразить ему свою благодарность.

<sup>6</sup> Schmidt J., «Der Tempel des Waddum dhû-Masma'im», ABADY, Band IV, 1987, pp. 179—184.

<sup>7</sup> Наводнение, наблюдавшееся в вадии Байхан 12 апреля 1990 года; см.: Coque-Delhuille B., «Le milieu naturel de la région de Bayhân», Une vallée antique du Yémen: le wâdi Bayhân (à paraître).

<sup>8</sup> Gentelle P., «Les irrigations antiques de Shabwa», Fouilles de Shabwa, II. Rapports préliminaires (Extrait de Syria, t. LXVIII, 1991), Paris, pp. 5—55.

<sup>9</sup> Cf. «Antike Technologie, die Sabäische Wasserwirtschaft von Mârib», ABADY, Band III (1986) et IV (1987), Philipp von Zabern, Mayence.

<sup>10</sup> Gentelle P., *Les Irrigations antiques*, 1992, pp. 42–43.

<sup>11</sup> Cf. Schaloske M., «Untersuchungen der Sabäischen Bewässerungsanlagen in Mârib», *ABADY*, Band VII, Maycnce, 1995, pp. 162–164.

<sup>12</sup> По вопросу о локализациях см.: Schaloske M., «Untersuchungen...», *op. cit.*, pl. 1, 8, 10, 11, etc.

<sup>13</sup> См. план в работе Schmidt J., «Zweiter vorläufiger Bericht ubet die Ausgrabungen und Forschungen des DAL...», *ABADY*, Band III, plan du Hauptveteiler en annexe.

<sup>14</sup> На этой стеле текст СИН 541.

<sup>15</sup> Надписи СИН 622 et 623: Йасран означает южный оазис, а Абйан — северный.

<sup>16</sup> Cf. Gentelle P. et Roux J.-Cl., à pataître dans Syria.

<sup>17</sup> Pline, *Histoire naturelle*, livre XIII, 28–29.

<sup>18</sup> Levkovskaya G. M. et Filatenko A. A., «Palaeobotanical and Palynological Studies in South Arabia», *Journal of Palaeobotany and Palynology*, 73, 1992, pp. 241–247.

<sup>19</sup> Pline, *Histoire naturelle*, livre XXIV, 107–108.

<sup>20</sup> Hepper F. N. et Wood J. R. I., «Were There Forests in the Yemen?», *PSAS*, vol. 9, 1979, pp. 65–71.

<sup>21</sup> Breton J.-F., «Les fortifications d'Arabie méridionale du VII<sup>e</sup> au I<sup>er</sup> siècle avant notre ère», *ABADY*, Band VIII, 1994, pp. 89–92.

<sup>22</sup> Phillips W., *Qatabân and Sheba, Exploring Ancient Kingdoms on the Biblical Spices Routes of Arabia*, Londres, 1955.

<sup>23</sup> Bowen R. LeBaron, Albright F. P., *Archaeological Discoveries in South Arabia*, Baltimore, 1958, pp. 215–268.

<sup>24</sup> Vogt B., Bar'ân (aujourd'hui 'Arsh Bilqîs), temple d'Almaqah, Yémen, au pays de la rcine de Saba', *Catalogue de l'exposition*, Paris, 1997, pp. 140–141.

<sup>25</sup> Pirenne J., «La lecture des rochers inscrits et l'histoire de l'Arabie du Sud antique», *Bibliotheca Orientalis*, XLI, 1984, col. 569–589. Plus récemment: Robin Ch., «Sheba dans les inscriptions d'Arabie du Sud», *supplément au Dictionnaire de la Bible*, Letouzey, Paris, 1996, col. 1091–1096 et 1147–1151.

## КАРАВАННЫЕ ЦАРСТВА

<sup>1</sup> Ryckmans J., Müller W. W., Abdallah Y., *Textes du Yémen antique inscrits sur bois*, Institut orientaliste, Louvain-la-Neuve, 1994. Cf. aussi Ryckmans J., «Pétiotes de palmes et bâtonnets inscrits: un type nouveau de documents du Yémen antique», *Académie royale de Belgique*, 1993, 1.

<sup>2</sup> Robin Ch., *Sheba*, 1996, col. 1216.

<sup>3</sup> Cf. chap. I.

<sup>4</sup> Robin Ch., *Sheba*, 1996, col. 1091–1092 et 1095–1096.

<sup>5</sup> Помимо этих списков эпонимов, процитируем текст Jamme 2848, СИН 610.

<sup>6</sup> Robin Ch., *Sheba*, 1996, col. 1150–1153.

<sup>7</sup> De Maigret A., *The Sabacan Archaeological Complex in the Wâdî Yalâ', A Preliminary Report*, Rome, 1988, pp. 21–44.

<sup>8</sup> RES 3945 et 3946.

<sup>9</sup> Breton J.-F., «Haïar Yahirr, capitale de 'Awsân?», Raydân, vol. 6, 1994, pp. 41—47.

Воды вади Марха теряются гораздо севернее, недалеко от Шабвы, и сливаются в подземном потоке с водами вади Хадрамаут.

<sup>10</sup> Robin Ch., Sheba, 1996, col. 1121—1123.

<sup>11</sup> Vogt B., «Sabr. Une ville de la fin du II<sup>e</sup> millénaire dans l'arrière-pays d'Aden», Yémen, au pays de la reine de Saba', 1997, pp. 47—48.

<sup>12</sup> Traduction Robin Ch.

<sup>13</sup> Inscription RES 3946.

<sup>14</sup> Cf. Anfray F., Les Anciens Ethiopiens, Paris, 1990, pp. 17—63.

<sup>15</sup> Ephal I., The Ancient Arabs. Nomads on the Borders of the Fertile Crescent, 9th—5th B. C., Jerusalem, Leyde-Brill, 1982, p. 42, n. 117.

<sup>16</sup> Pirenne J., Paléographie des inscriptions sud-arabes. Contribution à la chronologie et à l'histoire de l'Arabie du Sud antique, 1, Bruxelles, 1956.

<sup>17</sup> Van Beek G., Hajar bin Humaid, Investigations at a Preislamic Site in South Arabia, Publications of the American Foundation for the Study of Man, Baltimore, 1969.

<sup>18</sup> Strabon, XVI, 4, 2.

<sup>19</sup> Укрытие, хорошо известное мореплавателям. См.: Henri de Monfreid, Les Secrets de la mer Rouge, Paris, 1932, chap. 1.

<sup>20</sup> Pline l'Ancien, livre XII, 64.

<sup>21</sup> Один из этих государей воздвигает большое каменное изваяние каменного барана в храме Саййин в Хурайте.

<sup>22</sup> Breton J.-F., «Shabwa, capitale antique du Hadramawt», Journal asiatique, CCLXXV, 1987, pp. 14—15.

<sup>23</sup> Gentelle P., «Les irrigations antiques à Shabwa», Fouilles de Shabwa, II, 1992, pp. 5—55.

<sup>24</sup> Badre L., «Le sondage stratigraphique de Shabwa», Fouilles de Shabwa, II, 1992, pp. 229—314.

## АРАВИЙСКИЕ АРОМАТЫ

<sup>1</sup> Hérodote, L'Enquête, III, 107.

<sup>2</sup> Traduction de Lacarrière J., En cheminant avec Hérodote. Voyages aux extrémités de la terre, Paris, 1981, pp. 192—195.

<sup>3</sup> Théophraste, Histoire des plantes, livre IX, 4, 4—5.

<sup>4</sup> Agatharcharchide, ed. Müller, Geographi Graeci Minores, parag. 97.

<sup>5</sup> Pline, Histoire naturelle, livre XII, 70.

<sup>6</sup> Plante herbacée, vivace, à fleurs jaunes.

<sup>7</sup> Théophraste, Histoire des plantes, livre IX, 4, 2—3.

<sup>8</sup> Strabon, Géographie, XVI, 4, 19.

<sup>9</sup> Exode, 30, 22—25, 33.

<sup>10</sup> Faure P., Parfums et aromates de l'Antiquité, 1987, et Détéienne M., Les Jardins d'Adonis, Paris, 1972.

<sup>11</sup> Retsö J., «The Domestication of the Camel and the Establishment of the Frankincense Road from South Arabia», Orientalia Suecana, XL, 1991, p. 198.

<sup>12</sup> В 610 г. до Р. X. было запрещено принесение в жертву животных вне Иерусалима, равно как и сожжение жира на алтарях.

<sup>13</sup> Monod T., «Les arbres a encens (*Boswellia sacra*, Flückiger, 1867) dans l'Hadramaout (Yémen du Sud)», Bulletin du Muséum d'histoire naturelle, 4<sup>e</sup> série, 1, 1979, section B, n° 3, pp. 131–169. Cf. aussi Monod T. et Bel J.-V., Botanique au pays de l'encens, Bruxelles, 1996, pp. 100–102.

<sup>14</sup> *Boswellia sacra* в окрестностях Шабвы не произрастает, но там встречаются обычные ладанноносные растения, в особенности же эти места известны мирроносными деревьями.

<sup>15</sup> Bent Th., Southern Arabia, Londres, 1900, pp. 603–605.

<sup>16</sup> Pline, Histoire naturelle, livre XII, 58–59.

<sup>17</sup> Id., ibid., livre XII, 32, 58–62.

<sup>18</sup> Bent Th., Southern Arabia, 1900, p. 252.

<sup>19</sup> Thomas B., Arabia Felix, Londres, 1932, p. 122.

<sup>20</sup> Faure P., Parfums et aromates, 1987, p. 294.

<sup>21</sup> Pline, Histoire naturelle, livre XII, 74–76.

<sup>22</sup> Faure P., Parfums et aromates, 1987, pp. 291–293.

<sup>23</sup> Pline, Histoire naturelle, livre XII, 89–92.

<sup>24</sup> Simeone-Senelle M.-C., «Suqutra. Parfums, sucs et resine», Saba', t. II, 1994, pp. 9–11.

<sup>25</sup> Id., ibid., pp. 12–14.

<sup>26</sup> Faure P., Parfums et aromates, 1987, pp. 299–301. Cf. Hérodote, Enquête, III, 107.

<sup>27</sup> Groom N., Frankincense and Myrrh, 1981, pp. 160–161.

<sup>28</sup> Pline, Histoire naturelle, livre XII, 93 et 82.

<sup>29</sup> Breton J.-F., «Le site de Shabwa», Fouilles de Shabwa, II, 1992, p. 61–66.

<sup>30</sup> Pline, Histoire naturelle, livre XII, 63–64.

<sup>31</sup> Id., ibid., livre IX, 4, 6.

<sup>32</sup> У Плиния мы читаем: «(Этот ладан) можно вывозить лишь через страну Геббанитов (Катабанитов)» (Книга XII, 63–64). Несомненно то, что после исчезновения во II в. Катабана излюбленным купцами путем стал прямой маршрут Шабва — Наджран. Но Плиний, может быть, спутал минейцев с катабанитами.

<sup>33</sup> Philby, H. St. J. B., Sheba's Daughters..., Londres, 1939, p. 358...

<sup>34</sup> Pline, Histoire naturelle, livre XII, 63–64.

<sup>35</sup> По Плинию, кассия, собираемая в регионе Африканского Рога, перевозилась в Южную Аравию, а затем реэкспортировалась.

<sup>36</sup> Une livre = 327 g.

<sup>37</sup> Pline, Histoire naturelle, livre XII, 84.

<sup>38</sup> Lammens P. H., La Mecque à la veille de l'Hégire, Beyrouth, 1924, p. 274.

<sup>39</sup> Traduction de Robin Ch, L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet, Edisud, 1991, pp. 59–62.

<sup>40</sup> Salles J.-F., «La circumnavigation de l'Arabie dans l'Antiquité classique», L'Arabie et ses mers bordières, t. I, Lyon, 1988, pp. 79–86.

<sup>41</sup> Id., ibid., pp. 86–91.

<sup>42</sup> Arrien, Annales, VII, 19, 5.

<sup>43</sup> Pline, Histoire naturelle, livre XII, 62.

<sup>44</sup> P. Faure, Parfums et aromates, 1987, p. 197, citant Pouilloux I., Choix d'inscriptions grecques, Paris, 1960, n° 37.

<sup>45</sup> Si l'on en croit la thèse de Rougé J., «La navigation en mer Erythrée dans l'Antiquité», op. cit., p. 68.

<sup>46</sup> Pline, Histoire naturelle, livre XII, 87—88.

## ГОРОДА И ДЕРЕВНИ

<sup>1</sup> В качестве примера приведем предгорье Джебеля Низаййин к западу от Байхана.

<sup>2</sup> Breton J.-F., «Les fortifications d'Arabie méridionale...», op. cit., pp. 17—19.

<sup>3</sup> Id., ibid., pp. 95—97.

<sup>4</sup> Bessac J.-L. qualifie cet assemblage à la règle malléable de «lesbi-en», Fouilles de Shabwa, III (sous presse).

<sup>5</sup> De Maigret A. et Robin Ch., «Le temple de Nakrah à Yathill (aujourd'hui Barâqish)...», CRAIBL, 1993, p. 430...

<sup>6</sup> Cf. chap. III.

<sup>7</sup> Pline, Histoire naturelle, livre VI, 153—155.

<sup>8</sup> Hamilton R. A. B., «Six Weeks in Shabwa», The Geographical Journal, 1942, p. 116.

<sup>9</sup> Beeston A. F. L., «Functional Significance of the Old South Arabian "Town"», PSAS, Londres, 1971, pp. 26—28.

<sup>10</sup> Breton J.-F., «Le site et la ville de Shabwa», Fouilles de Shabwa, II, 1992, pp. 59—66.

<sup>11</sup> Darles Ch., «L'architecture civile à Shabwa», Fouilles de Shabwa, II, 1992, p. 83...

<sup>12</sup> Strabon, XVI, 4, 2 et 3.

<sup>13</sup> Seigne J., «Le chateau royal de Shabwa: architecture, techniques de construction, et restitutions», Fouilles de Shabwa, II, 1992, pp. 113—131, et B J.-F., «Le château royal de Shabwa: notes d'histoire», Fouilles de Shabwa, II, pp. 209—229.

<sup>14</sup> Breton J.-F. et Darles Ch., «Le grand temple», Fouilles de Shabwa, III (sous presse).

<sup>15</sup> Breton J.-F. et Darles Ch., «Shibam», Storia della città, n° 14, Milan, 1980.

<sup>16</sup> Тексты с Высоких Земель в Йемене.

<sup>17</sup> Doe B. et Serjeant R. B., «A Fortified lower-House in Wâdî jirdân (Wâhidî Sultanate)», BSOAS, XXXVIII, 1975, pp. 1—23 et 276—295, pl. I—VIII et I—III.

<sup>18</sup> Breton J.-F., L'Architecture domestique en Arabie méridionale du VII<sup>e</sup> siècle avant J. C. au IV<sup>e</sup> siècle après J. C., thèse de doctorat d'Etat, université de Paris-I, 1997.

<sup>19</sup> Pirenne J., Les Témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire, Paris, 1990, pp. 72—73.

<sup>20</sup> Bonnenfant P., Sanaa, Architecture domestique et société, Paris, 1996, p. 104; exemple: Bayt G.: p. 208, fig. 9 et p. 209.

<sup>21</sup> Traduction Robin Ch.



<sup>22</sup> Bonnenfant P., Sanaa, *Architecture domestique...*, 1996, pp. 145—153; exemple maison Bayt az-Zubaytî, pp. 249—260.

<sup>23</sup> Mauger Th., *Tableaux d'Arabie*, Paris, 1996: maisons de Bilad Qahtan, Bani Bishr, etc.

<sup>24</sup> Yémen, au pays de la reine de Saba', 1997, p. 202.

<sup>25</sup> Agatharchide, éd. Müller, p. 100.

<sup>26</sup> Текст, датированный V в. н. э.

<sup>27</sup> Текст, датированный I в. н. э.

<sup>28</sup> Yémen, au pays de la reine de Sabav, 1997, p. 110 (I<sup>er</sup> siècle av. J.-C.).

<sup>29</sup> Breton J.-F., Darles Ch., Robin Ch., Swauger J. L., «Le grand monument dit T. T 1 de Tamna': architecture et identification», *Syria*, 1997, pp. 1—40.

<sup>30</sup> Breton J.-F., «A propos de Najrân», *Etudes sud-arabes*, Louvain, 1991, pp. 59—84.

<sup>31</sup> Breton J.-F., McMahon A., Warburton D., «Two Seasons at Hajar am-Dhaybiyya (Yemen)», *AAA*, pp. 1—22.

<sup>32</sup> De Maigret A., *The Sabaeen Archaeological Complex in the wâdi Yalâ...*, 1988, pp. 10—20.

<sup>33</sup> Breton J.-F., *L'Architecture domestique...*, op. cit. pp. 92—100.

<sup>34</sup> Caton Thomsom G., *The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadhrāmawt)*, 1944, pp. 139—143.

<sup>35</sup> Audouin R., «Al-'Oqm (sur la zone IR3)», *Fouilles de Shabwa*, II, 1992, pp. 55—59.

<sup>36</sup> Breton J.-F. et Darles Ch., «Hajar Surban 1 et 2: villages du Jabal an-Nisiyîn», *Arabia Felix*, 1994, pp. 46—62.

<sup>37</sup> Breton J.-F., *L'Architecture domestique...*, op. cit., pp. 69—89. Cf. aussi Breton J.-F., Coque-Delhuile Br., Gentelle P., Arramond J.-Ch., *Une vallée du Yémen antique: le wâdi Bayhân, à paraître*.

## ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

<sup>1</sup> En Hadramawt, cf. Serjeant R. B., «Haram and Hawtah, the Sacred Enclaves in Arabia», *Mélanges Taha Husain*, Le Caire, 1962, republié dans Serjeant R. B., *Studies in Arabian History and Civilisation*, Variorum Reprints, Londres, 1981, pp. 41—58.

<sup>2</sup> Robin Ch., *Sheba...*, Paris, 1996, col. 1194.

<sup>3</sup> Robin Ch., «Esquisse d'une histoire de l'organisation tribale en Arabie du Sud antique», *La Péninsule Arabe d'aujourd'hui*, CNRS, 1982, pp. 19—20.

<sup>4</sup> Robin Ch., *La Cité et l'organisation sociale...*, 1979, p. 157.

<sup>5</sup> Preissler H., «Abhängigkeitsverhältnisse in Südarabien im mittelsabäischer Zeit (1. Jh. v. u. Z. — 4. Jh. u. Z.)», *Ethnogr. Archäol. Zeitung*, 25, Leipzig, 1984, pp. 73—83.

<sup>6</sup> Textes cités dans Avanzini A., «Remarques sur le «matriarcat» en Arabie du Sud», *L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet*, REMM, n° 61, 1991-3, pp. 159—160.

<sup>7</sup> Robin Ch., «Two Inscriptions from Qaryat al-Faw mentioning Women, Araby the Blest», *Studies in Arabian Archaeology*, Copenhagen, 1988, pp. 172—174.

- <sup>8</sup> Avanzini A., «Remarques sur le matriarcat...», op. cit. p. 160.
- <sup>9</sup> Strabon, XVI, 4, 25.
- <sup>10</sup> Chelhod J., «L'évolution du système de parenté au Yémen», L'Arabie du Sud. Histoire et civilisation, Maisonneuve, Paris, 1985, p. 108...
- <sup>11</sup> Beeston A. F. L., «Women in Saba», Arabia and Islamic Studies, Articles presented to R. B. Serjeant... Edited by Bidwell R. L. et Smith G. R., Longman, Londres, 1983, pp. 7—13.
- <sup>12</sup> Avanzini A., «Remarques sur le "matriarcat"...», op. cit. 1991, p. 160.
- <sup>13</sup> Ryckmans J. et alii, Textes du Yémen antique inscrits sur bois, 1994 (texte YM 11726).
- <sup>14</sup> Texte Jamme 619.
- <sup>15</sup> Levkovskaya G. M. et Filatenko A. A., «Paleobotanical and Palynological Studies in South Arabia», Review of Palaeobotany and Palynology, 73, 1992, pp. 241—257.
- <sup>16</sup> Ryckmans J. et alii, Textes du Yémen antique inscrits sur bois, 1994, pp. 54—55 (texte YM 11729).
- <sup>17</sup> Pline, Histoire naturelle, livre XIII, 34—35.
- <sup>18</sup> Lankester Harding G., Archaeology in the Aden Protectorates, Londres, 1964, pl. LII; Bafaqih M. A., «The Enigmatic Rock Drawings of Yatûf in wâdî Girdân. Notes and Observations», PSAS, vol. 8, 1978, pp. 5—14.
- <sup>19</sup> Lundin A., «Le décret de Hadaqan sur l'exploitation de la terre», Palestinskij Sbornik, vol. 29, 1987.
- <sup>20</sup> Несмотря на наличие диких маслин на высокогорных плато.
- <sup>21</sup> Goblot H., Les Qanats. Une technique d'acquisition de Peau, Paris, 1979, pp. 105—106.
- <sup>22</sup> Traduction Abdallah Y., Ein altsüdarabischer Vertragstext von den neuentdeckten Inschriften auf Holz, Arabia Felix, Beiträge zur Sprache und Kultur..., 1994, p. 1—12 et dans Archéologia, n° 271, septembre 1991, p. 52. Voir aussi Ryckmans J., «Pétiotes de palmes et bâtonnets inscrits: un type nouveau de documents du Yémen antique», Académie royale de Belgique, Bulletin de la classe des lettres..., 1993.
- <sup>23</sup> Pirenne J., «La juridiction de l'eau en Arabie du Sud antique d'après les inscriptions», L'Homme et l'eau en Méditerranée et au Proche-Orient, t. II: Aménagements hydrauliques, Etat et législation Lyon, 1982, pp. 84—86.
- <sup>24</sup> Beeston A. F. L., «Qahtan. Studies in Old South Arabian Epigraphy», Fascicule 2: The Labakh Texts (with addenda to the «Mercantile Code of Qataban»), Londres, 1971.
- <sup>25</sup> Cf. Roux J.-Cl., Fouilles archéologiques des ouvrages hydrauliques, DRAC du Languedoc-Roussillon, 1996.
- <sup>26</sup> Ryckmans J. et alii, Textes du Yémen antique inscrits sur bois..., 1994, textes 13 (YM 11743) et 12 (YM 11730).
- <sup>27</sup> Id., ibid., texte 15 (YM 11738).
- <sup>28</sup> Перевод, любезно предоставленный Ж. Рикманом до опубликования в PSAS, 1997.
- <sup>29</sup> Pour toutes ces questions, voir Bessac J.-Cl., Techniques de construction, de gravure, d'ornementation en pierre dans le Jawf (Yémen), et Le Travail de la pierre à Shabwa, à paraître dans Fouilles de Shabwa, III.

<sup>30</sup> Breton J.-F., «Les fortifications d'Arabie méridionale...», op. cit., pp. 158—159.

<sup>31</sup> Ryckmans J. et alii, Textes du Yémen antique inscrits sur bois..., op. cit., pp. 43—44.

<sup>32</sup> Id., *ibid.*, pp. 63—65.

<sup>33</sup> Pritchard J., *Ancient Near-Eastern Texts Relating to the Old Testament*, Princeton, 1955, 298, cité dans Briant P., *Etats et pasteurs au Moyen-Orient*, Paris, 1982, p. 127.

<sup>34</sup> Hérodote, III, 113.

<sup>35</sup> Retsö J., «The Domestication of the Camel...», op. cit., pp. 205—209.

<sup>36</sup> Strabon, XVI, 4, 18.

## БОГИ И ИХ ХРАМЫ

<sup>1</sup> Общие работы по южноаравийской религии: Ryckmans J., «Le panthéon de l'Arabie du Sud préislamique; Etat des problèmes et brève synthèse», *Revue d'histoire des religions*, 206, Paris, 1989, pp. 151—169; du même auteur: «Arabian religions, Middle Eastern Religions», *Encyclopædia Britannica*, 1992, pp. 115—119 et 128 (bibliographie). Cf. aussi Bron F., «Los dioses y el culto de los Arabes preislamicos», *Mitología y religion del Oriente Antiguos*, AUSA, Barcelone, 1995, pp. 412—447.

<sup>2</sup> Импорт статуэток греко-римских богов не предполагает с необходимостью какую-либо их «интерпретацию» южными арабиянами.

<sup>3</sup> Nielsen D., *Der dreieinige Gott in religionshistorischer Beleuchtung*, I, Die drei Göttlichen Personen; II, Die drei Naturgottheiten, Copenhagen, 1922 et 1942.

<sup>4</sup> Robin Ch., *Les Hautes-Terres du Nord-Yémen...*, 1982, pp. 49—50 et fig. 3, p. 54.

<sup>5</sup> Cf. chap. I.

<sup>6</sup> Schmidt J., «Tempel and Heiligtum von al-Masâgid», *ABADY*, I, 1982, pp. 135—143 et pl. 56.

<sup>7</sup> Robin Ch., *Sheba*, 1996, col. 1160—1161.

<sup>8</sup> Ryckmans J., «Le pantheon de l'Arabie du Sud...», op. cit., p. 164.

<sup>9</sup> Théophraste, *Histoire des plantes*, livre IX, 4, paragr. 5 et Pline, *Histoire naturelle*, livre XII, 62.

<sup>10</sup> Cf. chap. IV.

<sup>11</sup> Robin Ch., *Sheba*, 1996, col. 1163—1164.

<sup>12</sup> Breton J.-F., «Les représentations humaines en Arabie préislamique», *L'Image dans le monde arabe*, CRNS Éditions, Paris, 1995, pp. 45—49.

<sup>13</sup> De Maigret A. et Robin Ch., «Le temple de Nakrah à Yathill», *CRAIBL*, 1993, p. 480.

<sup>14</sup> Pirenne J., *Les Témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire*, 1990, pp. 75—76 (texte RES 2693 du British Museum).

<sup>15</sup> Ryckmans J., «La confession publique des péchés en Arabie méridionale préislamique», *Le Muséon*, t. LVIII, Louvain, 1945, p. 1—14. Voir aussi Ryckmans J., «Les confessions publiques sabéennes: le code

sud-arabe de pureté rituelle», *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli* 32, N.S., 1972, pp. 1—15.

<sup>16</sup> Schmidt J., «Matib. Erater vorläufiger Bericht», *ABADY*, I, 1982, pp. 73—77.

<sup>17</sup> Robin Ch. et Breton J.-F., «Le sanctuaire préislamique du Gabal al-Lawd (Nord-Yemen)», *CRAIBL*, 1982, pp. 621—627.

<sup>18</sup> Robin Ch., Sheba, 1996, col. 1180—1181.

<sup>19</sup> Garbini G., *The Inscriptions of Sh'ib al-'Aql, Al-Gafnah and Yalâlad-Durayb*, De Maigret A., *The Sabaeen Archaeological Complex in the wâdî Yalâ'...*, 1988, pp. 21—41.

<sup>20</sup> Всякого рода гипотезы предлагались по вопросу о том, что же представлял собой интерьер овального пространства и как оно использовалось; предполагается наличие культовой утвари, скамей и стел с надписями.

<sup>21</sup> Breton J.-F., «Le sanctuaire de 'Athtar dhû-Risaf d'as-Sawdâ...», *CRAIBL*, 1992, pp. 439—441.

<sup>22</sup> Речь идет об общем расположении фигур в месопотамской иконографии, начиная с рельефов в Ур-Нанше, приблизительно датированных 2250 г. до н. э., и о ее иконографии, чье влияние, переданное через ряд промежуточных звеньев, дает себя чувствовать с большим запозданием и в Южной Аравии.

<sup>23</sup> Cf. Poir Pirenne J., *Notes d'archéologie sud-arabe*, III et IV, 1962 et 1965, et *Yémen, au pays de la reine de Saba'*, 1997, p. 164.

<sup>24</sup> Cf. Breton J.-F., Arramond J.-Cl. et Robine G., *Le Temple de 'Athtar d'as-Sawda'*, Paris, 1990 et Breton J.-F., «Le sanctuaire de 'Athtar dhu-Risaf d'as-Sawdâ'...», *CRAIBL*, 1992, pp. 429—449.

<sup>25</sup> Breton J.-F., «Temples de Ma'īn et du Jawf (Yémen): état de la question», *Syria*, à paraître en 1998.

<sup>26</sup> De Maigret A. et Robin Ch., «Le temple de Nakrah à Yathill...», *op. cit.*, pp. 432—458.

<sup>27</sup> Проблема в следующем: изображения богов, если они вообще существовали, — скрывались ли они, как, например, в святых святых иерусалимского храма или же, напротив, были выставлены перед взорами верующих?

<sup>28</sup> De Maigret A. et Robin Ch., «Le temple de Nakrah à Yathill (aujourd'hui Barâqish)...», *CRABL*, 1993, pp. 471—475.

<sup>29</sup> Robin Ch. et Ryckmans J., «Le sanctuaire minéen de Nakrah à Darb as-Sabî (environs de Barâqish). Rapport préliminaire (seconde partie)», *Raydân*, vol. 5, 1988, pp. 91—159; première partie dans Robin Ch., Breton J.-F. et Ryckmans J. sous le même titre dans *Raydân*, vol. 4, 1981, pp. 249—261 et pl. I—X.

<sup>30</sup> Sedov A. S. et Bâtayi', «Temples of Ancient Hadramawt», *PSAS*, vol. 24, 1994, pp. 183—196.

<sup>31</sup> Id., *ibid.*, p. 188.

<sup>32</sup> Will E., «L'adyton dans le temple syrien à l'époque impériale», *Etudes d'archéologie classique*, II, *Annales de l'Est. université de Nancy*, mémoire n° 22, 1959, pp. 136—145, pl. XXXVI—XXXIX.

<sup>33</sup> Cf. Audouin R., «Sculptures et peintures du château royal de Shabwa», *Fouilles de Shabwa*, II, 1992, pp. 167—173. Voir aussi les fresques de Qaryat al-Fau dans Ansary A. R., *Qaryat al-Fau, A Portrait of Pre-Islamic Civilization in Saudi Arabia*, Riyadh, 1981.

- <sup>1</sup> De Maigret A., «Les pratiques funéraires», Yémen, au pays de la reine de Saba', 1997, pp. 165—166.
- <sup>2</sup> Philby H. St. J.-B., Sheba's Daughters, Londres, 1939, pp. 373—379.
- <sup>3</sup> Две из этих мумий, извлеченные в Шибаме аль-Гирасе (в районе Саны), находятся в университетском музее Саны.
- <sup>4</sup> Abd al-Halim, N. D., «The Mummies of Shibâm al-Gharas (Sana'a District), al-Iklîl, 23, 1995.
- <sup>5</sup> Caton Thomson G., The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadramawt)..., 1944, pl. XXIII—XLVIII.
- <sup>6</sup> Sedov A. V., Raybûn XV Cemetery (1985—1986 excavations), Raybûn Settlement (1983—1987 excavations), Moscou, 1996, pp. 117—143.
- <sup>7</sup> Roux J.-Cl., «La tombe-caverne 1 de Shabwa», Fouilles de Shabws, II, 1992, pp. 331—365.
- <sup>8</sup> Von Wissmann H. et Rathjens C., «Vorislamische Altertümer», Rathjens-v. Wissmanche Südarabien-Reise, Band 2, 1932, pp. 159—166.
- <sup>9</sup> Recherches menées par Michel Garcia et Madiha Rachâd.
- <sup>10</sup> Cleveland R., An Ancient South Arabian Necropolis, Baltimore, 1965.
- <sup>11</sup> Phillips W., Qataban and Sheba, 1955, pp. 163—164.
- <sup>12</sup> Albright F. P., «Excavations at Mârib, Yemen», Archaeological Discoveries in South Arabia, Baltimore, 1958, pp. 215—39 et pl. 182—188.
- <sup>13</sup> Antike Welt, n° 5, 28 Jahrgang 1997, pp. 429—430.
- <sup>14</sup> Will E., «La tour funéraire de Palmyre», Syria, XXVI, 1949, fasc. 1—2, pp. 87—116, pl. V—VI et «La tour funéraire de Syrie et les monuments apparentés», Syria, 1949, fasc. 3—4, pp. 258—313, pl. XIII—XIV. Plus récent, Sartre A., «Architecture funéraire de la Syrie», Archéologie et histoire de la Syrie, t. II, Saarbrücken, 1989, pp. 423—447.
- <sup>15</sup> Cf. Cleveland R., An Ancient South Arabian Necropolis..., op. cit., pl. 70—74: socles avec stèles et pl. 75—86: socles seulement.
- <sup>16</sup> Cf. Yémen, au pays de la reine de Saba', op. cit., pp. 152—157 et 171—173.
- <sup>17</sup> Жертвователи или усопшие? Археологический контекст не дает возможности определенно ответить на этот вопрос.
- <sup>18</sup> Sedov A. S., Ground Cemetery in the wâdî Na'am (Raybûn XVII), Raybûn Settlement (1983—1987 Excavations)..., Moscou, 1996, pp. 143—158, pl. CVIII—CXXXI.
- <sup>19</sup> Breton J.-F. et Bâfaqih M. A., Trésors du wâdî Dura' (République du Yémen). Fouille franco-yéménite de sauvetage de la nécropole de Hajar adh-Dhaybiyya, Paris, 1993.
- <sup>20</sup> Vogt B., «Death, Resurrection and the Camel», Arabia Felex, 1994, pp. 279—290.
- <sup>21</sup> Henninger J., «Das Ppfer in den altsüdarabischen Hpchkulturen», réimp. dans Arabica Sacra; Orbis Biblicus et Orientalis, 40, Fribourg, 1981, pp. 204—253 et «Le sacrifice chez les Arabes», reimp. dans Arabica Sacra, Orbis Biblicus et Orientalis, 40, 1981, pp. 189—203.
- <sup>22</sup> Id., «Le sacrifice chez les Arabes», op. cit., p. 200.

<sup>23</sup> Sedov A. S., *Ground Cemetery in the Wâdî Na'am (Raybûn XVII)*, op. cit., pl. CXIII.

<sup>24</sup> *Nécropole de Raybûn XV*.

<sup>25</sup> Vogt B., «Death, Resurrection and the Camel», po. cit., pp. 286—287.

<sup>26</sup> Rathjens C., «Sabaeica, Bericht über die archäologischen Ergebnisse seiner zweiten, dritten und vierten Reise nach Südarabien», II Teil, *Die unlokalisierten Funde*, 1955, photos 245—250, pp. 219—220.

<sup>27</sup> Alî 'Aqîl A., *Les Stèles funéraires du Yémen antique, Mémoire de maîtrise*, Paris, 1984 (exemplaire dactylographié) répertoire 159 stèles.

<sup>28</sup> Cf. *Yémen, au pays de la reine de Saba*, po. cit., pp. 168—170.

<sup>29</sup> Will E., «De la Syrie au Yémen: problèmes des relations dans le domaine de l'art», *L'Arabie préislamique et son environnement historique et culturel, Actes du colloque de Strasbourg*, 1989, pp. 271—281.

<sup>30</sup> Tassinari S., «Propos sur la vaisselle de bronze», *Trésors du wâdî Dura'...*, 1993, pp. 49—50 et pl. 11, 13, 14, 26—28.

<sup>31</sup> Вероятно, так следует толковать назначение строения номер 74 в Шабве.

## К НОВЫМ ГОРИЗОНТАМ

<sup>1</sup> Robin Ch., *Les Hautes-Terres du Nord-Yémen avant l'Islam...*, t. I, Istanbul, 1982, pp. 45—46 et 48—67.

<sup>2</sup> Robin Ch., «Aux origines de l'Etat himyarite: Himyar et dhû-Raydân», *Arabian Studies in Honour of Mahmoud Ghul, Symposium at Yarmouk University*, 8—11 décembre 1984, Wiesbaden, 1989, pp. 104—113, ou plus récemment Tindell R.D., «The Rise of the Himyar and the Origins of Modern Yemen», *Arabia Felix*, 1994, pp. 273—279.

<sup>3</sup> Средний показатель в течение десяти лет (1978—1988) для Йарима, максимум там же в 1981 г. — 1710 мм. Средний показатель для перевала Сумара — около 630 мм.

<sup>4</sup> Ryckmans J., «L'apparition du cheval en Arabie ancienne», *Ex Oriente Lux*, 17, 1963, pp. 211—226.

<sup>5</sup> Wilkinson T. J., Edens C., Gibson M., «The Archaeology of the Yemen High Plains: a preliminary chronology», *AAA*, 8, 1997, pp. 130—131.

<sup>6</sup> Плине, *Histoire naturelle*, livre VI, 32.

<sup>7</sup> *Périples de la mer Erythrée*, paragraphe 23.

<sup>8</sup> Robin Ch., *Sheba*, 1996, col. 1099—1102.

<sup>9</sup> Деревня Шу'уб ныне поглощена разросшейся Саной, в нее, в эту бывшую деревню, можно, впрочем, проникнуть и теперь через укрепленные ворота, носящие то же имя.

<sup>10</sup> К йеменскому писателю Хасану аль-Хамдани, жившему в X в. См.: Faris N. A., «The Antiquities of South Arabia being a Translation...», *Princeton Oriental Textes*, vol. III, Princeton, 1938, p. 15.

<sup>11</sup> Robin Ch., «La pénétration des Arabes nomades au Yémen», *REMM*, n° 61, 1991, p. 72...

<sup>12</sup> Inscription RES 3943.

<sup>13</sup> Robin Ch., *Inventaire des inscriptions sud-arabiques*, t. I, AIBL-ISMEO, Paris, 1992.

<sup>14</sup> Yémen, au pays de la reine de Saba', 1997, p. 185.

<sup>15</sup> *Ibid.*, p. 184.

<sup>16</sup> Gatier P.-L. et Salles J.-F., «L'emplacement de Leuké Komé», appendice à «Aux frontières méridionales du domaine nabatéen», *L'Arabie et ses mers bordières...*, Lyon, 1988, pp. 186–187.

<sup>17</sup> Strabon, *Géographie*, XVI, IV, 22–24, traduction dans Pirenne, J., *Le Royaume Sud-Arabe*, Louvain, 1961, pp. 94–96.

<sup>18</sup> Pline, *Histoire naturelle*, livre VI, 160, traduction Littré, cité dans Pirenne J., *Le Royaume Sud-Arabe...*, op. cit., p. 96.

<sup>19</sup> Gagé J., *Res gestae divi Augusti...*, Publications de la faculté des lettres de l'université de Strasbourg, Paris, 1950, pp. 130–131.

<sup>20</sup> Costa P., «A Latin-Greek Inscription from the Jawf of the Yemen», *PSAS*, 7, 1977, pp. 69–72 et plus recent Bowersock G. W., *Roman Arabia*, Cambridge (MA), Harvard University Press, 1983, pp. 148–153.

<sup>21</sup> Nicolet C., *L'Inventaire du monde*, Paris, 1988, pp. 86–95 et 98–99.

<sup>22</sup> Desanges J., *Recherches sur l'activité des Méditerranéens aux confins de l'Afrique*, Paris, Ecole française de Rome, 1978, pp. 155–173 et Rougé J., «La navigation en mer Erythrée dans l'Antiquité», *L'Arabie et ses mers bordières...*, op. cit., pp. 67–74.

<sup>23</sup> Strabon, *Géographie*, II, 5, 12 puis XVII, 1, 13.

<sup>24</sup> Идентификация порта Миос Хормос остается неопределенной. См.: Sidebotham S. E., «The Red Sea and the Arabian-Indian Trade», *L'Arabie préislamique et son environnement...*, op. cit., pp. 204–205.

<sup>25</sup> См. материалы по раскопкам в Вирампатнаме-Арикамеде (около Пондишери), опубликованные Ж.-М. Казалем в 1949 г. См. также: Sidebotham S.E., *Roman Economic Policy in the Erythra Thalassa 30 B.C.-A.D. 217*, Leiden, 1986, pp. 13–47.

<sup>26</sup> Robin Ch., «Yashur'il Yuhar'ish mukarrib du Hadramawt», *Raydân*, 6, 1994, pp. 101–111 et p. 192 (pl. 48).

<sup>27</sup> Casson L., *The Periplus Maris Erythraei*, Text with Introduction, Translation, and Commentary, Princeton University Press, 1989.

<sup>28</sup> Périple de la mer Erythrée, paragraphe 27, adaptation de Pirenne J., *Le Royaume Sud-Arabe de Qatabân*, 1961 et de Dagron Ch., «La mer Erythrée, escales d'une découverette», *Saba*. 3–4, 1997, p. 19.

<sup>29</sup> Sedov A. S., «New Archaeological and Epigraphical Material from Qana (South Arabia)», *AAA*, vol. 3, n° 2, 1992, pp. 110–138 et fig. 4.

<sup>30</sup> Sedov A.S., «Qana' (Yemen) and the Indian Ocean; The archaeological Evidence, Tradition and Archaeology», *Early Maritime Contacts in the Indian Ocean*, Proceedings of the International Seminar, New Delhi, 1994, pp. 11–35.

<sup>31</sup> Périple de la mer Erythrée, paragraphes 30–31.

<sup>32</sup> Robin Ch., «L'Arabie du Sud et la date du Périple de la mer Erythrée (Nouvelles données)», *Journal asiatique*, t. CCLXXIX, 1991, pp. 1–31.

<sup>33</sup> Segall B., «Sculpture from Arabia Felix. The Hellenistic Period», *American Journal of Archaeology*, 59, 1955, pp. 207–214 et pl. 62–65.

<sup>34</sup> Segall B., «The Lion-Riders from Timna», *Archaeological Discoveries in South Arabia...*, 1958, pp. 155—178. Cette plaque pourrait être datée de 75 av. J.-C. — 50 ap. J.-C. contrairement à certaines datations plus anciennes (Segall B., 1955, p. 207).

<sup>35</sup> Will E., «De la Syrie au Yémen: problèmes de relations dans le domaine de l'art», *L'Arabie preislamique et son environnement...*, po. cit., p. 277; il propose le I<sup>er</sup> siècle ap. J.-C.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

<sup>1</sup> Robin, Ch. «Les écritures avant l'Islam», *REMM*, n° 61, 1991-3, pp. 134—135.

<sup>2</sup> Schaloske M., *Untersuchungen des Sabäischen Bewässerungsanlagen in Mârib...*, pp. 162—165.

<sup>3</sup> Такого типа работы проводились на некоторых орошаемых полях вблизи Шабвы.

<sup>4</sup> Faris N. A., *The Antiquities of south Arabia...*, op. cit., Princeton, pp. 34—36 et 67—68.



# СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика

6

## ВВЕДЕНИЕ

Царица Савская (царица Сабы): мифы и легенды. —  
Миф об Аравии Счастливой. — Поиски истоков?

13

## САДЫ САБЫ

Крыша Аравии. — Страна муссонов. — Вдоль по вади Зана. —  
Обуздание половодий. — «Гидротехническое общество»? —  
Два сада. — Агрокультуры и леса. — Город Ма'риб. — Храмы за  
чертой города. — Письмена на скалах

25

## КАРАВАННЫЕ ЦАРСТВА

Источники. — Так что это такое — Саба? — Первые мукаррибы. —  
Царствование мукарриба Кариб'иля Ватара. — Сабейский мир. —  
Причины сабейских успехов. — Саба — царство без царицы? —  
Упадок Сабейской империи. — Взлет Катабана. — Ма'ин и  
минейцы. — Хадрамаут. — Одна «Аравия Счастливая» или же их  
несколько?

49

## АРАВИЙСКИЕ АРОМАТЫ

«История растений» Теофраста. — Мирра. — Ладан. — Два сбора за  
год. — Прочие благовония. — Неизвестные величины. —  
Полуденные пути ладана. — От Аравии до Средиземного моря. —  
Некоторые цены. — Организация караванов. — Морские пути

78

## ГОРОДА И ДЕРЕВНИ

Малонаселенная страна. — Города-крепости. — Оригинальное  
градостроительство. — Посещение Шабвы. — Дома из дерева. —  
Дома-башни. — Богатый дом. — Суровые жилища. — Функции  
дома. — Деревни. — Фермы

106

## ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Общество очень своеобразное. — Племенная организация. —  
Социальная иерархия. — Место женщины. — Крестьяне. —  
Скотоводство. — Экономика сельской местности. — Экономика  
городов. — Хрупкость городской экономики. — Строительные  
профессии. — Писцы и архивариусы. — Степи и пустыни

129

## **БОГИ И ИХ ХРАМЫ**

Неполные источники. — Бог 'Астар. — Бог Альмаках. — Хавбас. — Главные национальные божества. — Другие божества. — Боги без человеческого облика? — Экономика храмов. — Странные обряды. — Некоторые церемониальные одеяния. — Святилища периода архаики. — Храмы Джауфа и Хадрамаута

161

## **МИР МЕРТВЫХ**

Наследие прошлого. — Могилы-пещеры. — Мавзолеи. — Образы усопших. — Последнее жилище. — Мертвые, погребенные в иле. — Могилы верблюдов. — Новшества в погребальной практике

193

## **К НОВЫМ ГОРИЗОНТАМ**

Возвышение Химьяра. — Саба', царственное племя. — Прибытие кочевников. — Римская армия в Южной Аравии. — Новые морские горизонты. — «Путешествие по Эритрейскому морю». — Искусство-гибрид

213

## **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

235

## **Примечания**

240

**Бретон Ж.-Ф.**  
Б 87 Повседневная жизнь Аравии Счастливой времен царицы Савской. VIII век до н.э. — I век н.э. / Пер. с фр., предисл. Ф. Ф. Нестерова. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 253[3] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

**ISBN 5-235-02571-7**

Одна ли это и та же страна — таинственная библейская «Шеба» (*араб.* «Саба»), из неизведанной глубины которой ко двору царя Соломона является царица Савская с дарами — целым караваном верблюдов, груженных благовониями, золотом и драгоценными камнями, и «Аравия Счастливая», которую при Августе пытались добыть мечом римские легионы? Но между «веком Соломона» и «веком Августа» пролегло, без малого, тысячелетие...

Археологические раскопки на территории Йемена, одновременно произведенные экспедициями из разных стран в последней трети прошлого века, рассеяли все сомнения и позволили заполнить тысячелетний «пробел» в истории. Из-под земли навстречу белому свету вышла целая цивилизация.

Ей и посвящен увлекательный рассказ руководителя французских археологов Ж.-Ф. Бретона.

**УДК 931**  
**ББК 63.3(0)31**

**Бретон Жан-Франсуа**

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АРАВИИ СЧАСТЛИВОЙ ВРЕМЕН ЦАРИЦЫ САВСКОЙ. VIII ВЕК ДО Н.Э. — I ВЕК Н.Э.**

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редактор **Р. В. Чекрыжова**

Художественные редакторы **О. В. Иванов, Н. С. Штефан**

Технический редактор **Н. А. Тихонова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия № ЛР 040224 от 02.06.97 г.

Слано в набор 28.01.2003. Подписано в печать 13.05.2003. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 13,44+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 33143.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: [dset@gvardiya.ru](mailto:dset@gvardiya.ru).

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030 Москва, Сушевская ул., 21.

**ISBN 5-235-02571-7**

Всех любителей  
гуманитарной литературы  
приглашаем посетить  
новый специализированный  
магазин-салон

**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН**



открытый при издательстве «Молодая гвардия»



В продаже самый широкий ассортимент  
биографических изданий,  
книги по истории, философии, психологии  
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.  
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)  
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

[www://mg.gvardiya.ru](http://mg.gvardiya.ru) ☎ [book@gvardiya.ru](mailto:book@gvardiya.ru)









СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
ВЕНЬ ВО ВРЕМЕНА  
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

Л. Флем

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
ФРЕЙДА  
И ЕГО ПАЦИЕНТОВ

П. Фор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА  
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Г. Андреевский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
МОСКВЫ  
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

А. Зверев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ  
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО  
ПАРИЖА

ISBN 5-235-02571-7



9 785235 025714

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ